Автор книги «Христос под следствием», пытливый судебный журналист с юридическим образованием, с бульдожьей хваткой вцепился в расследование свидетельств, подтверждающих истину библейского христианства. Эта захватывающая книга расскажет много нового и верующим, и агностикам.

Брюс М. Метцгер, преподаватель Нового Завета, почетный профессор Принстонской богословской семинарии.

Ли Стробел задает вопросы, которые задал бы закоренелый скептик, и дает на них исчерпывающие ответы. Его книга так хороша, что вечерами после ужина я читаю ее вслух жене. Эта книга должна лежать на столе у каждого исследователя.

Филлип Джонсон, преподаватель права и автор множества бестселлеров, Университет штата Калифорния, Беркли

Потрясающий подход к предмету исследования! Поистине уникальная книга, которую я всем сердцем рекомендую.

Рави Захариас, «Миссия Рави Захариаса»

Никто так не умеет отделить правду от вымысла, как опытный судебный журналист; никто так не умеет построить доказательство, как выпускник юридического факультета Йельского университета. Ли Стробел, автор этой замечательной книги, сочетает в себе обе эти характеристики. Поразительный рассказ о собственном обращении из атеизма в христианство и неопровержимые показания «экспертов-очевидцев» позволяют ему выстроить «железную защиту» Иисуса Христа! Я считаю, что книга «Христос под следствием» устанавливает новые стандарты современной христианской апологетики.

Д. Джеймс Кеннеди, доктор философии, священник Пресвитерианской церкви Корал-Ридж

Я никогда еще не встречал человека, который бы с таким усердием строил рациональное обоснование христианской веры — как для верующих, так и для сомневающихся. Эта книга наверняка станет классикой!

Билл Хайбелз, старший пастор, церковь Уиллоу-Крик

Я глубоко тронут тем, что стал одним из персонажей книги «Христос под следствием». Это одна из самых интересных современных книг, содержащих свидетельства в пользу христианства, и я уверен, что она затронет умы и сердца очень и очень многих. Ее должны прочесть все, кто интересуется историческими основами христианской веры.

Дж. П. Морлэнд, преподаватель философии, богословская школа Тальбота, университет Биолы, Ламирада, Калифорния

Журналист и юрист Ли Стробел берет интервью у тринадцати авторитетнейших ученых, задавая им самые сложные и каверзные вопросы об Иисусе из Назарета и о Его библейских жизнеописаниях. В результате Ли приходит к поразительному выводу: теперь, чтобы остаться атеистом, ему нужно приложить куда больше усилий, чем чтобы уверовать в Иисуса из Назарета! Я полагаю, что Ли совершенно прав. «Христос под следствием» предлагает нам всеобъемлющие исторические доказательства того факта, что Иисус — именно Тот, Кем Себя называл.

Убедительные свидетельства — и увлекательное чтение!

Питер Крифт, преподаватель философии, Бостонский колледж

Блестящее, основанное только на бесспорных фактах журналистское расследование Ли Стробела искусно собирает воедино исчерпывающие доказательства истины Христа. Каждый христианин просто обязан иметь эту книгу в своей библиотеке — и предлагать ее другим!

Доктор **Билл Брайт**, основатель и президент международного лагеря "Crusade for Christ International"

Ли Стробел, как мало кто в нашем поколении, знает и чувствует настроение современных скептиков. Эта прекрасная книга содержит в себе не только апологию, но и ответы на главные вопросы человека, вознамерившегося проверить, правду ли говорит о Себе Христос. Книга эта не только пленительна, но и убедительна.

Доктор **Роберт Коулман**, директор школы Всемирного миссионерства и евангелизма, директор Центра Билли Грэма при Институте евангелизма

Ли Стробел написал книгу, которая наверняка станет одной из самых читаемых популярных работ по апологетике. Образование, полученное автором в области юриспруденции и журналистики, позволяет ему живо и увлекательно изложить свои интервью с тринадцатью ведущими учеными, проповедующими Благую Весть. Ли — бывший атеист, и потому умеет формулировать вопросы. Свидетельства, приведенные в книге «Христос под следствием», поистине убедительны.

Доктор **Том С. Райнер**, декан Школы миссионерства, развития церкви и евангелизма Билли Грэма, Южная баптистская богословская семинария, Луисвиль, Кентукки

Книги Ли Стробела всегда прекрасно написаны, увлекательны и убедительны. На сей раз мне посчастливилось своими глазами наблюдать, как создавалась книга, — книга, которая убеждает, но не поучает, будит мысль, но не навязывает свое мнение, увлекает, но не подстраивается под читателя. Я с радостью рекомендую ее вам.

Гэри Коллинз, доктор философии, Американская ассоциация христианских душепопечителей

Христианский научно-апологетический центр
Христос под следствием
Журналист расследует факты об Иисусе
Ли Стробел
3-е здание, стереотипное

Симферополь
«ДИАЙПИ»
2010

Перевод: Евгения Канищева, Елена Буклерская
Научный редактор: Евгения Канищева
Originally published in the USA under the title
Lee Strobel "THE CASE FOR CHRIST: a journalist's personal investigation of the evidence for Jesus"
Издание осуществлено по заказу Христианского научно-апологетического центра
www.ScienceAndApologetics.com
Russian edition published in cooperation with Literature And Teaching Ministries, 221 West Third St., Joplin, MO 64801, USA

Эта книга — поразительный рассказ о собственном обращении из атеизма в христианство, в ней представлены исчерпывающие свидетельства (исторические, философские, научные, психологические) «экспертовочевидцев» о жизни, учении, смерти и Воскресении Иисуса.

Книга затронет умы и сердца многих. Ее должны прочесть все, кто интересуется историческими основами христианской веры: верующие и атеисты, учащиеся школ, студенты вузов и техникумов, родители — детям.

Все права закреплены. Ни одна из частей этой книги не может быть воспроизведена, сохранена в системе информационного поиска или передана в каком бы то ни было виде каким бы то ни было способом — механическим, электронным, фотокопировальным или любым другим — без предварительного письменного согласия издателя, за исключением кратких цитат в печатных рецензиях.

ISBN 978-966-491-102-0

© 1998 by Lee Strobel, Grand Rapids, Michigan
© Христианский научно-апологетический центр (перевод), 2002, 2010

Многие люди помогали в создании этой книги — и всем им я чрезвычайно признателен. Особенно я благодарен Биллу Хайбелзу (Bill Hybels), позволившему мне сделать ряд выступлений на эту тему в церкви Уиллоу-Крик; моей жене Лесли, подавшей мысль о переработке этих лекций в книгу; и моему редактору Джону Слоуну (John Sloan), чей творческий вклад в этот проект существенно улучшил его.

Кроме того, я благодарен Марку Миттельбергу (Mark Mittelberg) и Гарри Пулу (Garry Poole) за неустанную помощь и поддержку; Чаду Мейстеру (Chad Meister) и Бобу и Гретхен Пассантино (Bob and Gretchen Passantino) за исследовательскую работу и плодотворные идеи; Руссу Робинсону (Russ Robinson) за «взгляд юриста»; моей ассистентке Джоди Уолли (Jodi Walle) за ее бесценную помощь; моей дочери Элисон и сыну Кайлу за их вклад в эту работу — незаметный, но поистине неоценимый.

Наконец, я хочу сказать спасибо ученым, согласившимся на интервью. Снова и снова меня поражали не только и не столько их знания и мудрость, сколько смиренная и искренняя вера — и стремление помочь в «следствии об Иисусе» тем, кто еще пребывает в духовном поиске.

ВВЕДЕНИЕ. Возобновление уникального следствия

Дело против Джеймса Диксона по обвинению в покушении на убийство относилось к категории тех, что на прокурорском жаргоне называются «верняк». Элементарно! Достаточно было пробежать глазами свидетельские показания, чтобы удостовериться: во время столкновения в южной части Чикаго Диксон выстрелом в живот ранил сержанта полиции Ричарда Сканлона.

С каждым показанием, с каждым вещественным доказательством петля неопровержимых улик все туже затягивалась на шее Диксона. Отпечатки пальцев и оружие, раненый полицейский и показания очевидцев, мотивы и криминальное прошлое обвиняемого...

Факты, казалось, говорили сами за себя. В полицию позвонил человек и сообщил, что к его соседям на Вест-Плейс, 108 ломится мужчина с пистолетом. Сержант Сканлон поспешил по указанному адресу и застал там Диксона, который, стоя на крыльце, скандалил через закрытую дверь со своей подружкой. Отец девушки, увидев в окно офицера полиции, решился выйти наружу. Внезапно между ним и Диксоном завязалась драка. Сержант попытался их разнять; прогремел выстрел; Сканлон, раненный в живот, пошатнулся. Тотчас с воем сирен появились две патрульные машины, и выскочившие из них полицейские схватили Диксона.

Тут же, неподалеку, был обнаружен принадлежавший Диксону пистолет 22-го калибра с его отпечатками пальцев; в пистолете не хватало одной пули. По всей видимости, Диксон, выстрелив, отбросил его в сторону. Отец девушки не был вооружен, револьвер Сканлона оставался в кобуре. Пороховые ожоги на коже Сканлона свидетельствовали о том, что выстрел был произведен с чрезвычайно близкого расстояния.

Рана, к счастью, оказалась не опасной для жизни, хотя и достаточно тяжелой. Сам старший полицейский инспектор торжественно вручил Сканлону медаль за храбрость. Что же касается Диксона, то, проверив его «послужной список», полицейские обнаружили, что ранее он уже был судим и признан виновным в вооруженном нападении. Налицо была «склонность к насильственным действиям».

И вот, год спустя, я сидел с блокнотом на коленях в полупустом зале суда в Чикаго, где Диксон признавал себя виновным в том, что выстрелил в человека, верой и правдой прослужившего в полиции пятнадцать лет. Признание стало последней жирной точкой в череде улик. Судья Фрэнк Мачала распорядился отправить подсудимого в тюрьму. Удар молотка возвестил о закрытии дела. Правосудие свершилось.

Я сунул блокнот во внутренний карман куртки и вразвалочку направился в комнату журналистов, прикидывая, что завтра редактор *“Chicago Tribune”* выделит мне три абзаца в разделе криминальной хроники — большего это дело не заслуживает.

По крайней мере, так мне казалось.

ШЕПОТОК ИНФОРМАТОРА

Голос в трубке я узнал сразу — это был информатор, которого я «прикормил» за тот год, что толкался в коридорах суда. По голосу было ясно, что у него припасено что-то горяченькое, — всегда, когда пахло хорошими чаевыми, он переходил на шепот и говорил очень быстро, а сейчас его скороговорка явно достигала скорости сто километров в час:

— Ли, знаете дело Диксона?

— Разумеется, — ответил я. — Суд состоялся два дня назад. Ничего интересного.

— Не спешите с выводами. Я тут узнал, что за пару недель до событий сержант Сканлон похвалялся на вечеринке новой ручкой-пистолетом.

— Новой... чем-чем?

— Ручкой-пистолетом. Это пушка 22-го калибра, по виду — точь-в-точь авторучка. Их запрещено носить при себе, в том числе и полицейским.

Я сказал, что не понимаю, причем тут одно к другому. Шепот в трубке стал еще настойчивее:

— Так ведь Диксон не стрелял в Сканлона! У того в нагрудном кармане случайно выстрелила эта самая ручка. И он решил подставить Диксона, чтобы самому не вляпаться в неприятности за ношение запрещенного оружия. Разве вы не поняли? Диксон невиновен!

— Не может быть! — воскликнул я.

— Перечитайте дело, — последовал ответ. — Сами увидите, что к чему.

Я бросил трубку и через две ступеньки помчался наверх, в прокуратуру. Перед самой дверью я помедлил, отдышался и, войдя, спросил как можно небрежнее:

— Могу я задать пару вопросов по делу Диксона? Мне бы хотелось еще раз вникнуть в кое-какие детали.

У человека, сидевшего за столом, от лица отхлынула краска.

— Я... э-э-э... не могу об этом говорить, — запинаясь, пробормотал он. — Никаких комментариев.

Выяснилось, что мой информатор уже обратился со своими подозрениями в прокуратуру, и присяжных втихомолку, без лишнего шума пригласили для пересмотра доказательств. Дело Джеймса Диксона, закрытое, казалось бы, на веки вечные, вновь привлекло к себе внимание!

НОВАЯ ТЕОРИЯ — НОВЫЕ ФАКТЫ

Тем временем я начал собственное независимое расследование. Я был на месте происшествия, беседовал со свидетелями и самим Диксоном, рассматривал вещественные доказательства. И чем глубже я вникал в дело, тем более странные вещи творились: не только новые доказательства, но и прежние — ранее, казалось бы, недвусмысленно указывавшие на виновность Диксона, — идеально подходили к версии «ручки-пистолета»!

- Свидетели утверждали, что до прибытия Сканлона Диксон колотил пистолетом по входной двери своей подружки. Выстрел был направлен вниз; от крыльца откололся кусочек цемента — по идее, он был отбит пулей, которую выпустил Диксон.
- По словам Диксона, он боялся, что у него найдут пистолет, поэтому перед приездом полиции спрятал его в траве через дорогу. Я нашел свидетеля, который это подтвердил. Таким образом, выяснилось, почему оружие было найдено на некотором расстоянии от места происшествия, хотя никто не видел, как Диксон его туда бросил.
- Следы пороха имелись внутри левого кармана рубашки Сканлона — но не снаружи. Дырка от пули оказалась на дне кармана. Вывод: выстрел каким-то образом был произведен изнутри кармана.
- Вопреки данным полицейского протокола, траектория пули была направлена вниз. Рубашка Сканлона в месте выхода пули была запачкана кровью.
- Полицейские сведения об уголовном прошлом Диксона оказались далеко не полными. Да, он провел три года в тюрьме по обвинению в вооруженном нападении, но был освобожден по решению апелляционного суда. Выяснилось, что полиция скрыла от суда главного свидетеля защиты, а свидетель обвинения солгал под присягой. Вот вам и «склонность к насильственным действиям»!

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Наконец я задал Диксону главный вопрос:

— Если вы ни в чем не виноваты, почему же, ради всего святого, вы признали себя виновным?

Диксон вздохнул:

— Это была сделка о признании вины.

Он имел в виду практику, согласно которой обвинение предлагает наименьшее из наказаний, предусмотренных за данное преступление, если обвиняемый признает себя виновным и тем самым экономит следствию время и средства.

— Они сказали, что если я признаю себя виновным, меня приговорят к одному году тюрьмы. А я и так уже провел за решеткой 362 дня в ожидании суда. Мне нужно было только сказать, что я это сделал, — и через пару дней я дома. Но если, сказали они, я буду настаивать на суде, и виновным меня признают присяжные — вот тогда-то меня упекут на всю катушку. Двадцать лет за выстрел в полицейского. Игра не стоила свеч. Дома лучше.

— Стало быть, — уточнил я, — вы признались в преступлении, которого не совершали?

— Верно, — кивнул Диксон.

В конечном итоге с Диксона были сняты обвинения, а после он подал в суд на полицейское управление — и выиграл дело. Сканлона лишили несправедливо присужденной награды, он предстал перед судом, признался в профессиональном преступлении и был уволен из полиции[1]. Что же до меня, то заголовки моих репортажей красовались на первой странице — и, что гораздо важней, я усвоил чрезвычайно важные для молодого репортера уроки.

Во-первых, я уяснил, что свидетельства могут быть истолкованы неоднозначно. Казалось бы, улик было более чем достаточно, чтобы осудить Диксона за вооруженное нападение на сержанта полиции. Но тут возникают два важных вопроса: *вся ли необходимая информация была собрана? И если да, то какое объяснение лучше всего соответствует всей совокупности фактов*? Как только возникла версия о ручке-пистолете, сразу стало ясно, что именно она целиком и полностью объясняет все имеющиеся факты.

И во-вторых. Поначалу доказательства виновности Диксона казались мне неопровержимыми, поскольку хорошо укладывались в рамки моих собственных предубеждений. Тогда я рассуждал так: Диксон — типичный смутьян, неудачник, безработный, выходец из «неблагополучной» семьи; полицейские — хорошие парни; обвинение никогда не ошибается.

С этой точки зрения все улики складывались в стройную систему. А если в этой системе обнаруживались неувязки или пробелы, я просто закрывал на них глаза. Полицейские сказали, что в деле Диксона все ясно как день, и я поверил им на слово; мне и в голову не пришло копнуть глубже.

Но, попытавшись посмотреть на это дело объективно и непредвзято, я увидел его в совершенно ином свете. Я понял важную вещь: следуя за фактами, неизменно придешь к истине — независимо от того, совпадает ли она с твоими взглядами.

Это было более двадцати лет назад, и главный урок мне еще предстоял.

ОТ ДИКСОНА — К ИИСУСУ

Почему я вспоминаю сейчас дело Джеймса Диксона? Да потому, что мой духовный путь имеет много общего с этой необычной историей.

Большую часть жизни я прожил неверующим; мало того, — считал себя атеистом. С моей точки зрения, было совершенно очевидно, что Бог — не более чем попытка выдать желаемое за действительное, персонаж древних мифов или порождение примитивных суеверий. Как можно всерьез говорить о милосердном Боге, если он обрекает людей на вечную адскую муку всего-навсего за то, что они не желают в него верить? Как можно всерьез говорить о чудесах, если они противоречат основным законам природы? Разве теория эволюции не объясняет происхождение жизни самым исчерпывающим образом? Разве наука не доказала всю бесплодность веры в сверхъестественное?

А Сам Иисус? Разве Он когда-нибудь называл Себя Богом? Он был революционером, мудрецом, ниспровергателем основ иудаизма — но Богом?! Да эта мысль Ему и в голову не приходила! Так говорят именитые университетские профессора, и с какой бы стати мне сомневаться в их правоте? Давайте-ка, ребята, посмотрим правде в глаза: стоит бегло ознакомиться с фактами, как сразу станет ясно, что Иисус — такой же человек, как мы с вами, только несравненно более добрый и мудрый.

Беда в том, что мое знакомство с фактами было именно таким: беглым. Я прочел «по диагонали» уйму книг по философии и истории, где черпал подтверждения своему неверию, — тут фактик, там теорийка, тут звучная цитатка, там остроумный аргумент. Ясное дело, я видел нестыковки, но у меня были веские основания их игнорировать: ведь если бы я изменил свои взгляды и последовал за Иисусом, мне пришлось бы отказаться от столь привычной и уютной жизни, в которой я пекся только о собственных интересах и мало задумывался о нравственности.

Я полагал, что дело можно закрывать. Мне с лихвой хватало доказательств того, что божественность Иисуса — не более чем фантазия суеверных невежд.

По крайней мере, так мне казалось.

СОМНЕНИЯ АТЕИСТА

Если к пересмотру дела Джеймса Диксона меня побудил звонок информатора, то к пересмотру «дела Христа» — жена.

Осенью 1979 года Лесли сразила меня наповал — она приняла христианство. Я стиснул зубы и приготовился к худшему. Я чувствовал себя жестоко обманутым. Я испугался, что та веселая, легкомысленная, бесшабашная Лесли, которую я брал в жены, превратится во фригидную святошу, а наш беспокойный и переменчивый образ жизни — во всенощные бдения и благотворительную работу в прокопченных кухнях, где варят суп для бездомных.

Однако я был приятно удивлен и даже очарован переменами, которые произошли в ее характере. Лесли становилась честнее, прямее, уверенней, — и мне захотелось понять, откуда взялись эти неуловимые, но столь существенные перемены в ее отношении к миру и к себе. Вот почему я приступил к расследованию фактов, имеющих отношение к «делу о христианстве».

Отбросив подальше свои предубеждения, я много читал, беседовал со специалистами, задавал вопросы, анализировал исторические события, исследовал находки археологов, изучал древние книги и впервые в жизни читал Библию по-настоящему — вдумчиво, строка за строкой, стих за стихом.

Я окунулся в это расследование с небывалым для себя рвением. Мне пригодились и знания, полученные на юридическом факультете Йельского университета, и опыт работы в отделе криминальной хроники “Chicago Tribune”. И постепенно все доказательства — исторические, научные, философские, психологические — слились в единую картину, какую я никогда прежде не смог бы себе представить.

Все, что казалось мне очевидным, перевернулось с ног на голову — как в деле Джеймса Диксона.

СУДИТЕ САМИ

Возможно, и ваши духовные взгляды основаны на том, что вы видели, читали, усвоили со слов преподавателей, родителей, друзей. Но уверены ли вы, что ваша точка зрения наилучшим образом объясняет факты? А если копнуть глубже, бросить вызов своим предубеждениям, усердно и целенаправленно устремиться на поиски истины — что вы найдете?

Эта книга — именно об этом. Я хочу заново, шаг за шагом, пройти вместе с вами духовный путь, который занял у меня почти два года. Вы услышите свидетельства тринадцати ведущих ученых, чья научная репутация безупречна.

Я несколько раз пересек страну из конца в конец — от Миннесоты до Джорджии, от Виргинии до Калифорнии, — чтобы узнать мнения специалистов, поставить их под сомнение, потребовать (и получить) неопровержимые доказательства и задать те вопросы, которые, вероятно, задали бы на моем месте и вы.

В этих поисках истины мой профессиональный опыт оказался весьма кстати, поскольку мне пришлось иметь дело со всеми видами юридических доказательств: показаниями очевидцев, документальными свидетельствами, подкрепляющими и опровергающими доказательствами, научными фактами, психологическими данными, косвенными уликами и даже отпечатками пальцев (звучит загадочно, не правда ли?).

Все эти виды свидетельств обычно фигурируют в зале суда. И путь, который ждет нас с вами, напоминает судебный процесс — процесс, в котором вам предстоит роль присяжного заседателя.

Если бы вас выбрали присяжным заседателем на настоящем суде, с вас бы взяли слово, что у вас нет никаких предубеждений относительно рассматриваемого дела. Вас попросили бы поклясться, что вы будете беспристрастны и справедливы, что ваши выводы будут основаны на объективных фактах, а не на ваших прихотях или предрассудках. Вас попросили бы тщательно и вдумчиво, призвав на помощь логику и здравый смысл, оценивать правдоподобие свидетельских показаний и достоверность аргументов. Об этом же прошу вас и я.

Ведь, в конце концов, именно присяжные, и никто другой, выносят вердикт. Разумеется, это не значит, что они на сто процентов уверены в правильности своего решения, — в этой жизни мы ничего не можем знать наверняка. Но присяжных заседателей просят тщательно взвесить все свидетельства и прийти к самому верному, самому справедливому заключению. Иными словами (возвращаясь к делу Джеймса Диксона), их просят сделать выводы, которые наилучшим образом объясняли бы имеющиеся факты.

В этом и состоит ваша задача. Я очень надеюсь, что вы отнесетесь к ней серьезно, поскольку на кон поставлено нечто большее, нежели праздное любопытство. Если в Иисуса стоит верить — а я прекрасно понимаю, что для вас на данном этапе жизни это именно «если», — то нет ничего важнее вашего решения.

Так Кем же Он был? И Кем считал Себя? Есть ли у нас веские доказательства, подтверждающие Его слова? Именно это я стремился выяснить, отправляясь в Денвер на первое интервью.

ЧАСТЬ 1. Изучение доказательств

1. СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ. Можно ли доверять жизнеописаниям Иисуса?

Когда я впервые увидел робкого и тихого Лео Картера, ему было семнадцать лет, и все эти годы он провел в самом мрачном районе Чикаго. Показания Лео привели за решетку троих убийц. А в черепе у него засела пуля 38-го калибра — зловещее напоминание об ужасе, начавшемся в его жизни в тот миг, когда Элайджа Бэптист застрелил местного бакалейщика.

Играя в баскетбол, Лео и его друг, Лесли Скотт, увидели, как Элайджа у входа в бакалейную лавку выстрелил в ее хозяина. К шестнадцати годам Элайджу уже тридцать раз задерживала полиция.

Лео знал бакалейщика с раннего детства. «Когда нам нечего было есть, он нас подкармливал, — еле слышно говорил он мне. — Я пошел в больницу навестить его. Мне сказали, что он умер. Тогда я понял, что обязан рассказать обо всем, что видел».

Показания очевидцев — могучая сила. Один из самых напряженных моментов судебного процесса — когда свидетель преступления во всех подробностях сообщает об увиденном и с уверенностью указывает на обвиняемого: «Это сделал он!» Элайджа Бэптист прекрасно понимал, что единственный способ избежать тюрьмы — заткнуть рты очевидцам. Он и его дружки выследили Лео, Лесли и брата Лео, Генри, когда те шли по улице, и под дулом пистолета затащили всех троих в полутемный док.

— Ты мне нравишься, парень, — сказал двоюродный брат Элайджи, обращаясь к Лео, — но я должен это сделать.

С этими словами он приставил пистолет к переносице Лео и нажал на курок.

Прогремел выстрел; пуля прошла наискось, лишив Лео правого глаза, и застряла в голове. Когда он рухнул и скорчился на полу, раздался еще один выстрел — на сей раз пуля застряла в двух дюймах от позвоночника.

Притворясь мертвым, Лео видел, как убийцы безжалостно застрелили в упор его друга и плачущего навзрыд брата. Когда бандиты убежали, Лео ползком выбрался из дока...

Вопреки всем законам теории вероятности, Лео Картер выжил. Но извлечь у него из головы пулю так и не удалось — слишком глубоко она засела. Несмотря на страшную головную боль, от которой не спасали даже самые сильные лекарства, он выступил в качестве единственного свидетеля преступления на суде, где Элайджа Бэптист обвинялся в убийстве бакалейщика Сэма Блю. Присяжные поверили Лео, и Элайджу приговорили к восьмидесяти годам тюремного заключения.

Лео был опять-таки единственным, кто мог засвидетельствовать, что его брата и его друга убил Элайджа со своими дружками. И снова его показаний хватило для того, чтобы отправить всю троицу за решетку до конца их дней.

Лео Картер навсегда останется для меня примером гражданского мужества. Он сделал все от него зависящее, чтобы правосудие свершилось, и дорого заплатил за это. Всякий раз, размышляя о ценности свидетельских показаний, я как наяву вижу перед собой его лицо — даже сейчас, двадцать лет спустя[2].

СВИДЕТЕЛЬСТВА ИЗ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

Да, свидетельства очевидцев бывают убедительными и неоспоримыми. Если человек своими глазами наблюдал, как совершалось преступление, если он не руководствуется тайными мотивами и своекорыстными интересами, если он честен

и правдив, — то его показаний в зале суда бывает достаточно, чтобы приговорить подсудимого к тюремному заключению или даже к высшей мере наказания.

Показания очевидцев играют огромную роль и в расследовании исторических вопросов, в том числе и такого: «Верно ли, что Иисус Христос — Сын Божий?»

Но располагаем ли мы такими показаниями? Есть ли у нас свидетельства тех, кто лично общался с Иисусом, слушал Его проповеди, видел творимые Им чудеса, был свидетелем Его смерти и, может быть, даже встречался с Ним после Его Воскресения? Остались ли нам в наследство записи «журналистов» I века от Рождества Христова, которые расспрашивали очевидцев, задавали им каверзные вопросы, дотошно выясняли истину и честно фиксировали ее в письменном виде? И, что не менее важно, — выдерживают ли эти свидетельства критику со стороны дотошных скептиков?

Я не сомневался: как показания Лео Картера позволили уличить троих жестоких убийц, так и свидетельства очевидцев из глубины веков помогут решить важнейший из духовных вопросов. Чтобы узнать, существуют ли такие свидетельства, я договорился об интервью с доктором Крэгом Бломбергом (Craig Blomberg), написавшим книгу по столь интересующей меня теме — «Историческая достоверность Евангелий» *(“The Historical Reliability of the Gospels”)*.

Я знал, что Бломберг — большой ученый. Внешность его вполне соответствовала стереотипному представлению об интеллектуале: высокий (шесть футов два дюйма), с мягкой бородкой и волнистыми каштановыми волосами, небрежно зачесанными назад. Он был похож на отличника, которому в свое время было поручено произнести торжественную речь от имени всех выпускников школы (так оно и было), на лауреата государственной стипендии (что тоже соответствовало действительности) и на обладателя диплома с отличием, свидетельствующего об окончании престижного теологического учебного заведения, в данном случае — Евангельской богословской школы Святой Троицы.

Но я искал не просто умного и образованного человека — я искал настоящего специалиста, знатока своего дела, который не станет обходить стороной скользкие места и не отмахнется от сложных вопросов, связанных с летописью истории христианства. Мне нужен был человек правдивый и прямодушный, который уже не раз отстаивал свою веру, который говорит убедительно, но не безапелляционно, который не отметает напрочь критические замечания, а честно отвечает на них.

Мне говорили, что Бломберг — именно такой человек, и по пути в Денвер я все гадал, оправдает ли встреча с ним мои ожидания. Надо сказать, что кое-какие основания для сомнений у меня были: когда я наводил справки о Бломберге, на поверхность выплыл один факт, который сам он наверняка предпочел бы скрыть: Бломберг не устает надеяться, что на его веку «Чикагским щенкам» удастся-таки выиграть чемпионат США по бейсболу.

Что, надо сказать, заставило меня усомниться в его здравомыслии.

Интервью первое: КРЭГ Л. БЛОМБЕРГ, д-р философии

Крэг Бломберг считается одним из самых выдающихся американских исследователей Евангелий — жизнеописаний Иисуса. Он защитил докторскую диссертацию по Новому Завету в Абердинском университете (Шотландия), позже работал старшим научным сотрудником в издательстве «Тиндл-Хауз» в Кембриджском университете, где с лучшими специалистами из разных стран участвовал в создании знаменитой серии книг об Иисусе Христе. Последние двенадцать лет он преподает Новый Завет в Денверской семинарии — весьма почтенном заведении.

Среди трудов Бломберга — «Иисус и Евангелия» *(“Jesus and the Gospels”)*, «Толкование притчей» *(“Interpreting the Parables”)*, «Сколь широка пропасть?» *(“How*

Wide the Divide?”), а также комментарии к Евангелию от Матфея и 1-му посланию к Коринфянам. Он участвовал в издании шестого тома «С евангельской точки зрения» *(“Gospel Perspectives”)*, где подробно рассматривается чудотворство Иисуса. Он написал главы об исторической достоверности Евангелий для книги «Обоснованная вера» *(“Reasonable Faith”)*. Он — соавтор «Введения в толкование Библии» *(“Introduction to Biblical Interpretation”)*и автор прославленной книги «Иисус под обстрелом» *(“Jesus under Fire”)*. Он — член Общества изучения Нового Завета, Общества библейской литературы и Института библейских исследований.

Как я и ожидал, кабинет его был заставлен и завален книгами; объемистые труды едва умещались на полках, и даже галстук на Бломберге был расцвечен книжными иллюстрациями.

Однако я сразу заметил, что стены кабинета украшены не только пыльными фолиантами древних историков, но и рисунками маленьких дочерей Бломберга. Причудливые и яркие картинки, изображающие зверушек, домики и цветы не были пришпилены как попало — видно было, что их любовно и тщательно подбирали, заботливо вставляли в рамочки, подыскивали им лучшие места. На каждом рисунке гордо красовалась подпись автора: Элизабет или Рейчел. У этого человека явно есть не только ум, но и сердце, подумал я.

Бломберг говорит с математической точностью (да-да, в прежние годы ему доводилось преподавать и математику), тщательно взвешивает каждое слово, боясь упустить любое, даже самое малое звено в цепи доказательств. Именно такой собеседник и был мне нужен.

С чашкой кофе в руке он устроился на стуле с высокой спинкой; я тоже отхлебнул горячего кофе, надеясь согреться — Колорадо встретил меня прохладно. Я сразу почувствовал, что Бломберг не из тех, кто одобряет хождение вокруг да около, и с места в карьер задал вопрос, ради которого, собственно, и прилетел.

ОЧЕВИДЦЫ ДРЕВНОСТИ

— Скажите-ка, — не без вызова начал я, — неужто разумный, интеллигентный, критически мыслящий человек может верить, что Евангелия написаны именно теми людьми, чьи имена на них стоят?

Бломберг поставил чашку на край стола, испытующе посмотрел на меня и убежденно ответил:

— Да.

Он откинулся на спинку стула и продолжил:

— Важно отметить, что, строго говоря, Евангелия анонимны. Однако ранняя церковь единодушно свидетельствует, что Матфей, известный также как Левий, сборщик налогов и один из двенадцати апостолов, написал первое новозаветное Евангелие; что Иоанн Марк, товарищ Петра, написал Евангелие, которое мы зовем Евангелием от Марка; и что Лука, которого Павел называет «возлюбленный врач», написал Евангелие от Луки и Деяния Святых Апостолов.

— И все же насколько единодушны эти свидетельства? — спросил я.

— Истории неизвестны другие люди, которые могли бы считаться авторами этих трех Евангелий, — ответил он. — Такая проблема вообще не возникала.

Но на этом я не успокоился:

— Простите мой скептицизм, но не могло ли случиться так, что кто-то, по каким-то лишь ему известным мотивам, приписал авторство Евангелий людям, которые на самом деле их вовсе не писали?

Бломберг помотал головой:

— Очень маловероятно. Подумайте сами, — он усмехнулся, — можно ли представить менее подходящие кандидатуры? Марк и Лука даже не были апостолами. Матфей, правда, был; но ведь прежде он служил сборщиком налогов. Представитель столь презренной профессии в общественном мнении разве что чуть-чуть не дотягивал до Иуды Искариота, предавшего Иисуса! Сравните это с более поздними апокрифическими Евангелиями. Народ приписывал их авторство прославленным и достойным подражания фигурам — Филиппу, Петру, Марии, Иакову. Эти имена имели куда больший вес, чем имя Матфея, Марка или Луки. Итак, можно сказать, что у современников не было оснований приписывать авторство Евангелий этим троим не особенно почитаемым людям.

Звучало резонно; однако мой собеседник почему-то не упомянул о четвертом евангелисте.

— А как же Иоанн? — спросил я. — Уж он-то был знаменит, да еще как! Он ведь был не просто одним из двенадцати — он, вместе с Иаковом и Петром, входил в число наиболее близких к Иисусу учеников.

— Да, — кивнул Бломберг. — Иоанн — единственное исключение. И, что любопытно, именно авторство Евангелия от Иоанна оставляет место для сомнений!

— В чем же суть этих сомнений?

— Имя автора — Иоанн, это бесспорно, — ответил Бломберг. — Вопрос в том, какой именно — апостол или другой Иоанн. Видите ли, христианский автор Папий около 125 г. упоминает Иоанна-Апостола и Иоанна-Старшего, причем непонятно, говорит ли он о двух разных людях или об одном человеке, но с разных точек зрения. Но это — единственное исключение. Все остальные свидетельства ранней церкви в один голос утверждают, что Евангелие от Иоанна написал апостол Иоанн, сын Зеведея.

— А вы-то сами верите, что это был он? — Я все не терял надежды загнать его в угол.

— Да, я в этом уверен. На это указывает большая часть исторических материалов. Однако если внимательно читать Евангелие от Иоанна, можно предположить, что над его последними стихами потрудился редактор. Лично я вполне готов поверить, что в этой роли выступил человек, близко знакомый с апостолом Иоанном. Он привел в порядок заключительные строки и позаботился о стилистическом единстве текста. Но, в любом случае, — подчеркнул Бломберг, — очевидно, что это Евангелие, как и остальные три, основано на свидетельствах очевидцев.

УГЛУБЛЯЯСЬ В ПОДРОБНОСТИ

Мне нравилось то, что говорил Бломберг, и все-таки я еще не был готов двигаться дальше. Авторство Евангелий — вопрос чрезвычайной важности, и мне нужны были конкретные подтверждения — имена, даты, цитаты. Я допил кофе, поставил чашку на стол и, с пером наперевес, устремился дальше на поиски истины.

— Давайте вернемся к Марку, Матфею и Луке, — сказал я. — Есть ли у вас конкретные доказательства того, что именно они написали соответствующие Евангелия?

Бломберг подался вперед:

— Самое древнее и, пожалуй, самое значительное (важное) свидетельство принадлежит все тому же Папию, который в 125 г. утверждал, что Марк тщательно и точно записал со слов Петра все то, что тот видел воочию. Вернее, Папий писал, что у Марка «нет ни одной ошибки и ни одного ложного утверждения». Писал он и о том, что Матфей сохранил в неизменности учение Иисуса. Позже, около 180 г., Ириней подтвердил традиционную версию об авторстве Евангелий. Вот, смотрите.

Он потянулся за томом и, открыв его на нужной странице, процитировал:

«Так, Матфей издал у евреев на их собственном языке писание Евангелия в то время, как Петр и Павел в Риме благовествовали и основали Церковь. После их отшествия Марк, ученик и истолкователь Петра, передал нам письменно то, что было проповедано Петром. И Лука, спутник Павла, изложил в книге проповеданное им Евангелие. Потом Иоанн, ученик Господа, возлежавший на Его груди, также издал Евангелие во время пребывания своего в Ефесе Азийском»[3].

Я оторвался от своих записей:

— Позвольте мне уточнить. Если мы вполне уверены, что Евангелия написаны апостолами Матфеем и Иоанном, помошником апостола Петра Марком и спутником апостола Павла, историком Лукой, своего рода «журналистом» I века, значит, мы можем не сомневаться и в том, что события, о которых они пишут, основаны на прямых или косвенных свидетельствах очевидцев. Так?

Бломберг слушал эту тираду очень внимательно, не упуская ни единого слова. Когда я закончил, он кивнул и твердо произнес:

— Именно.

БИОГРАФИИ ДРЕВНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ

И все же в вопросе о Евангелиях мне было ясно далеко не все. В частности, мне хотелось понять, к какому литературному жанру их следует относить.

— В книжных магазинах, в разделах биографической литературы, мы видим книги, написанные совсем не так, как Евангелия, — сказал я. — В наши дни автор, задумавший написать биографию, стремится выведать все подробности жизни своего героя. Но возьмем Марка — он ничего не сообщает нам о рождении Иисуса, да и о его юных годах говорит крайне мало. Все его внимание сосредоточено на трехлетнем периоде взрослой жизни Христа. А половина Евангелия посвящена событиям, непосредственно предшествовавшим последней неделе Его жизни, и собственно описанию этой недели. Как вы это объясните?

— Тут есть две причины, — сказал Бломберг и для убедительности выставил два пальца, — литературная и богословская. Литературное объяснение таково: в древности биографии писались именно таким образом. В те времена люди, в отличие от нас с вами, не считали нужным уделять равноценное внимание всем периодам жизни героя, описывать ее в строго хронологическом порядке или даже приводить дословные цитаты — достаточно было просто передать суть сказанного. У древних греков и иудеев не было даже символов, соответствующих нашим кавычкам. Они писали исторические летописи с одной-единственной целью — в назидание потомкам. Поэтому биографы подробно останавливались на тех событиях жизни своих героев, которые казались им важными, достойными примера, могли принести пользу читателям или придавали особую значимость историческому периоду.

— А богословское объяснение? — спросил я.

— Оно вытекает из моего последнего утверждения. Христиане полагают, что какими бы удивительными ни были жизнь Иисуса, Его учение и Его чудеса, все это имеет смысл лишь потому, что Иисус действительно умер и воскрес из мертвых, тем самым искупив и простив грехи человечества. Вот почему Марк, автор первого Евангелия, почти половину своего повествования посвящает событиям, приведшим к последней неделе жизни Иисуса, и непосредственному описанию этой недели, смерти Христа и Его Воскресения. Для древней литературы, — заключил Бломберг, — это совершенно логично, если учитывать значение Распятия.

ЗАГАДКА «Q»

Исследователи зачастую ссылаются не только на Евангелия, но и на так называемый «Q» (первая буква немецкого слова Quelle, что означает «источник»)[4]. Из-за сходства языковых средств и содержания традиционно считается, что Матфей и Лука основывали свои Евангелия на написанном ранее Евангелии Марка. Но ученые утверждают, что, помимо этого, Матфей и Лука черпали сведения из этого загадочного «Q» — сведения, которых нет в Евангелии от Марка.

— Что же такое «Q»? — спросил я Бломберга.

— Не более чем гипотеза, — ответил он, снова откидываясь на спинку стула. — За несколькими исключениями, речь идет лишь о нескольких высказываниях или проповедях Иисуса, которые прежде, возможно, составляли отдельный, самостоятельный документ. Видите ли, в те времена сборники высказываний почитаемых учителей представляли собой весьма популярный вид литературного творчества — ну, как сейчас выбирают лучшие песни из разных альбомов одного музыканта и выпускают диск «Золотые хиты». Возможно, «Q» — как раз что-то в этом духе. По крайней мере, есть такая гипотеза.

Но если этот «Q» существовал до Евангелий от Матфея и Луки, выходит, он содержал более ранние сведения об Иисусе — и мог бы обогатить нас новым знанием о Нем?

— Скажите, — попросил я, — если мы возьмем только ту информацию, которая якобы содержалась в «Q», какого Иисуса мы увидим?

Бломберг погладил бородку и устремил взгляд в потолок.

— Ну, — произнес он, поразмыслив, — скажем для начала, что «Q» — это сборник изречений. Следовательно, в нем не содержалось повествовательного материала, который помог бы нам более полно представить себе Иисуса. — Было видно, как тщательно он выбирает слова. — Но, в любом случае, Иисус известен нам чрезвычайно смелыми заявлениями о Себе — например, Он называл Себя воплощенной мудростью, Тем, Кому Бог доверил судить человечество, независимо от того, признает Его это человечество или отвергнет. Недавно в одной серьезной научной книге была высказана мысль, что если собрать воедино все высказывания из «Q» и проанализировать их, мы получим тот же образ Христа, что и из Евангелий, — образ Того, Кто делал о Себе столь смелые заявления.

Мне хотелось продолжить и развить эту тему:

— А получим ли мы образ Чудотворца?

— Рассказы о чудесах, — ответил он, — тоже представляют собой повествование, а в «Q» повествования нет — это в первую очередь сборник цитат.

Бломберг потянулся к лежавшей на столе Библии в кожаном переплете, зашелестел потрепанными от частого чтения страницами:

— Вот, например, в Евангелии от Луки 7:18 — 23 и от Матфея 11:2 — 6 рассказывается, как Иоанн Креститель послал своих учеников к Иисусу с вопросом, действительно ли Он — Христос, Мессия, Которого все ждали? Иисус ответил им: «Пойдите, скажите Иоанну, что вы видели и слышали: слепые прозревают, хромые ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат, мертвые воскресают, и нищие благовествуют». Поэтому, — заключил Бломберг, — даже из «Q» совершенно ясно, что Иисус творил чудеса.

Услышав о Евангелии от Матфея, я припомнил, что собирался задать еще один вопрос — о структуре жизнеописаний.

— Почему, — спросил я, — Евангелие от Матфея, который, как считается, воочию видел Иисуса, включает в себя часть Евангелия от Марка? Ведь Марк, по всеобщему убеждению, не был очевидцем описываемых им событий? Если Евангелие от Матфея написано очевидцем, то разве не разумнее ему было писать о том, что он видел сам?

Бломберг улыбнулся:

— Этому может быть только одно объяснение: Марк взял за основу воспоминания Петра. А Петр, как вы сами отметили, входил в узкий круг самых близких учеников Иисуса; он видел и слышал то, чего не видели и не слышали другие апостолы. Так что у Матфея, хотя он и сам был очевидцем событий, имелись веские основания полагаться на версию Петра, изложенную Марком.

Звучит резонно, подумал я. Мне припомнилась история из репортерской практики. Толпа журналистов, среди которых был и я, осадив ныне покойного мэра Ричарда Дейли, «патриарха» чикагской политики, засыпала его вопросами о скандале, разразившемся в полицейском управлении. Протискиваясь к лимузину, Дейли произнес несколько фраз.

Да, я был очевидцем этого события, я слышал эти фразы, — но все же бросился к радиожурналисту, стоявшему ближе к Дейли, и попросил его дать мне прослушать запись. Мне хотелось убедиться, что я ничего не напутал.

Вот так, наверное, поступил и Матфей. Он был апостолом и многое помнил сам, но, стремясь к безупречной точности, обратился к Евангелию от Марка — ведь там содержались сведения, поступившие непосредственно от Петра, который входил в число самых близких учеников Христа.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА: ОСОБЫЙ ВЗГЛЯД

Вполне удовлетворившись ответами Бломберга на вопросы о трех первых Евангелиях (из-за сходства общего плана и содержания их еще называют синоптическими, что в переводе с греческого означает « имеющие общую точку зрения»)[5], я переключился на Евангелие от Иоанна. Когда читаешь все Евангелия подряд, нельзя не заметить, насколько Евангелие от Иоанна не похоже на остальные. Я хотел узнать, не таятся ли здесь какие-то противоречия.

— Вы бы могли объяснить, чем Евангелие от Иоанна отличается от синоптических? — спросил я Бломберга.

Его брови поползли вверх:

— Ничего себе вопрос! Я надеюсь когда-нибудь написать на эту тему целую книгу!

Когда я заверил его, что меня интересует не исчерпывающая информация, а лишь начальные, самые общие сведения, он расслабился и уселся удобней.

— Действительно, — начал он, — между Евангелием от Иоанна и синоптическими Евангелиями больше различий, нежели сходства. Из всех событий, изложенных в первых трех Евангелиях, лишь очень немногие появляются у Иоанна — но ситуация резко меняется, когда дело доходит до последней недели жизни Иисуса. С этого момента возникают более явные параллели. Еще у Иоанна совсем иной стиль повествования. Иисус у него употребляет другие слова, и проповеди Его становятся длиннее. Кроме того, этому Евангелию свойственна особая, более высокая христология, в нем звучат откровенные и смелые утверждения: Иисус — Единое Целое с Отцом; Иисус — Сам Бог; Иисус — Путь, Истина, Жизнь; Иисус — Воскресение и Жизнь.

— Чем же объясняются эти различия? — спросил я.

— Многие годы считалось, что Иоанн знал все написанное Матфеем, Марком и Лукой, и ему не было нужды повторяться, поэтому он сознательно решил дополнить их рассказы. Позже возникла другая точка зрения: независимость этого Евангелия от остальных трех объясняется не только иным подбором материала, но и иным взглядом на Иисуса.

САМОЕ СМЕЛОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ ИИСУСА

— Но ведь у Евангелия от Иоанна есть и богословские отличия, — заметил я.

— Безусловно; но заслуживают ли они того, чтобы называть их противоречиями? Полагаю, что нет, и вот почему: практически каждая тема и каждая особенность Евангелия от Иоанна находит свои параллели — пусть даже немногочисленные — у Матфея, Марка и Луки.

Сильно сказано! Тогда я задал, пожалуй, самый сложный из всех вопросов о различиях между Евангелием от Иоанна и синоптическими Евангелиями:

— Иоанн ясно и недвусмысленно говорит, что Иисус — Бог. Кое-кто объясняет это тем, что писал он позже остальных евангелистов и слегка приукрашивал действительность. А звучит ли тема Его Божественности в синоптических Евангелиях?

— Да, звучит, — ответил Бломберг. — Не так явно, но вполне отчетливо. Вспомните, как Иисус ходил по воде у Матфея 14:22 — 23 и у Марка 6:45 — 52. В большинстве английских переводов Библии Иисус просто говорит: «Не бойтесь, это Я». Но в оригинальном греческом тексте Он говорит: «Не бойтесь, Я есмь». Именно так — «Я есмь» — Он заявляет в Евангелии от Иоанна 8:58 о Своей Божественности, потому что этими же словами Бог явил Себя Моисею из горящего куста в Исходе 3:14. Так Иисус сообщает, что Он обладает той же божественной властью, что и Яхве, Бог Ветхого Завета.

Я кивнул и сказал:

— Это лишь один пример. Есть ли другие?

— Да, об этом можно говорить долго, — сказал Бломберг. — Например, в первых трех Евангелиях Иисус чаще всего называет Себя Сыном Человеческим, и...

Я поднял руку, прерывая его:

— Подождите!

Я достал из портфеля книгу и нашел нужную мне цитату:

— Карен Армстронг, бывшая монахиня, автор популярнейшей книги «История Бога», говорит, что термин «Сын Человеческий», скорее всего, «просто подчеркивает слабость и тленность земного существования», поэтому, используя его, Иисус давал понять, что Он — «бренный Человек, Которому предстоят страдание и смерть»[6]. Если это так, то, выходит, Иисус вовсе не претендовал на божественность?

Бломберг досадливо нахмурился.

— Послушайте, — с нажимом произнес он. — Вопреки расхожему мнению, выражение «Сын Человеческий» изначально не имеет отношения к человеческой природе Иисуса. Это — прямая ссылка на Книгу Пророка Даниила 7:13 — 14.

С этими словами он открыл Ветхий Завет и прочел строки пророчества Даниила:

«Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его — владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится».

Бломберг закрыл Библию.

— Теперь вы понимаете, в каком смысле Иисус называл Себя Сыном Человеческим? — продолжил он. — Сын Человеческий — это Тот, Кто подходит к небесному престолу Всевышнего и получает владычество над всем сущим. «Сын Человеческий» — это возвеличивание, а не указание на человеческую природу.

Позже я наткнулся на схожее замечание другого ученого, с которым мы вскоре встретимся в этой книге, — Уильяма Лейна Крэга (William Lane Craig):

«Часто считают, что выражение «Сын Человеческий» подчеркивает человечность Иисуса, так же, как выражение «Сын Божий» подчеркивает Его божественность. На

самом же деле, все наоборот. В ветхозаветной Книге Пророка Даниила Сын Человеческий — Тот, Кто придет в конце судить человечество и владычествовать над ним во веки веков. Таким образом, называя Себя Сыном Человеческим, Иисус тем самым заявлял о Своей божественности»[7]*. Бломберг продолжал:*

— К тому же, в синоптических Евангелиях Иисус говорит, что Он прощает грехи, а это может делать только Бог. Иисус принимает молитву и поклонение. Иисус говорит, что тех, кто признает Его, Он признает перед Отцом небесным. Мог ли такое сказать простой человек? Нет, это была бы чудовищная самонадеянность! Люди понимали, что перед ними — Бог. Теперь вы видите, что синоптические Евангелия всеми возможными способами сообщают нам о божественности Христа, а в Евангелии от Иоанна эта тема просто выражена более явно.

БОГОСЛОВСКИЕ ПОЗИЦИИ ЕВАНГЕЛИСТОВ

Поскольку Евангелие Иоанна было написано последним, он имел возможность подольше поразмыслить над богословскими вопросами. Я спросил Бломберга:

— Если Иоанн писал свое Евангелие «с уклоном в богословие», не означает ли это, что с исторической точки зрения его текст не вполне достоверен?

— Я бы не сказал, что в Евангелии от Иоанна больше богословия, — возразил Бломберг. — Просто у него свое богословие. То же можно сказать и об остальных евангелистах. Матфей, Марк, Лука — у каждого из них была ясная богословская позиция. Лука в первую очередь думал о бедных и о благе общества; Матфей пытался проникнуть в суть взаимоотношений христианства и иудаизма; Марк изображал Иисуса страдающим Слугой. Список теологических различий между Матфеем, Марком и Лукой можно продолжать долго...

Я перебил, заподозрив, что от него ускользнул более широкий смысл моего вопроса:

— Да, но не повлияли ли богословские взгляды евангелистов на их способность — и желание — излагать события точно и беспристрастно, не приукрашивая историю и не подгоняя ее под собственные убеждения?

— Разумеется, мы не можем полностью исключить такую возможность — как и во всех случаях, когда дело касается идеологически направленного документа, — признал Бломберг. — Действительно, порой люди из корысти или по идейным соображениям пытаются перекроить историю на свой лад; но почему-то считается, что так происходит всегда, что иначе и быть не может. Это ошибочное мнение. Самая мысль о том, чтобы просто, без идеологической подоплеки, вести хронику исторических событий, была совершенно чужда древнему миру. Ведь летописи создавались в назидание потомкам — а иначе кто стал бы их писать?

Я улыбнулся:

— Не хотите ли вы сказать, что это должно вызывать у нас подозрения?

— В определенном смысле — да, — ответил Бломберг. — Но если мы довольно точно воссоздаем историческую реальность на основе разнообразных древних источников почему бы нам не применить тот же подход к Евангелиям? Идеология-то есть и там, и тут. Он помедлил, ища подходящий пример в подтверждение своей мысли.

— Вот вам современная аналогия. Находятся люди — как правило, антисемиты, — которые преуменьшают или вовсе отрицают ужасы Холокоста. Еврейские же исследователи пишут книги о Холокосте, создают музеи, собирают материальные свидетельства, расспрашивают очевидцев. Безусловно, ими движут идеологические мотивы, а именно — сделать все, чтобы эти зверства никогда не повтори-

лись, — но при этом они проявляют максимальную объективность и добросовестность в изложении исторических событий. Подобным же образом христианство основано на конкретном историческом утверждении — что Бог один-единственный раз вошел в пространство и время, воплотившись в Иисуса из Назарета. Поэтому христианская идеология сама по себе предполагает самый тщательный поиск исторической истины.

Он выждал некоторое время, чтобы я успел вникнуть в суть сказанного, затем посмотрел мне в глаза и спросил:

— Понимаете?

Я кивнул. Я понимал.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ И ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

Одно дело говорить, что Евангелия берут начало из прямых или косвенных свидетельств очевидцев, но совсем другое — утверждать, что эти свидетельства сохранились в неизменности до того самого момента, когда были, наконец, изложены письменно. Понимая, что именно здесь кроется суть разногласий, я хотел напрямую спросить об этом Бломберга.

Я снова достал книгу Карен Армстронг «История Бога».

— Послушайте, что еще она пишет:

«Мы очень мало знаем об Иисусе. Первый полный рассказ о Его жизни — Евангелие от Святого Марка — был написан только в 70-м году — примерно через сорок лет после Его смерти. К этому времени к историческим фактам уже примешивались элементы мифологии, отражавшие тот образ Иисуса, который сложился у Его последователей. И Марк рисует скорее этот образ, нежели простой и точный портрет»[8].

Я сунул книгу обратно в портфель и, повернувшись к Бломбергу, продолжил:

— Некоторые ученые говорят, что, поскольку Евангелия создавались через много лет после описанных в них событий, легенды заслонили историческую истину, и Иисус из обычного мудреца и учителя превратился в Сына Божьего. Разумна ли эта гипотеза — или все же есть доказательства, что Евангелия были созданы раньше, когда миф еще не успел исказить факты?

Бломберг прищурился и твердо произнес:

— Это два разных вопроса, и давайте рассматривать их отдельно. Да, я считаю, есть веские основания предполагать, что Евангелия писались раньше, чем здесь говорится. Но даже если бы это было не так, все равно довод Армстронг несостоятелен.

— Почему?

— Общепринятые даты, не вызывающие протеста даже в самых либеральных научных кругах, таковы: Евангелие от Марка — 70-е годы, от Матфея и Луки — 80-е, от Иоанна — 90-е. Но послушайте: ведь в это время еще были живы самые разные люди, видевшие Иисуса, в том числе и весьма враждебно настроенные к Нему, которые не смолчали бы, если бы распространяемое о Нем учение было ложным! Следовательно, Евангелия были написаны не так уж поздно. Вообще, тут будет уместно одно довольно поучительное сравнение. Два наиболее ранних жизнеописания Александра Македонского были написаны Аррианом и Плутархом более четырехсот лет спустя после смерти Александра в 323 г. до Р. Х., и все историки находят их вполне достойными доверия. Да, легенд об Александре появилось немало — но все они возникли позже, когда его биографов уже не было в живых. Иными словами, за пятьсот лет, миновавших после смерти Александра Македонского, представле-

ния о его жизни не претерпели заметных изменений; легенды о нем начали появляться лишь в последующие пятьсот лет. На фоне этих цифр дискуссия о том, были Евангелия написаны через шестьдесят или через тридцать лет после земной жизни Иисуса, вообще не имеет смысла.

Я был согласен с его доводами, но в глубине души сомневался. Мне казалось, что чем короче промежуток времени между событием и письменным отчетом о нем, тем точнее будет этот отчет. Дело тут не только в легендах, но и в том, что с годами память очевидцев ухудшается, воспоминания искажаются...

— Допустим, что вы меня убедили, — сказал я. — Давайте вернемся к датам создания Евангелий. Итак, вы думаете, что они были написаны раньше, чем принято считать?

— Да, — ответил он. — И это можно доказать с помощью Книги Деяний Святых Апостолов, которую написал Лука. Книга Деяний практически осталась незавершенной — ее главный герой, апостол Павел, находится в Риме под домашним арестом; на этом книга резко обрывается. Что произошло с Павлом дальше? Почему Деяния не сообщают нам об этом? Не потому ли, что они написаны до того, как Павел был казнен? — Бломберг говорил все возбужденнее. — Значит, Книга Деяний написана не позднее 62 г. Идем дальше. Поскольку Деяния — вторая из двух частей работы одного и того же автора, мы делаем вывод, что первая часть — Евангелие от Луки — написана раньше. А поскольку Лука включал в свое Евангелие фрагменты Евангелия от Марка, значит, последнее было создано еще раньше! Если предположить, что на каждый из этих текстов ушло не менее года, выходит, что Евангелие от Марка написано не позднее 60 г., скорее даже в 50-е. Если Иисус был предан смерти в 30 или 33 г., мы получаем временной промежуток в тридцать лет или около того. — Он с победным видом откинулся на спинку стула. — По меркам истории, особенно в сравнении с Александром Македонским, это просто последние известия!

Звучало и впрямь впечатляюще — получалось, что разрыв во времени между событиями земной жизни Иисуса и созданием Евангелий по историческим меркам ничтожен! И все же я не успокаивался. У меня была цель — вращать стрелки часов назад до тех пор, пока они не приблизят меня к самым ранним сведениям об Иисусе.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ИСТОКАМ

Я встал и подошел к книжному шкафу.

— Попробуем вернуться в еще более далекое прошлое, — сказал я, обернувшись к Бломбергу. — Можно ли установить, когда зародились основы веры в Искупление, Воскресение и божественность Иисуса?

— Вспомним, что книги Нового Завета расположены не в хронологическом порядке, — начал он. — Евангелия были написаны позднее, чем почти все послания Павла, чье писательское служение началось в конце 40-х. Большая часть его посланий написана в 50-е годы. Так что нам нужно вчитаться в них и задаться вопросом: «Есть ли тут указания на то, что он опирался на более ранние источники?»

— И что мы выясним? — спросил я.

— Мы выясним, что Павел включил в свои послания некоторые самые ранние символы веры, догматы и гимны, восходящие к зарождению церкви вскоре после Воскресения. Наиболее известные догматы изложены в Послании к Филиппийцам 2:6 — 11, где Иисус Христос назван Господом, и в Послании к Колоссянам 1:15 — 20, где сказано, что Он — «образ Бога невидимого», сотворившего все сущее, и что посредством Его, «Кровию креста Его», все сущее примиряется с Богом. Эти стихи важны чрезвычайно, поскольку они объясняют нам, как верили в Иисуса первые

христиане, во что именно они верили. Но с исторической точки зрения, наверное, еще важнее пятнадцатая глава 1-го послания к Коринфянам, в которой апостол Павел использует специальную терминологию. А это значит, что устная традиция уже начала закрепляться, приобретая более или менее фиксированную форму.

Бломберг нашел в Библии эти стихи и зачитал их мне:

«Ибо я первоначально преподал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был и что воскрес в третий день, по Писанию, и что явился Кифе, потом двенадцати; потом явился более нежели пятистам братий в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили; потом явился Иакову, также всем Апостолам»[9].

— Вот это и есть наша точка отсчета, — сказал Бломберг. — Если Распятие совершилось в 30 г., то Павел обратился ко Христу примерно в 32 году — и сразу же отправился в Дамаск, где встретился с христианином по имени Анания и несколькими другими верующими. Его первая встреча с апостолами в Иерусалиме состоялась около 35 г. Приблизительно в это время Павлу и был дан этот символ веры, который уже использовался в ранней церкви.

Таким образом, мы знаем все важнейшие факты о смерти Иисуса во искупление наших грехов, а также имена всех, кому Он являлся после Воскресения. И все это датируется периодом от двух до пяти лет после самих событий! Это вовсе не «мифы», возникшие, как полагает Карен Армстронг, через сорок лет, если не больше. У нас есть веские основания утверждать, что христианская вера в Воскресение закрепилась — хотя еще и не в письменной форме — за два года с момента Воскресения! И это чрезвычайно важно! — Для убедительности Бломберг слегка повысил голос. — Заметьте, мы уже не сравниваем тридцать или шестьдесят лет, с одной стороны, и пятьсот — с другой; мы говорим всего о двух годах!

Я не мог отрицать важности этого свидетельства. Оно явно развенчивало все заявления о том, что Воскресение (которое христиане считают главным подтверждением божественности Иисуса) — не более чем миф, возникший через много лет, когда свидетельства очевидцев обросли фантастическими подробностями. На меня, скептика, которому подобные заявления всегда казались веским аргументом против христианства, это произвело особое впечатление.

Я оперся спиной о книжный шкаф. Мы многое обсудили; теперь, после последнего пылкого и убедительного монолога Бломберга, явно настал момент для паузы.

ПЕРЕДЫШКА

День клонился к вечеру; говорили мы долго, без отдыха, но мне не хотелось заканчивать беседу, не подвергнув свидетельства очевидцев всем испытаниям, каким подверг бы их юрист или журналист. Мне необходимо было знать, выдержат ли эти «показания» проверку — или окажутся в лучшем случае сомнительными, а в худшем — недостоверными?

Но перед тем, как продолжить разговор, я предложил Бломбергу пройтись и немного размяться.

Свидетельства очевидцев

Вопросы для размышления

1. Влияют ли на ваше мнение о том или ином событии свидетельства очевидцев? Каким образом вы обычно определяете, насколько их рассказ правдив и точен? Способны ли Евангелия выдержать проверку на соответствие фактам?
2. Верите ли вы, что Евангелия, будучи богословскими текстами, отличаются при этом объективностью изложения? Если да — почему, если нет — тоже почему? Кажется ли вам убедительной приведенная Бломбергом аналогия с историей Холокоста?
3. Повлияло ли то, что вы узнали из этой главы, на ваше мнение по поводу надежности и достоверности Евангелий?

На ту же тему

Barnett, Paul. Is the New Testament History? Ann Arbor, Mich.: Vine, 1986.

_____. Jesus and the Logic of History. Grand Rapids: Eerdmans, 1997.

Blomberg, Craig. The Historical Reliability of the Gospels. Downers Grove, Ill.: InterVarsity Press, 1987.

Bruce, F. F. The New Testament Documents: Are They Reliable? Grand Rapids: Eerdmans, 1960.

France, R. T. The Evidence for Jesus. Downers Grove, Ill.: InterVarsity Press, 1986.

2. ПРОВЕРКА ПОКАЗАНИЙ ОЧЕВИДЦЕВ. *Выдержат ли ее Евангелия?*

Голос шестнадцатилетнего Майкла Маккалоу был настолько слаб, что присяжные не разбирали слов: их заглушал едва слышный гул аппарата искусственного дыхания, поддерживавшего в мальчике жизнь. Специалист, читающий по губам, склонился над постелью и громко повторял вслух каждое слово Майкла — так осуществлялась дача показаний в больничной палате, ставшей на это время залом суда.

Пуля, поразившая спинной мозг, парализовала Майкла от шеи и ниже. Состояние юноши не позволяло доставить его в зал, где шел судебный процесс над двумя молодыми людьми, которые обвинялись в нападении на Майкла, — и потому судья, присяжные заседатели, подсудимые, адвокаты, репортеры и зрители собрались в больничной палате, которая была объявлена временным отделением окружного суда.

Отвечая на вопросы обвинения, Майкл рассказал, как вышел из своей квартиры в Чикаго с двумя долларами в кармане и как на лестнице в подъезде подсудимые, отнимая у него деньги, намеренно выстрелили ему в лицо. Его показания подтвердили двое мальчиков, которые были там, на лестнице, и наблюдали за нападением, оцепенев от ужаса.

Подсудимые не отрицали своей вины, но настаивали на том, что стреляли не нарочно: пистолет внезапно выстрелил сам, когда они размахивали им перед лицом Майкла. Защитники знали, что единственный способ уменьшить их клиентам срок заключения — опровергнуть показания свидетелей обвинения, утверждающих, что выстрел являлся актом насилия, преднамеренным и жестоким. И они сделали все возможное, чтобы бросить тень на эти показания.

Защитники пытались доказать, что с того места, где находились свидетели, невозможно было видеть подробности преступления, но это им не удалось. Они пытались сыграть на расхождениях в показаниях, но ключевые эпизоды в рассказах обоих свидетелей полностью совпадали. Они придирались к репутации потерпевшего и свидетелей обвинения, — но все трое оказались законопослушными мальчиками, никогда не имевшими дела с полицией. Они надеялись доказать, что у свидетелей имеется предубеждение по отношению к подсудимым, — но и здесь потерпели поражение. Они выражали сомнение в том, что один из свидетелей, девятилетний Кит, способен понять, что такое показания под присягой, — но всем присутствующим было очевидно, что мальчик прекрасно все понимает.

Защитникам не удалось подорвать доверие к показаниям жертвы и свидетелей преступления. Подсудимые были признаны виновными в покушении на убийство и приговорены к пятидесяти годам заключения. Спустя восемнадцать дней Майкл Маккалоу скончался[10].

Перед защитником стоят трудные задачи: сомневаться и пробуждать сомнения, нащупывать слабые места в свидетельских показаниях. Вот почему они подвергают эти показания разнообразным проверкам. Смысл этого процесса в том, что честные и точные показания устоят перед любым испытанием, а ошибки, натяжки и намеренная ложь неизбежно выплывут наружу.

В случае с Майклом Маккалоу справедливость восторжествовала — присяжные убедились, что и жертва, и свидетели честно и точно рассказали о том, что им довелось пережить.

Вернемся к расследованию исторических свидетельств, касающихся Иисуса. Настал момент подвергнуть показания доктора Бломберга испытаниям, которые позволят выявить их слабые места. Методы проверки, которые я задумал, во многом совпадали с теми методами, к которым много лет назад прибегли защитники подсудимых, стрелявших в Майкла Маккалоу.

— Я хочу предложить вам восемь испытательных тестов, — сказал я, когда после пятнадцатиминутного перерыва мы с Бломбергом вновь сели за стол.

Он взял со стола чашку дымящегося кофе и откинулся на спинку стула. Трудно сказать наверняка, но мне показалось, что он с нетерпением ждет испытания.

— Поехали, — сказал Бломберг.

1. ИСПЫТАНИЕ НАМЕРЕНИЙ

Цель этого теста — установить, имели ли авторы явно выраженное или подразумеваемое намерение точно передать факты истории.

— А эти авторы в I веке — они вообще ставили перед собой задачу верно отразить события? — спросил я.

Бломберг кивнул:

— Да. Это явствует из первых стихов Евангелия от Луки, которые очень походят на предисловия к другим общепризнанным историческим и биографическим документам древности.

Он взял свою Библию и зачитал начало Евангелия от Луки:

«Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил, чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен»[11].

— Вот видите, — продолжал он, — Лука недвусмысленно заявляет, что намерен в точности описать события, расследованные им и подкрепленные свидетельствами очевидцев.

— А другие Евангелия? — спросил я. — Они-то не предварены такими вступлениями. Не означает ли это, что их авторы руководствовались иными намерениями?

— Действительно, Евангелия от Марка и от Матфея не снабжены столь ясными предисловиями, — ответил Бломберг. — Однако терминологически и жанрово они очень близки к Евангелию от Луки. Следовательно, есть основания предположить, что в словах Луки, как в зеркале, отразились и намерения этих евангелистов.

— А что вы скажете об Иоанне? — спросил я.

— Именно в Евангелии от Иоанна — глава двадцатая, стих тридцать первый — мы находим второе и единственное заявление о цели Евангелий: «Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его». — Но, — возразил я, — это скорее богословское утверждение, чем историческое!

— Тут вы правы, — ответил Бломберг. — Но богословие обязано опираться на точные исторические факты. Кроме того, есть и важные косвенные доказательства, которыми мы никак не можем пренебречь. Обратите внимание на тон Евангелий: взвешенные и здравые утверждения, точность второстепенных деталей, тщательность и скрупулезность. В Евангелиях вы не найдете ни претенциозных заявлений, рассчитанных на внешний эффект, ни откровенного мифотворчества, свойственного многим другим античным источникам. О чем это нам говорит? — спросил Бломберг и сам ответил: — Все это подводит нас к выводу, что авторы Евангелий твердо намеревались в точности описать то, что происходило на самом деле.

Ответы на возражения

Хорошо. Допустим, цель евангелистов была именно такова — но насколько им удалось к ней приблизиться? Некоторые критики настаивают на следующей — довольно спорной — версии. По их мнению, ранние христиане были уверены, что Иисус вернется на землю еще при их жизни, и ход истории завершится. Поэтому они не считали нужным сохранять на письме свидетельства о Его жизни и учении. И впрямь, зачем это делать, если Он вот-вот явится, и миру придет конец?

— И вот, — сказал я, — годы спустя, когда стало ясно, что явления Иисуса не стоит ждать с минуты на минуту, обнаружилось, что точных сведений о Его пребывании на земле попросту нет. История ничего не сохранила, и евангелистам не на чем основываться. Не так ли обстояло дело?

— На протяжении истории встречались секты и группы, в том числе религиозные, которые так и думали; но к ранним христианам это не относится.

— Это почему же? — не сдавался я. — Чем они так уж отличались от прочих?

— Во-первых, — сказал Бломберг, — я считаю, что исходная посылка несколько преувеличена. На самом деле, из учения Иисуса вытекает, что до конца света должно пройти еще немало времени. Это раз. А во-вторых, даже если некоторые из Его учеников и впрямь верили, что Он вот-вот вернется, нельзя забывать о том, что христианство уходит корнями в иудаизм! На протяжении восьми веков иудеи пытались совместить несовместимое: с одной стороны пророки один за другим возвещали, что день Господень вот-вот грядет; с другой — история Израиля шла своим чередом. И все же последователи пророков записывали и бережно хранили их предсказания. Последователи же Иисуса считали, что Он — больше, чем пророк, поэтому более чем резонно предположить, что они поступали так же.

Это показалось мне убедительным; но у меня в запасе было еще одно возражение, которое я не преминул высказать:

— Говорят, многие ранние христиане утверждали, что Иисус, покинув этот мир физически, продолжает пророчествовать Своей Церкви их устами. Эти пророчества считались столь же надежными и непогрешимыми, сколь и слова Самого Иисуса, сказанные Им в земной жизни. Поэтому ранние христиане не отделяли подлинные слова Иисуса как исторической Личности от более поздних высказываний. В результате в Евангелия вошли как те, так и другие, и мы не в состоянии их различить. Этот вопрос беспокоит многих. Что вы скажете по этому поводу?

— Ну, этот аргумент обоснован гораздо хуже, чем предыдущий, — улыбнулся Бломберг. — А опровержение его содержится непосредственно в Новом Завете. Да, там встречаются ссылки на раннехристианские пророчества, но они всегда четко отделены от слов Самого Господа. Например, в седьмой главе 1-го послания к Коринфянам апостол Павел ясно дает понять, где он приводит услышанное им слово Господне, а где цитирует сказанное Иисусом на земле. В Откровении тоже легко понять, когда — считанные разы! — Иисус Сам обращается к пророку, а когда Иоанн рассказывает о собственных боговдохновенных видениях.

А в четырнадцатой главе 1-го послания к Коринфянам, говоря о критериях истинности пророчеств, Павел отмечает, что церковь обязана сама проверять подлинность пророчеств. Исходя из его иудейского воспитания, мы можем с уверенностью предположить, что критерии истинности были, в частности, таковы: исполнилось ли пророчество и совпадает ли оно с тем, что было ранее сказано Господом.

Однако самого главного опровержения в Евангелиях мы не найдем. После Вознесения Иисуса раннюю церковь раздирали разнообразные противоречия — нужно ли христианам обрезание, как регулировать говорение на языках, как сохранить единство между эллинами и иудеями, какова роль женщины в служении, можно ли разводиться с неверующими супругами...

Все эти разногласия благополучно разрешились бы, если бы ранние христиане могли просто прочесть в Евангелиях то же, что Иисус говорил им из иного мира. Однако этого не произошло. Споры длились очень, очень долго, — а значит, христиане разграничивали то, что происходило при земной жизни Иисуса и то, о чем позже говорилось в церковных общинах.

2. ТЕСТ НА ОСУЩЕСТВИМОСТЬ НАМЕРЕНИЙ

Ладно. Допустим, авторы искренне намеревались в точности донести до читателей исторические события. Но могли ли они выполнить свое намерение? Как нам убедиться, что за тридцать лет сведения о жизни и учении Иисуса сохранились неизменными и были зафиксированы в Евангелиях без искажений?

— Люди часто ошибаются, верят в то, во что хотят верить, их подводит память... к тому же, предания имеют свойство обрастать новыми подробностями и превращаться в легенды. Не кажется ли вам, — спросил я Бломберга, — что за тридцать лет устных пересказов жизнеописание Иисуса наверняка исказилось до неузнаваемости?

Он начал свой ответ издалека — с культурно-исторического контекста.

— Не будем забывать, что мы ведем речь о совсем другой стране и совсем другой эпохе, когда не было не то что компьютера — печатного станка. Книги — а точнее, свитки папируса — были, можно сказать, редкостью. Учителя и проповедники несли знание из уст в уста. Раввины славились тем, что знали наизусть весь Ветхий Завет. И ученикам Иисуса было вполне по силам помнить и излагать наизусть гораздо больше информации, чем заключено во всех четырех Евангелиях, вместе взятых.

— Минутку! — перебил я. — Но это же немыслимо! Как такое могло быть?

— Да, — согласился он, — в наши дни это трудно представить. Однако такова была культура устной речи — она полностью основывалась на человеческой памяти. Кроме того, 80 — 90 % речей Иисуса имели стихотворную форму. Нет, рифмованными они не были; я говорю о метре, ритме, параллельных структурах и так далее. Все это было большим подспорьем для запоминания.

Вдобавок нужно отметить еще одну вещь: понятие «запоминание» в те дни было более гибким. Исследования устных традиций показывают, что изложение пользовалось определенной свободой и варьировалось в зависимости от ситуации — что-то звучало, что-то оставалось невысказанным, что-то сохранялось неизменным, что-то перефразировалось, что-то разъяснялось и так далее. Согласно результатам одного исследования, в каждом конкретном пересказе варьировалось примерно от десяти до сорока процентов священного текста. Однако всегда оставалось что-то неизменное и незыблемое — и слушатели имели полное право исправить рассказчика, если он ошибался в одном из таких важных, принципиальных моментов. И вот любопытное... — он помедлил в поисках подходящего слова, — *совпадение*: сравнив любой фрагмент текста синоптических Евангелий, мы получим именно эту цифру — от 10 до 40 %.

— Поясните, пожалуйста, — попросил я, чувствуя, что Бломберг явно на что-то намекает. — Что именно вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, что и сходства, и расхождения синоптических Евангелий станут намного понятнее, если предположить, что апостолы и другие ранние христиане твердо помнили, что говорил и делал Иисус, но пересказывали это по-разному. Однако в каждом пересказе сохранялось и подчеркивалось значение Его учения и Его поступков.

И все же у меня оставались сомнения относительно способности ранних христиан передавать изустное предание точно и без искажений. Слишком уж живо помнилась мне любимая игра детства — «испорченный телефон», где слова за считанные минуты становятся неузнаваемыми.

«Испорченный телефон»

Вы, наверное, и сами не раз играли в эту игру: дети садятся в кружок, и один скороговоркой шепчет на ухо соседу какую-нибудь фразу, а тот передает ее следующему — и так по кругу. В результате «пустые обещания» превращаются, например, в «составьте завещание».

— Давайте-ка посмотрим правде в глаза, — сказал я Бломбергу. — Разве устное предание об Иисусе не напоминает вам «испорченный телефон»?

Бломберга, похоже, мой пример не убедил.

— Не напоминает, — ответил он. — И вот почему. Когда мы вдумчиво и старательно учим что-то наизусть и никому не пересказываем, пока не запомним как следует, — мы следуем совсем другим правилам, нежели правила игры в «испорченный телефон». Ведь «испорченный телефон» тем и забавен, что ты обязан передать фразу соседу независимо от того, понял ты ее или не понял, расслышал или не расслышал. Переспрашивать запрещается! Шепот, скороговорка — все это делается ради того, чтобы еще сильнее запутать и исказить услышанное. А если в кругу — человек тридцать? Понятно, почему все катаются по полу от смеха, когда круг замыкается.

— Вот именно — подхватил я. — Только я так и не понял: почему вы считаете, что древняя традиция устного пересказа не похожа на эту игру?

Бломберг отхлебнул кофе.

— Видите ли… Если вы хотите перенести свою аналогию на культурную почву I века, то вам придется учесть один важный момент: каждый третий игрок непременно переспросит первого — причем громко, четко и во всеуслышание: «Так? Я правильно расслышал?» И если окажется, что неправильно, — исправится. Общество постоянно следило за тем, чтобы содержание и форма сказанного оставались неизменными, и, если нужно, вносило коррективы. Именно так обеспечивались цельность и сохранность устного предания. Какой же это «испорченный телефон»?

3. ПРОВЕРКА РЕПУТАЦИИ АВТОРОВ

Задача этого теста — выяснить, можно ли доверять авторам Евангелий. Ведь если автор когда-то был уличен в бесчестном или аморальном поведении, это, несомненно, бросает тень на его способность (или намерение) в точности передать факты истории?

Бломберг покачал головой:

— У нас нет ни единого факта, позволяющего хотя бы на миг заподозрить евангелистов в нечестности. Они донесли до нас слова и деяния Человека, призывавшего их к такому уровню честности, какого прежде не знала ни одна религия. Они воплощали свою веру в жизнь — да так, что десять из одиннадцати апостолов погибли мученической смертью. Это ли не свидетельство безупречной репутации? Если говорить о честности, о правдивости, о добродетели, о морали — репутации каждого из этих людей можно только позавидовать.

4. ТЕСТ НА СОГЛАСОВАННОСТЬ

Именно это испытание, утверждают скептики, Евангелиям не пройти. По их мнению, Евангелия безнадежно противоречат друг другу, содержат непримиримые расхождения, а значит, доверять им нельзя.

Бломберг не стал опровергать тот факт, что на первый взгляд Евангелия расходятся по многим пунктам: от незначительных различий в формулировках до известнейших расхождений, которые выглядят противоречиями.

— Мое убеждение таково. Если принять во внимание те особенности текста Евангелий, о которых мы уже говорили, — парафраз, сокращения, разъяснения, избранные места, пропуски, — то окажется, что Евангелия замечательно согласуются между собой по меркам своей эпохи. А судить о них по каким бы то ни было иным меркам было бы несправедливо.

— И вот что занятно, — вставил я, — ведь если бы тексты Евангелий в точности совпадали, их авторов непременно обвинили бы в сговоре, и недоверие бы только усилилось.

— Верно, — согласился Бломберг. — Если бы Евангелия идеально согласовывались между собой, этот факт сам по себе вызывал бы сомнения в объективности авторов. Говорили бы, что перед нами не четыре независимые свидетельства, а лишь одно, остальные же — подражания.

Мне вспомнились слова Саймона Гринлифа (Simon Greenleaf) с юридического факультета Гарварда, знаменитейшего юриста, автора фундаментального трактата о доказательствах. Исследовав Евангелия с точки зрения их согласованности, он пришел к следующему выводу: *«В них хватает расхождений, и это показывает, что между авторами не было предварительной договоренности; в то же время они совпадают в главном, и это показывает, что авторы независимо друг от друга повествуют об одних и тех же великих событиях»*[12].

Сходное мнение высказывает и немецкий ученый Ганс Штиер (Hans Stier), специалист по античной истории. На его взгляд, сходство в главном и различия в деталях указывают на то, что Евангелия достойны доверия; сфабрикованные свидетельства обычно прекрасно согласуются между собой и совпадают до мельчайших подробностей. *«Если описания какого-либо чрезвычайного события напрочь лишены расхождений и противоречий, — пишет он, — у историка неизбежно возникают подозрения»*[13].

Все это, конечно же, верно; но все же я не мог закрыть глаза на проблемы, вызванные кажущимися противоречиями Евангелий. Я решил подробнее расспросить Бломберга о наиболее явных расхождениях — тех самых, которые обычно приводят в пример скептики, утверждая, что Евангелиям нельзя верить.

Мнимые противоречия

Начал я с известной истории об исцелении слуги сотника:

— В Евангелии от Матфея сказано, что сотник сам пришел к Иисусу с просьбой об исцелении слуги. Лука же утверждает, что сотник послал к Иисусу иудейских старейшин. Явное противоречие!

— Мне так не кажется, — ответил Бломберг. — Попробуйте взглянуть на это под другим углом. Мы с вами ежедневно слышим в сводках новостей: «Президент США в своем сегодняшнем выступлении объявил...» Но мы-то знаем, что текст выступления писал специальный человек, составитель речей, а зачитывал пресс-секретарь; президент же в лучшем случае пробежал эту речь глазами. Тем не менее, никто не считает, что ведущие канала новостей нас обманывают! Сходным образом обстояли дела и в древнем мире. Говорилось: «Тот-то сделал то-то», но при этом подразумевалось, что он не делал этого самостоятельно, а поручил своим подчиненным или посланцам. В нашем случае в роли таких посланцев выступили иудейские старейшины.

— То есть вы хотите сказать, что правы оба — и Матфей, и Лука?

— Именно, — подтвердил Бломберг.

Вполне удовлетворенный этим объяснением, я перешел ко второму примеру.

— Марк и Лука пишут, что Иисус превратил бесов в свиней в стране Гадаринской, а Матфей — что это было в стране Гергесинской. Критики усматривают в этом явное и непримиримое противоречие — географически это два разных пункта. Уж тут-то, кажется, дело закрыто?

— Не торопитесь, — усмехнулся Бломберг. — Есть и другая версия. Один из этих топонимов — город, а другой — область.

Как-то все слишком гладко у него получается, подумал я. Чересчур правдоподобно.

— По-моему, дело обстоит несколько сложнее, — сказал я. — Бесы увлекли свиней с обрыва в море, где они и потонули, и произошло это в земле Гергесинской — месте, которое находилось очень и очень далеко от моря Галилейского.

— Разумно, — согласился Бломберг. — Но сравнительно недавно на восточном берегу моря Галилейского, в том самом месте, археологи обнаружили руины древнего города. Мы называем его «Херса», но если учитывать транскрипцию или транслитерацию древнееврейского слова в греческом языке, то мы получим название, по звучанию очень близкое к корню слова «Гергесинская». Таким образом, дело вполне могло происходить в городе Херса, в области Гадара.

— Ваша взяла, — я с улыбкой развел руками. — Тут я сдаюсь. Но есть орешек и покрепче: что вы скажете о различиях в родословиях Иисуса у Матфея и у Луки? Критики часто указывают на то, что эти родословия безнадежно противоречат друг другу.

— А здесь, — ответил Бломберг, — мы снова имеем дело с проблемой выбора версии.

— То есть?

— Первая версия такова: Матфей ведет родословие Иисуса по линии приемного отца — Иосифа. Матфею важно подчеркнуть, что царское происхождение Иисуса ведется от Его законного отца. Лука же прослеживает Его родословие по линии Марии. А поскольку и Иосиф, и Мария принадлежали к роду Давида, то чем дальше мы возвращаемся в прошлое, тем больше сходятся эти родословия.

Вторая же версия гласит, что оба родословия с целью соблюдения требований закона ведутся по линии Иосифа. Только в Евангелии от Луки прослеживается «человеческая» линия, а в Евангелии от Матфея — «законная». Расходятся они в тех местах, где у кого-то из рода не было прямых потомков, и наследниками, в соответствии с ветхозаветными традициями, становились другие люди. Проблема осложняется еще и тем, что некоторые имена опущены. Это вполне соответствует нормам той эпохи. Кроме того, есть и текстуальные разночтения — при переводе с языка на язык имена приобретали иное произношение и написание, отчего тоже возникала путаница.

Итак, Бломберг предложил как минимум два рациональных объяснения. Их нельзя назвать неопровержимыми, но, по крайней мере, они позволяют примирить повествования разных Евангелий.

Мне не хотелось, чтобы наша беседа выродилась в игру «поймай-умника-на-слове», и я перешел к следующему вопросу. Постепенно мы с Бломбергом сошлись на том, что лучше всего разбирать каждый вопрос отдельно — только так можно найти разумный способ разрешения мнимых противоречий. Разумеется, нет недостатка во влиятельных источниках, которые скрупулезно, порой даже чересчур, показывают, как можно примирить эти различия[14].

— Кроме того, — сказал Бломберг, — бывают случаи, когда стоит отложить все рассуждения и просто сказать себе: если мы самым тщательным образом исследовали евангельские тексты и пришли к выводу, что в целом они достойны доверия, то все сомнительные места, крайне редкие и незначительные, можно и нужно трактовать в пользу Евангелий.

5. ТЕСТ НА ОБЪЕКТИВНОСТЬ

Задача этого теста — выяснить, не были ли Евангелия окрашены предубеждениями своих авторов. Ведь если евангелисты преследовали собственные интересы, это не могло не отразиться на их труде.

— Нельзя недооценивать тот факт, — начал я, — что эти люди любили Иисуса. Это были не бесстрастные наблюдатели, но преданные последователи. И поэтому они могли приукрашивать действительность, чтобы Тот, о Ком они писали, выглядел в жизнеописании лучше, чем в жизни.

— До сих пор я с вами согласен. Такая точка зрения имеет право на существование. Но, с другой стороны, именно почтение к Иисусу и преклонение перед Ним побуждали учеников описывать Его жизнь с величайшей честностью, без прикрас. В этой честности проявлялась их любовь к Учителю. Да и на какую такую славу могли рассчитывать евангелисты? Ни о какой корысти, ни о каких выгодах речи не шло. Преследования, гонения, мученичество — вот и вся награда, какой они вправе были ожидать за свой труд. Зная об этом, они могли бы принижать и замалчивать учение Иисуса, отречься от Него, вообще вычеркнуть Его из жизни. Но любовь к Нему побудила их честно рассказать обо всем, чему они были свидетелями, — пусть даже это влекло за собой страдания и мученическую смерть.

6. ТЕСТ НА УТАИВАНИЕ ИНФОРМАЦИИ

Выступая в качестве свидетелей, люди нередко пытаются выгородить, обелить себя или других, «забывая» сказать о том, что им неприятно вспоминать или трудно объяснить. Такая «забывчивость» в отдельных деталях бросает тень на показания в целом. Вот почему я спросил Бломберга:

— Скажите: евангелисты включили в свое повествование подробности, способные выставить их самих в неприглядном свете, или же постарались выглядеть как можно благопристойней? Сообщают ли они о чем-то неприятном для себя, невыгодном, труднообъяснимом?

— Это серьезный вопрос, на который не ответить в двух словах. Учение Иисуса содержит в себе множество так называемых «трудных изречений». Некоторые из них требуют от нас нравственного подвига. Если бы я придумывал религию на свой вкус, вряд ли я велел бы себе быть совершенным, как совершенен мой небесный Отец, или назвал бы мысленное вожделение прелюбодеянием.

— Но и другие религии выдвигают перед своими приверженцами высокие моральные требования?

— Да, это верно. И потому самыми трудными из всех считаются изречения Иисуса, которые не вполне согласуются с тем, чему хотела бы учить Его церковь.

Ответ Бломберга показался мне несколько туманным.

— А можно пример? — попросил я.

Он призадумался, затем произнес:

— Ну хорошо. В Евангелии от Марка 6:5 сказано, что Иисус не мог совершить в Назарете больших чудес из-за неверия жителей города. Из этих слов вроде бы следует, что Его могущество имеет пределы. А в Евангелии от Марка 13:32 Иисус говорит, что не знает дня и часа Своего возвращения; не значит ли это, что Он не всеведущ? На самом деле, никакого богословского противоречия тут нет. Апостол Павел в Послании к Филиппийцам разъясняет, что Бог во Христе намеренно и сознательно ограничил проявления божественных атрибутов. Но если бы автор бесцеремонно обращался с евангельской историей, ему было бы легче опустить это «противоречие», нежели обременять себя разъяснениями. Еще один пример — крещение Иисуса. Конечно, можно объяснить, зачем оно понадобилось Ему, Который без греха; но еще проще было бы вообще не упоминать об этом. А крик Иисуса на кресте: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» Разве не в интересах евангелистов было опустить этот момент, по сей день вызывающий массу вопросов?

— Но, — вставил я, — мы знаем об апостолах много такого, что способно привести в замешательство.

— Это правда, — кивнул Бломберг. — Например, Марк крайне нелестно отзывается о Петре, который задавал тон среди апостолов. Вообще, ученики Иисуса часто не понимали Его или понимали неправильно. Когда Иаков и Иоанн стремились занять места по правую и левую сторону от Иисуса в славе Его, Ему пришлось преподать им трудный урок, разъяснив, что значит быть слугой и первым в служении. Ученики довольно долго оставались недалекими эгоистами, пекущимися лишь о собственной выгоде. Сегодня нам известно: евангелисты записывали далеко не все, что знали. Завершая свое Евангелие, Иоанн утверждает, пожалуй, даже несколько преувеличенно, что если писать о всех делах Иисуса подробно, то «и самому миру не вместить бы написанных книг». Так что если бы евангелисты заодно опустили и некоторые «трудные» моменты, вряд ли кто-то обвинил бы их в фальсификации истории. Но вот в чем соль: если они не опустили даже того, что им было бы удобно и выгодно оставить «за кадром», то можно ли утверждать, что они произвольно добавляли и изменяли материал, не имея на то никаких исторических оснований?

Вопрос повис в воздухе. Бломберг немного помолчал и уверенно ответил сам:

— Я бы не рискнул.

7. ТЕСТ НА ПОДКРЕПЛЯЮЩИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Я начал этот тест с вопроса:

— В Евангелиях упоминаются конкретные люди, места и события. Верно ли они названы, реальны ли, соответствуют ли действительности? Разумеется, я говорю о случаях, когда это можно проверить.

Такие свидетельства (в судебной практике они называются подкрепляющими) чрезвычайно ценны, когда необходимо установить, всегда ли автор дотошно придерживается истины.

— Да, — убежденно ответил Бломберг. — Более того: чем дольше люди исследуют Евангелия, тем больше деталей подтверждается. За последние сто лет археологические находки подтвердили истинность множества евангельских подробностей — в первую очередь из Евангелия от Иоанна, которое, по иронии судьбы, вызывает больше всего подозрений! Конечно, остаются и неразгаданные загадки, а археология порою даже подбрасывает новые, — но их число ничтожно в сравнении с количеством подкрепляющих доказательств. Основные факты учения и жизни Иисуса находят подтверждение во множестве внебиблейских источников. И если учесть, что древние историки занимались в основном всякого рода правителями, императорами, царями, религиозными деятелями, военачальниками и философами, то просто удивительно, как много они сообщают нам об Иисусе и Его последователях, не входивших ни в одну из этих категорий.

Это был исчерпывающий ответ. И все-таки, хотя у меня не было ни малейших оснований сомневаться в компетентности Бломберга, я сделал пометку на полях блокнота: «Получить экспертное заключение археолога и историка».

8. ПОСЛЕДНИЙ ТЕСТ: СВИДЕТЕЛЬСТВА ПРОТИВНОЙ СТОРОНЫ

Цель этого теста — получить ответ на вопрос: «Были ли очевидцы, способные опровергнуть или исправить евангельские свидетельства, окажись те искаженными или ошибочными?» Иными словами, утверждал ли кто-то из современников Иисуса, что Евангелия говорят неправду?

— В те времена, — сказал Бломберг, — многие хотели дискредитировать христианство — и с удовольствием сделали бы это, если бы в их силах было заново переписать историю. Но обратите внимание на то, что именно говорили Его противники. В более поздних еврейских источниках Иисус назван «чародеем», сбивавшим израильтян с пути истинного. Употребив это слово, авторы тем самым признают, что Иисус творил чудеса, хотя и считают, что у Его могущества совсем иные источники. Казалось бы, у них была прекрасная возможность заявить что-то вроде: «Христиане скажут вам, что Он творил чудеса, но вы не верьте — мы-то знаем правду!» Однако противники Иисуса никогда не утверждали ничего подобного. Напротив, все их высказывания позволяют предположить, что Евангелия говорят правду — Иисус действительно творил чудеса.

Я спросил:

— Могло ли христианство пустить корни в Иерусалиме — там, где прошла большая часть служения Иисуса, где Он был распят и похоронен, где Он воскрес, — если бы люди, знавшие Иисуса, считали, что Его ученики преувеличивают или искажают истину?

— Думаю, что нет, — ответил Бломберг. — Христианское движение поначалу было хрупким и уязвимым, последователи Иисуса подвергались гонениям и преследованиям. Если бы недоброжелатели могли обвинить христиан в искажении

фактов, они не преминули бы это сделать. Однако, — с нажимом произнес он, — этого не произошло.

ВЕРА, ПОДКРЕПЛЕННАЯ ФАКТАМИ

Не буду скрывать: Бломберг произвел на меня сильное впечатление. Эрудированный и высокообразованный, умеющий говорить доходчиво и убедительно, он прекрасно выстроил аргументы в защиту достоверности Евангелий. Он доказал, что Евангелия написаны именно теми людьми, чьи имена на них стоят; он проанализировал основные догматы веры в Иисуса, показав, что они возникли очень и очень давно; он обосновал, почему устная традиция сохранила в неприкосновенности историю жизни и служения Иисуса; он тщательно исследовал внешние расхождения между Евангелиями. Все эти свидетельства стали прочным фундаментом для моего исследования.

И все-таки расследование, призванное определить, действительно ли Иисус — Сын Божий, обещало быть долгим. После беседы с Бломбергом мне стало ясно, куда двигаться дальше. Хорошо, допустим, Евангелия в полной мере достойны доверия; но как убедиться, что их тексты дошли до нас без искажений? Ведь с тех пор минуло уже минимум 2 тысячелетия. Откуда нам знать, что Евангелия, которые мы читаем сегодня, сохранили хоть какое-то сходство с оригиналом, созданным в I веке от Рождества Христова? А главное — откуда нам знать, что Евангелия говорят нам всю правду об Иисусе?

Я глянул на часы. Если не застряну в пробке и вовремя доберусь до аэропорта, то смогу сегодня же вылететь домой в Чикаго...

Собирая свои записи и выключая диктофон, я снова окинул взглядом рисунки дочек Бломберга — и вдруг на миг увидел в нем не ученого, не писателя, не преподавателя, а просто родителя, который, присев вечером на краешек кровати, тихонько рассказывает детям о чем-то самом важном. Интересно, что он говорит им о Библии, о Боге, об этом Иисусе, который заявлял о Себе такие немыслимые вещи? Я не удержался и напоследок спросил:

— Ну, а вы-то сами веруете? Все эти ваши исследования — как они повлияли на вашу веру?

Не успел я договорить, как он ответил — уверенно и не раздумывая:

— Только укрепили. Я сам, в результате собственной работы, убедился, что Евангелия достойны доверия. — Он немного помолчал и продолжил: — Вот парадокс: ведь по Библии похвальна как раз та вера, которая не требует доказательств. Вспомните, что сказал Иисус Фоме: «Ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны невидевшие и уверовавшие». Я понимаю, что никакие доказательства не заставят человека уверовать в Бога, никакие исследования не заменят Святого Духа. Вот что я вам скажу: среди специалистов по Новому Завету многие сначала были неверующими, однако их работа привела их ко Христу. А те исследователи, которые уже были христианами, ощутили, что вера их окрепла и стала более обоснованной. К этой второй категории принадлежу и я.

Я же изначально принадлежал к первой категории. Нет, я не был ученым — я был скептиком, бунтарем, ниспровергателем основ, настырным репортером, который взялся раскопать правду об Иисусе, Человеке, сказавшем о Себе: «Я есмь путь и истина и жизнь».

Я защелкнул портфель, встал и поблагодарил Бломберга. Теперь можно спокойно лететь в Чикаго. Расследование началось как нельзя лучше.

Вопросы для размышления

1. Как и почему ответы Бломберга на вопросы моих восьми тестов повлияли на ваше мнение о достоверности Евангелий?
2. Какой из этих тестов показался вам наиболее убедительным и почему?
3. Когда разные люди слегка по-разному рассказывают вам об одном и том же, ставите ли вы под сомнение их честность — или пытаетесь найти объективный способ примирить свидетельства? Убедил ли вас проделанный Бломбергом анализ внешних расхождений в Евангелиях?

На ту же тему

Archer, Gleason L. The Encyclopedia of Bible Difficulties. Grand Rapids: Zondervan, 1982.

Blomberg, Craig. "The Historical Reliability of the New Testament." In Reasonable Faith, by William Lane Craig, 193 — 231. Westchester, Ill.: Crossway, 1994.

_____. "Where Do We Start Studying Jesus?" In Jesus under Fire, edited by Michael J. Wilkins and J. P. Moreland, 17 — 50. Grand Rapids: Zondervan, 1995.

Dunn, James. The Living Word. Philadelphia: Fortress, 1988.

Marshall, I. Howard. I Believe in Historical Jesus. Grand Rapids: Eerdmans, 1977.

3. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА. *Жизнеописания Иисуса Христа — действительно ли они дошли до нас в целости и сохранности?*

Работая репортером в "Chicago Tribune", я превратился в «архивную крысу» и бесконечно рылся в судебных делах, вынюхивая лакомые кусочки для газетных новостей. Занятие это было трудоемкое и кропотливое, но игра стоила свеч — мне то и дело удавалось обходить конкурентов в сражении за первую полосу.

Например, как-то раз мне удалось раскопать кое-какие засекреченные стенограммы заседаний Большого Жюри, по случайности оказавшиеся общедоступными. После этого я написал несколько статей о крупной афере с завышением смет на некоторые строительные проекты (включая строительство крупнейших автострад), которые финансировались из городского бюджета.

Но самое поразительное «захоронение», которое мне довелось раскопать, относится к знаменитому процессу, в котором автомобильной компании «Форд» было предъявлено обвинение в убийстве по неосторожности — когда три подростка сгорели в малогабаритном двухдверном «Пинто». Впервые американскому производителю было предъявлено уголовное обвинение по подозрению в продаже опасной продукции.

Листая это дело в здании суда крошечного городка Уинамак в штате Индиана, я нашел множество внутренних документов «Форда». Выяснилось, что производитель заранее знал: «Пинто» может взорваться, если в него врежутся сзади со скоростью выше 30 километров в час. Из документов следовало, что производитель не стал улучшать безопасность модели — он предпочел немного расширить багажник и сэкономить пару долларов на каждой машине.

Юрист «Форда», случайно проходя мимо, заметил, что я снимаю фотокопии с этих документов, и стремглав помчался к судье, требуя закрыть доступ к этому досье.

Но уже было поздно. Моя статья, озаглавленная «Форд» пренебрег пожароопасностью «Пинто»: секретные меморандумы» вышла в свет и мгновенно разлетелась по всей стране[15].

ИСПЫТАНИЕ ДОКУМЕНТОВ НА ПОДЛИННОСТЬ

Но найти секретные меморандумы фирмы — это лишь полдела. Прежде чем журналист опубликует их, прежде чем обвинение примет их в качестве доказательства, необходимо удостовериться в их подлинности.

Возьмем, к примеру, те же «бумаги «Пинто». Не подделаны ли бланки «Форда», на которых они написаны? Настоящие ли подписи? Как убедиться в этом? Документы были пересняты несколько раз — не вкрались ли при этом искажения? Иными словами, могу ли я быть уверен, что каждая из копий идентична исходному меморандуму, которого я не видел?

Более того, откуда мне знать, что эти документы отражают ситуацию в целом? Они представляют лишь малую толику всей внутренней корреспонденции корпорации «Форд». Может быть, есть и другие документы, по-прежнему скрытые от глаз общественности, и, знай мы о них, общая картина предстала бы совсем в ином свете?

Столь же важные вопросы встают при изучении Нового Завета. Когда я открываю Библию, то в руках у меня, по сути дела, копии древних исторических документов. Оригинальные рукописи с жизнеописаниями Иисуса от Матфея, Марка, Луки и Иоанна давным-давно обратились в пыль, как и все остальные книги Ветхого и Нового Завета. Как же мне удостовериться, что моя «современная версия» — результат бесчисленных переписываний на протяжении многих и многих веков — имеет хоть какое-то сходство с тем, что было написано изначально?

Кроме того, откуда мне знать, вся ли история изложена в этих четырех жизнеописаниях? Что, если были и другие биографии Иисуса, на которые ранняя церковь наложила запрет, потому что ее не устраивал представленный в них образ Иисуса? Как можно быть уверенным, что деятели церкви не уничтожили другие жизнеописания — не менее точные, чем те четыре, что в результате вошли в Новый Завет, — которые пролили бы новый свет на слова и дела этой противоречивой Личности, этого Плотника из Назарета?

Итак, передо мной стояло два вопроса, заслуживающие самого тщательного рассмотрения: во-первых, не исказились ли жизнеописания Иисуса, пока дошли до нашего времени; и, во-вторых, не уничтожены ли церковью другие, не менее точные и достоверные жизнеописания?

Я знал, что есть человек, который считается общепризнанным авторитетом в этих вопросах. Спеша встретиться с ним, я полетел в Ньюарк, арендовал там машину и направился в Принстон.

Интервью второе: БРЮС М. МЕТЦГЕР, д-р философии

В тот субботний вечер я застал восьмидесятичетырехлетнего Брюса Метцгера (Bruce Metzger) в его обычном прибежище — библиотеке Принстонской богословской семинарии.

— Люблю сдувать пыль с книг, — улыбнулся он.

Многие из них написаны им самим — в частности, прекрасные книги, посвященные Новому Завету. Всего доктор Метцгер написал и отредактировал пятьдесят книг, в числе которых «Новый Завет: истоки, развитие, содержание» *(“The New Testament: Its Background, Growth, and Content”)*; «Текст Нового Завета» *(“The Text of the New Testament”)*; «Канон Нового Завета» *(“The Canon of the New Testament”)*;

«Манускрипты греческой Библии» *(“Manuscripts of the Greek Bible”)*; «Построчные комментарии к греческому Новому Завету» *(“Textual Commentary on the Greek New Testament”)*; «Введение в апокрифическую литературу» *(“Introduction to the Apocrypha”)*; «Оксфордский библейский справочник» *(“The Oxford Companion to the Bible”)*. Некоторые из них переведены на немецкий, китайский, японский, корейский, малагасийский и другие языки. Доктор Метцгер — член редакционной коллегии Новой Оксфордской Библии с примечаниями, включающей в себя апокрифические книги, и ответственный редактор почти тридцати томов серии «Методы анализа и исследования Нового Завета» (“New Testament Tools and Studies”).

Брюс Метцгер получил степень магистра в Принстонской богословской семинарии, магистра и доктора — в престижном Принстонском университете. Он почетный доктор пяти колледжей и университетов, в том числе старейшего шотландского университета СентЭндрюс, Мюнстерского университета (Германия), университета Почефструм (ЮАР).

В 1969 году он работал по приглашению научным сотрудником в издательстве «Тиндл-Хауз» (Кембридж), в 1974 и 1979 годах — в «КлэрХолл» (Кембридж) и «Вулфсон-Колледж» (Оксфорд). Брюс Метцгер — заслуженный профессор в отставке Принстонской богословской семинарии, где он сорок шесть лет преподавал Новый Завет.

Доктор Метцгер — председатель комитета Новой пересмотренной стандартной Библии (NRSV), член-корреспондент Британской Академии, член куратория Института *“Vetus Latina”* при монастыре Берон в Германии; экс-президент Общества библейской литературы, Международного общества изучения Нового Завета, Североамериканского общества патристики.

Откройте примечания к любому авторитетному труду по Новому Завету — можете не сомневаться, вам попадется немало ссылок на Метцгера. Его книги входят в списки обязательного чтения в университетах и духовных академиях всего мира. Он пользуется высочайшим уважением ученых самых разных богословских воззрений.

Брюс Метцгер родился в 1914 году, и его манеры во многом заставляют вспомнить о минувших временах. Вот он выходит из серого «бьюика» (который называет «мой кабриолет с моторчиком»), одетый в темно-серый костюм и синий галстук допотопного фасона. Это его повседневный наряд, в котором он ходит в библиотеку и в будни, и в выходные. Седые волосы тщательно причесаны; глаза в очках без оправы — яркие и внимательные. Доктор Метцгер ходит уже не так быстро, как в былые годы, но по-прежнему без труда поднимается на второй этаж, в свой аскетичный кабинет, где занимается научной работой.

С чувством юмора у Метцгера все в порядке. Он показал мне оловянную коробку, которую унаследовал вместе с постом председателя комитета NRSV. Метцгер приподнял крышку и дал мне взглянуть внутрь, на пепел Библии, которую проповедник-ортодокс сжег в 1952 году в знак протеста.

— Ему не понравилось, что в Послании к Евреям 1: 9 комитет заменил «соучастников», как было в Библии короля Иакова, на «товарищей», — со смешком объясняет Метцгер. — Он кричал о коммунистической пропаганде!

Метцгер говорит медленно, подыскивая слова, вставляет старомодные фразы типа «всецело с вами согласен» — но во всем, что касается Нового Завета, он по-прежнему стоит на передовых рубежах научной мысли. Когда я попросил кое-какие статистические данные, он не стал обращаться к своей книге 1992 года издания, а провел дополнительное исследование, чтобы снабдить меня свежей информацией. Его живой ум без труда оперирует именами и географическими названиями. Ни одна подробность споров между исследователями Нового Завета не ускользает от его внимания, и коллеги высоко ценят его мудрость и интуицию.

Рабочий кабинет у доктора Метцгера размером с тюремную камеру, окон в нем нет вовсе, а стены выкрашены в унылый «больничный» цвет. Два простых деревянных стула (меня он усадил на тот, что поудобнее). Во всем этом есть что-то очень трогательное. Видя его доброту, скромность и внутреннее благородство, мечтаешь к старости стать похожим на него.

Мы немного поболтали о пустяках, и я задал первый из припасенных вопросов: как убедиться, что дошедшие до наших дней жизнеописания Иисуса достойны доверия?

СПИСКИ СО СПИСКОВ СО СПИСКОВ

— Признаться честно, — сказал я Метцгеру, — когда я узнал, что не сохранилось ни одного оригинала Нового Завета, меня охватили сомнения. Я подумал вот о чем: если у нас есть лишь списки со списков с еще одних списков, то откуда мне знать, что наш Новый Завет хоть чем-то похож на первоначальный текст? Что вы на это скажете?

— Этот вопрос относится не только к Библии, но и ко всем документам, дошедшим до нас из древности, — ответил Метцгер. — Но в пользу Нового Завета в сравнении с другими древними произведениями говорит беспрецедентно большое количество сохранившихся копий.

— А почему это важно? — спросил я.

— Дело в том, что чем чаще разные копии согласуются друг с другом (тем более, если они пришли из разных географических областей), тем больше возможностей для их взаимного сопоставления, позволяющего выяснить, каким был исходный документ. А согласовываться они будут только в том случае, если принадлежат к одному и тому же «генеалогическому древу», отражающему происхождение манускрипта.

— Понятно, — сказал я. — Чем больше рукописей из разных мест, тем лучше. А что вы скажете о возрасте документов? Ведь это тоже важно, разве не так?

— Всецело с вами согласен, — ответил Метцгер. — И это еще один аргумент в пользу Нового Завета. Существуют списки, отстоящие от оригинала всего на пару поколений, в то время как у других древних текстов разрыв между оригиналом и древнейшей из сохранившихся копий иногда составляет пять, восемь или десять веков. Кроме греческих текстов, имеются довольно древние переводы Евангелий и на другие языки: латынь, сирийский, коптский. Есть и так называемые «вторичные» переводы, сделанные несколько позже, — например, на армянский и готский. Есть и другие — грузинский, эфиопский и так далее.

— Но какая от них польза?

— Даже если бы до нас не дошли греческие тексты, мы смогли бы воспроизвести содержание Нового Завета, систематизируя информацию из этих относительно древних переводов. И даже если бы мы не располагали этими переводами, мы все равно сумели бы воссоздать текст по многочисленным цитатам в комментариях, проповедях и письмах ранних Отцов церкви.

Все это звучало впечатляюще, но не вполне убедительно. Чтобы удостовериться в подлинности Нового Завета, мне был нужен более широкий контекст. Например, как обстоит дело с другими известными книгами древности?

ГРУДЫ МАНУСКРИПТОВ

— Вы говорите о великом множестве новозаветных манускриптов, — начал я. — Давайте проведем количественное сравнение с другими древними книгами, которые наука признает достоверными. Расскажите мне, к примеру, о работах авторов, писавших во времена Иисуса!

Словно предвидя этот вопрос, Метцгер заглянул в свои записи.

— Возьмем Тацита, римского историка, который написал свои «Анналы» — историю императорского Рима — около 116 г. Первые шесть книг «Анналов» сохранились лишь в одном экземпляре, датируемом примерно 850 годом. Книги с восьмой по шестнадцатую дошли в рукописи XI века. Книги с седьмой по десятую не сохранились. Видите, сколько веков прошло от периода, когда Тацит собирал материал и писал книгу, до создания немногих уцелевших манускриптов! Или, скажем, Иосиф Флавий, историк I века. Мы располагаем девятью греческими манускриптами его «Иудейской войны» — X, XI и XII веков. Еще у нас есть перевод на латынь IV века и древнерусские документы XI — XII веков.

Я был поражен. Оказывается, лишь тончайшая рукописная нить связывает античные труды с современным миром!

— А теперь, для сравнения, — спросил я, — сколько греческих списков Нового Завета сохранилось до наших дней?

— В каталоги занесено более пяти тысяч! — его глаза блеснули, а голос от воодушевления взлетел на октаву.

Подумать только, целая гора — по сравнению с ничтожной кучкой у Тацита и Флавия!

— Насколько это необычно для древности? И кто идет на втором месте? — спросил я.

— Новый Завет в этом смысле не с чем сравнить, — ответил Метцгер. — Следом по количеству письменных свидетельств идет «Илиада» Гомера — своеобразная библия Древней Греции. Она дошла до нас менее чем в 650 греческих списках, зачастую только фрагментами. Самые ранние относятся ко II — III векам. Если вспомнить, что Гомер создал свой эпос около 800 г. до Р. Х., то разрыв получается весьма солидный.

«Солидный» — это было еще мягко сказано; речь шла о тысяче лет! Да, количество письменных свидетельств Нового Завета просто ошеломляет, когда сравниваешь его с другими почтенными античными источниками — книгами, в подлинности которых у ученых нет ни малейших сомнений.

Мое любопытство распалилось до предела, и я попросил Метцгера описать какие-нибудь новозаветные манускрипты.

— Самые древние из них — кусочки папируса. Этот древний прообраз бумаги изготовляли из одноименного растения, росшего в Египте, в мелководье дельты Нила. До нас дошло девяносто девять папирусных фрагментов, каждый из которых содержит от небольшого отрывка до нескольких книг Нового Завета. Самой значительной находкой считаются так называемые «библейские папирусы Честера Битти», обнаруженные в 1930 году. Папирус номер один, который датируется III веком, содержит отрывки из четырех Евангелий и Книги Деяний; папирус номер два, датируемый примерно 200 годом, — большие фрагменты из восьми посланий Апостола Павла и фрагменты Послания к Евреям; папирус номер три, который относят к III веку, — значительную часть Апокалипсиса. Нельзя не упомянуть и о папирусах, которые в свое время приобрел швейцарский библиофил Мартин Бодмер. Самый древний из них, примерно двухсотого года, содержит около двух третей Евангелия от Иоанна. Еще один папирус, с отрывками из Евангелий от Луки и Иоанна, датируется III веком.

Получалось, что временной разрыв между созданием Евангелий и появлением самых ранних манускриптов ничтожно мал. Но какую из дошедших до нас рукописей можно считать самой древней? Насколько близко мы можем подобраться к оригиналам?

КЛОЧОК ПАПИРУСА, ИЗМЕНИВШИЙ ИСТОРИЮ

— Какой из списков Нового Завета считают самым древним? — спросил я.

— Фрагмент восемнадцатой главы Евангелия от Иоанна, — не задумавшись ни на секунду, ответил Метцгер. — В нем пять стихов, три на одной стороне и два на другом, а размером он примерно шесть на девять сантиметров.

— А как его нашли?

— Его приобрели в Египте, еще в 1920 году, и он долгие годы пылился в хранилище вместе с другими клочками папируса. В 1934 году Колин Робертс из оксфордского колледжа Сент-Джонс наткнулся на него, разбирая папирусы в манчестерской Библиотеке Джона Райландса, — и мгновенно определил, что перед ним — сохранившийся фрагмент Евангелия от Иоанна. По характеру письма он сумел сделать выводы о возрасте этого документа.

— И что выяснилось? — спросил я.

— Робертс отнес его к периоду от 100 до 150 года. Очень многие известные палеографы — сэр Фредерик Кенион, сэр Гарольд Белл, Адольф Дейсманн, Хэтч, Ульрих Вилкен и другие — согласились с его оценкой. Дейсманн был убежден, что эта находка восходит как минимум к периоду правления императора Адриана (117 — 138 годы) или даже Траяна (98 — 117 годы).

И это было открытием эпохального значения. Ведь немецкие богословы XIX века с пеной у рта доказывали, что четвертое Евангелие написано не ранее 160 года, и потому не может считаться достоверным историческим документом — слишком много лет прошло со времен земной жизни Иисуса. Эта точка зрения укоренилась настолько, что целые поколения исследователей относились к Евангелию от Иоанна с неприкрытым недоверием.

— Выходит, ученым пришлось полностью пересмотреть свои взгляды, — заметил я.

— Вне сомнения, — согласился Метцгер. — К тому же, этот древнейший экземпляр Евангелия от Иоанна принадлежал христианской общине из Египта, что весьма далеко от Ефеса в Малой Азии, где предположительно был создан оригинал.

Эта находка буквально перевернула тогдашние исторические воззрения, сдвинув время написания Евангелия от Иоанна гораздо ближе ко дням пребывания Иисуса на земле. Я отметил про себя, что нужно узнать у археологов, есть ли другие находки, подтверждающие достоверность четвертого Евангелия.

ИЗОБИЛИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВ

Древнейшие списки Нового Завета начертаны на папирусе, однако существуют и рукописи на пергаменте — материале из шкур быков, баранов, коз, антилоп.

— Бывают так называемые «унциальные манускрипты», написанные только прописными греческими буквами, — рассказывал Метцгер. — Сегодня в нашем распоряжении 306 таких рукописей; некоторые относятся еще к III веку. Самые ценные из них — «Синайский кодекс», единственный полный список Нового Завета, выполненный унциальным письмом, и неполный «Ватиканский кодекс». Оба они относятся примерно к 350 году. Примерно в 800 году появился новый стиль письма, по своей природе более близкий к скорописи, — так называемый «ми-

нускул». Манускриптов это рода у нас 2856. Есть также «лекционарии», где новозаветное Писание излагается в той последовательности, в какой его читали в ранних церквях в течение года. В каталоги внесено в общей сложности 2403 таких манускрипта. Итого, в общей сложности мы обладаем 5664-мя греческими рукописями.

А кроме греческих, добавил он, существуют тысячи древних списков Нового Завета на других языках: от восьми до десяти тысяч рукописей латинской «Вульгаты» и около восьми тысяч эфиопских, славянских, армянских списков; в общей сложности — примерно двадцать четыре тысячи манускриптов.

— Так каков же ваш вывод? — спросил я, желая убедиться, что понял его правильно. — Если исходить из количества рукописей и временного разрыва между оригиналом и первой из сохранившихся копий — как выглядит Новый Завет на фоне других знаменитых древних документов?

— Великолепно выглядит, — ответил он. — Можно не сомневаться в точности дошедшего до нас текста, тем более в сравнении с другими документами древности.

Это мнение разделяют выдающиеся ученые из разных стран. Вот что писал покойный Ф. Ф. Брюс, знаменитый профессор Манчестерского университета, автор книги «Новозаветные документы: достоверны ли они?» *(“The New Testament Documents: Are They Reliable?”)*: «Во всей древней литературе не найдется текста, который обладал бы таким объемом достоверных документальных подтверждений, как Новый Завет»[16].

Метцгер уже упоминал имя сэра Фредерика Кениона, бывшего директора Британского музея и автора «Палеографии греческих папирусов» *(“Palaeography of Greek Papyri”)*. По словам Кениона, «такого краткого промежутка между датами создания оригинала и самого раннего из сохранившихся списков, как у Нового Завета, нет ни у одного древнего источника»[17]. Далее он заключает: «Исчезли последние мотивы для сомнений в том, что тексты Библии дошли до нас именно такими, какими были написаны»[18].

Но что можно сказать о разночтениях между рукописями? Ксероксов в те времена не было, тексты переписывались вручную, буква за буквой, слово за словом, строка за строкой, и при этом не обходилось без ошибок. Возникает вопрос: могли ли эти ошибки закрепиться и дойти до наших дней?

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

— Если учесть, что некоторые греческие буквы очень похожи одна на другую, а условия, в которых трудились переписчики, были крайне примитивными, — наверное, ошибки при копировании были неизбежны? — спросил я.

— Вы совершенно правы, — согласился Метцгер.

— А в дошедших до нашего времени рукописях обнаружены буквально десятки тысяч разночтений, так?

— Да, именно так.

— Не следует ли из этого, что им нельзя доверять? — в моем голосе непроизвольно зазвучали обвинительные нотки.

— Нет, сэр. Не следует, — убежденно произнес Метцгер. — Позволю себе напомнить: среди древних переписчиков наверняка были и близорукие, а очки были изобретены только в 1373 году в Венеции. Прибавьте сюда и то, что им приходилось переписывать высохшие манускрипты с отслаивающимися чернилами. Были и другие трудности — например, небрежность некоторых писцов. Так что, хотя в целом переписчикам были свойственны усердие и скрупулезность, в их работу действительно вкрадывались ошибки. Но, — тут же добавил он, — были и факторы,

которые нейтрализовали или сглаживали эти ошибки. Допустим, зрительная память писца сыграла с ним дурную шутку, и он перепутал порядок слов. Так вот, в этом ничего страшного нет, поскольку греческий язык, в отличие от английского, — флективный.

— А это значит...

— А это значит, что в английском, где важен порядок слов, между предложениями «Человека укусила собака» и «Человек укусил собаку» — огромная разница. В греческом — нет. Подлежащее остается подлежащим, где бы оно ни стояло; соответственно, даже если слова были написаны в неправильном порядке, смысл предложения не менялся. Таким образом, хотя некоторые разночтения между манускриптами действительно существуют, но по большей части это несущественные расхождения. Иное дело — различия в написании.

И все-таки меня по-прежнему смущали все эти «варианты» — расхождения между манускриптами. Я читал, что по подсчетам их около двухсот тысяч[19]! Но Метцгер тут же объяснил, что эта цифра завышена:

— Поначалу кажется, что это огромное число, но тонкость состоит в методике подсчета вариантов.

Оказывается, если одно и то же слово неправильно скопировано в двух тысячах манускриптов, то это засчитается как две тысячи расхождений.

Я повернул к самому важному:

— Сколько церковных догматов оказалось под угрозой из-за этих разночтений?

— Я не знаю ни одного, — уверенно ответил он.

— Ни одного?

— Ни одного, — повторил он. — Конечно, к нам приходят свидетели Иеговы и говорят: «Ваша Библия Короля Иакова неправильная: в 1-ом послании от Иоанна 5:7 — 8 сказано: «Отец, Слово и Святый Дух; и Сии три суть едино», а в древнейших манускриптах этого нет». И они в определенной степени правы. Эти слова присутствуют только в семи-восьми списках, и все они XV или XVI веков. Я допускаю, что эти слова не входили изначально в боговдохновенное послание. Но это вовсе не подрывает позиций доктрины о Троице, ясно подтвержденной в Библии. При крещении Иисуса Бог-Отец говорит, что крестится Его возлюбленный Сын, на Которого нисходит Дух Святой. А апостол Павел завершает 2-ое послание к Коринфянам словами: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общение Святаго Духа со всеми вами. Аминь». О Троице в Библии говорится не раз и не два.

— Значит, когда попадаются варианты, они обычно несущественны, второстепенны?

— Да, конечно, именно так, — и ученые не жалеют сил, пытаясь пробиться через варианты к изначальному тексту. Но даже самые существенные различия не подрывают ни одну церковную доктрину. И в любом хорошем издании Библии есть примечания, предупреждающие читателя о существенных разночтениях, которые — повторюсь — крайне редки.

Действительно, они настолько редки, что ученые Норман Гейслер (Norman Geisler) и Вильям Никс (William Nix) приходят к следующему выводу: «Таким образом, Новый Завет не только сохранился в большем количестве рукописей, чем любая другая книга древности, но и сохранился точней, чем любая другая книга, — *он точен на 99,5 процента*»[20].

Но даже если Новый Завет дошел до нас через века, не утратив достоверности, — откуда нам знать, что перед нами полная картина? Церковь обвиняли и обвиняют в том, что ее иерархи уничтожили другие, не менее достойные доверия документы, освещавшие жизнь Иисуса в ином свете. Откуда нам знать, что в двадцати семи книгах Нового Завета представлена самая надежная информация? Почему Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна вошли в нашу Библию, а многие другие

древние жизнеописания — «Евангелие от Филиппа», «Египетское Евангелие», «Евангелие Истины», «Евангелие от Марии» — не вошли?

Пришла пора вернуться к вопросу о каноне. Термин «канон» происходит от греческого слова со значением «правило, норма, стандарт» и относится к книгам, официально признанным церковью и включенным в Новый Завет[21]. Метцгер — один из ведущих авторитетов в этой области.

«В ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ ЕДИНОДУШНО»

— Как пастыри ранней церкви определяли, какие книги считать авторитетными, а какие — отбросить? — спросил я. — На основе каких критериев они решали, что именно следует включить в Новый Завет?

— Ранняя церковь в основном применяла три критерия, — ответил он. — Во-первых, книги должны были быть написаны самими апостолами — очевидцами описанных ими событий, или же их учениками. Так, хотя Марк и Лука не принадлежали к двенадцати апостолам, раннехристианская традиция считает Марка помощником Петра, а Луку — товарищем Павла.

Вторым критерием было соответствие так называемому «правилу веры». Иными словами — соответствовал ли документ базовой христианской традиции, которую церковь признавала нормой? И, наконец, третий критерий — насколько давно признан документ церковью в целом?

— И что же, они просто отсекали все, что не подходило под эти критерии?

— Нет, нельзя сказать, что пастыри церкви применяли их механически, — ответил Метцгер. — Наверняка были разные мнения по поводу того, какой из критериев имел наибольший вес. Но вот что замечательно: даже при том, что некоторое время границы канона оставались неопределенными, за первые два столетия церковь приняла большую часть Нового Завета — причем в высшей степени единодушно. А ведь речь идет об очень разных общинах, разбросанных по огромной территории.

— Выходит, четыре Евангелия, которые входят сегодня в Новый Завет, отвечали этим критериям, а остальные нет?

— Именно, — ответил Метцгер. — Получилось, так сказать, своеобразное «выживание наиболее приспособленных». Как говаривал своим студентам в Гарварде Артур Дарби Нок (Arthur Darby Nock): «Самые оживленные дороги Европы — это самые лучшие дороги; потому-то по ним все и ходят». Хорошая аналогия. Британский комментатор Библии Уильям Баркли (William Barclay) сказал об этом так: «Будет чистой правдой, что книги Нового Завета стали каноническими именно потому, что никто не мог этому помешать». Если говорить о роли в христианской истории и христианском вероучении, то никакие книги тех времен, несомненно, не могут сравниться с Новым Заветом. Изучая историю становления канона, приходишь к убеждению, что в Новом Завете собраны лучшие источники, связанные с Иисусом. Те, кто определял границы канона, имели ясное и гармоничное представление о Вести Христовой. Да вы сами почитайте те, другие документы. Они написаны гораздо позже четырех Евангелий — во II, III, IV, V и даже VI веках, — и в целом весьма неоригинальны. Их названия — например, «Евангелие от Петра» и «Евангелие от Марии» — не имеют отношения к их настоящим авторам. Четыре Евангелия, напротив, с поразительным единодушием были признаны подлинными.

Однако я знал, что некоторые либеральные теологи, в большинстве своем — представители широко известного «Семинара Иисуса», — считают, что «Евангелие от Фомы» заслуживает того же статуса, что и четыре канонические Евангелия. Может быть, это загадочное Евангелие пало жертвой церковных междоусобиц

и в конце концов было отвергнуто из-за своего «неудобного» содержания? Вот об этом-то, подумал я, мы сейчас и поговорим.

«ТАЙНЫЕ РЕЧЕНИЯ» ИИСУСА

— Доктор Метцгер, хочу расспросить вас о «Евангелии от Фомы», найденном в 1945 году в Египте среди документов Наг Хаммади. Там сказано, что оно содержит «тайные речения, которые Иисус говорил в Своей земной жизни, а Близнец Фома записал». Почему же этот текст не признан церковью?

Оказалось, что Метцгер досконально изучил «Евангелие от Фомы».

— «Евангелие от Фомы» появилось на свет в списке V века на коптском языке, и я его переводил на английский. В нем содержатся 114 высказываний, приписываемых Иисусу, но нет ничего о Его деяниях. Скорей всего, «Евангелие от Фомы» было написано на греческом языке в Сирии, приблизительно в 140 году. Я полагаю, в некоторых случаях этот текст верно передает слова Иисуса, хотя и с некоторыми изменениями.

Конечно же, я был заинтригован:

— Расскажите, пожалуйста, подробнее!

— К примеру, в «Евангелии от Фомы» Иисус говорит: «Не может укрыться город, стоящий на верху высокой горы». Добавлено прилагательное «высокая», а остальное совпадает с Евангелием от Матфея. Или другие слова Иисуса: «Отдавайте кесарево кесарю, Божие Богу, а Мое Мне» — здесь добавлена последняя часть фразы. Но есть в «Евангелии от Фомы» и кое-что, совершенно чуждое каноническим Евангелиям. Например, Иисус в нем говорит: «Расколи дерево — Я в нем. Подними камень, и найдешь Меня под ним». Это не что иное как пантеизм, вера в то, что Иисус растворен в природе. Такое представление о Нем совершенно не соответствует каноническим Евангелиям. А заканчивается «Евангелие от Фомы» таким высказыванием: «Пусть Мария оставит нас, ибо женщины не достойны жизни». Иисусу там приписываются и такие слова: «Вот, я наставлю ее на путь, чтобы она стала мужем и обрела дух живой, подобный вашему, мужи. Ибо каждая женщина, превращающая себя в мужа, войдет в Царствие Небесное». — Метцгер вскинул брови, словно изумляясь собственным словам. — Нет, это не тот Иисус, Которого мы знаем из четырех канонических Евангелий!

— Я слышал, что церковные соборы намеренно устроили заговор молчания вокруг «Евангелия от Фомы».

— Это исторически ошибочный вывод, — последовал ответ. — Синоды и соборы V и последующих веков лишь утверждали то, что уже и так было признано как иерархами церкви, так и простыми верующими. Нельзя сказать, что «Евангелие от Фомы» было исключено неким декретом церковного собора; скорее, оно само себя «исключило», поскольку не соответствовало тем свидетельствам о Христе, которые ранние христиане признавали достойными доверия.

— Итак, вы не согласны с теми, кто хотел бы приравнять «Евангелие от Фомы» к четырем библейским Евангелиям?

— Да, категорически не согласен. Полагаю, ранняя церковь поступила благоразумно, отказавшись от него. И признать его сейчас, на мой взгляд, означало бы признать нечто менее обоснованное, чем другие Евангелия, — ответил он. — Только не поймите меня превратно. «Евангелие от Фомы» –интересный документ, но он включает в себя пантеистические взгляды и выпады против женщин и тем самым исключает себя из числа достоверных текстов. Нужно уяснить, что канон — не результат «конкурсного отбора», отягощенного церковными интригами, а интуитивный выбор самих христиан. В Евангелии от Иоанна они явственно слышали голос

Пастыря Доброго; в «Евангелии от Фомы» этот голос звучал приглушенно и искаженно, да еще и с инородными примесями. Официальное решение о каноне всего лишь утвердило то, что уже было и так определено общим ощущением всей церкви. Видите ли, канон — это не столько утвержденный список книг, сколько список утвержденных книг. Эти документы обрели признание не из-за того, что были канонизированы; каждый из них обрел признание прежде, чем попал в канон. Ранняя церковь просто прислушалась и почувствовала, что этим источникам можно верить. И говорить, что библейский канон появился в результате соответствующих решений соборов и синодов, — все равно что сказать: «Пусть музыкальные академии сделают официальное заявление о том, что музыка Баха и Бетховена превосходна!» Спасибо, не нужно! Мы сами чувствуем, какая музыка хороша, а какая — нет. То же самое относится и к библейскому канону.

И все-таки, заметил я, некоторые новозаветные книги (а именно Послание Иакова, Послание к Евреям и Откровение Иоанна Богослова) входили в канон труднее и медленнее, чем остальные. Следует ли поэтому относиться к ним с осторожностью?

— На мой взгляд, это говорит лишь о том, как внимательно подходили к этому вопросу ранние христиане, — ответил он. — Они не были легковерны и не хватались за каждый документ, в котором было хоть что-то сказано об Иисусе. Это свидетельствует об их осмотрительности и скрупулезности. Но даже и в наши дни часть сирийских христиан не признает Откровение Иоанна Богослова. А на мой взгляд, Откровение — чудеснейшая книга. — Он покачал головой. — По-моему, эти люди сами себя обделили.

«НОВОМУ ЗАВЕТУ НЕТ РАВНЫХ»!

Аргументы Метцгера оказались вполне убедительными. Все мои сомнения в том, дошел ли до нас текст Нового Завета в первозданном виде, рассеялись без следа. Бенджамин Уорфилд (Benjamin Warfield), один из выдающихся предшественников Метцгера по Принстонской богословской семинарии (он защитил четыре докторские диссертации и преподавал систематическое богословие вплоть до самой своей смерти в 1921 году) выразил это такими словами:

«Сравнивая современное состояние текста Нового Завета с любым другим древним произведением, мы... не можем не признать его сверхъестественно, непостижимо верным. Этим мы обязаны той тщательности, с которой его переписывали, — тщательности, несомненно, произраставшей из истинного почтения к его боговдохновенности... Новому Завету нет равных среди древних писаний по безупречности передачи и сохранности текста»[22].

Рассматривая документы, вошедшие в Новый Завет, отметим, что достоверность двадцати из двадцати семи его книг никогда не вызывала серьезных сомнений. Это книги от Евангелия от Матфея и до Послания к Филимону, а также 1-ое послание Петра и 1-ое послание Иоанна. Естественно, сюда же относятся четыре Евангелия[23]. Оставшиеся семь книг, достоверность которых одно время подвергалась сомнению руководителями ранней церкви, были, как пишут Гейслер и Никс, «окончательно и полностью приняты церковью в целом»[24].

Что касается апокрифической литературы — многочисленных евангелий, апостольских посланий и откровений, появившихся в первые века после Рождества Христова (в их числе — «Евангелия» от Никодима, Варнавы, Варфоломея, Андрея; «Послание Апостола Павла к Лаодикийцам», «Откровение Стефана» и т. д.), — то

все они «вымышленные и еретические... в целом не обладающие ни истиной, ни ценностью», и «ни один Отец церкви, канон или собор» не счел их достоверными и достойными включения в Новый Завет[25].

Кстати сказать, я последовал совету Метцгера и прочел многие из апокрифов. В сравнении с точными и здравыми свидетельствами очевидцев Матфея, Марка, Луки и Иоанна апокрифы действительно заслуживают того определения, которое им дал древний христианский историк Евсевий: «Совершенно бессмысленные и нечестивые»[26]. В моем расследовании они бесполезны — они слишком удалены от земного служения Иисуса, написаны не ранее V — VI веков, в них слишком много вымысла, и потому их нельзя считать достоверными историческими документами.

Пора было переходить к следующему этапу моего расследования. Я хотел узнать, сколько свидетельств о «Плотнике-Чудотворце», жившем в I веке, существует вне евангельских текстов. Что говорят античные историки? Подтверждают они или отрицают то, что сказано в Новом Завете о Его жизни, учении, чудесах? Мне предстояла поездка в Огайо, к одному из лучших американских специалистов в этой области.

А пока я поблагодарил доктора Метцгера за бесценную помощь и потраченное на меня время. Он тепло улыбнулся и предложил проводить меня. Мне не хотелось злоупотреблять его гостеприимством, тем более накануне выходного дня, — но я не мог покинуть Принстон, не задав еще один вопрос.

— Вы десятки лет занимались исследованиями, учились, писали учебники, углублялись в тончайшие нюансы новозаветных текстов... Как это отражалось на вашей личной вере?

— О! — По-моему, эта тема была ему приятна. — Моя вера укреплялась с каждым днем. Я видел, с какой точностью эти материалы дошли до наших дней, в каком множестве списков, в том числе и очень, очень древних...

— Значит, ученость не иссушила вашу веру, а...

— ...поддержала ее, — подхватил он. — Я всю жизнь задавал вопросы, рылся в текстах, исследовал их — и сегодня я точно знаю, что моя вера в Иисуса основана на прочном фундаменте. — Он помолчал, глядя на меня, и с воодушевлением добавил: — На очень прочном фундаменте!

Вопросы для размышления

1. Вы прочитали интервью с доктором Метцгером. Как по-вашему, насколько надежно передавалась информация при переписывании новозаветных текстов?
2. Найдите в своем экземпляре Нового Завета примечания, где говорится о разночтениях. Какие именно варианты вы нашли? Как влияют эти примечания на ваше восприятие текста?
3. Считаете ли вы разумными критерии создания новозаветного канона? Объясните, почему. Можете ли вы предложить дополнительные критерии? С какими трудностями сталкиваются современные ученые, выясняя, почему одни документы вошли в канон, а другие — нет?

На ту же тему

Bruce, F. F. The Canon of Scripture. Downers Grove, Ill.: InterVarsity Press, 1988.

Geisler, Norman L., and William E. Nix. A General Introduction to the Bible. 1968; reprint, Chicago: Moody Press, 1980.

Metzger, Bruce M. The Canon of the New Testament. Oxford: Clarendon Press, 1987.
_____. The Text of the New Testament. New York: Oxford Univ. Press, 1992.
Patzia, Arthur G. The Making of the New Testament. Downers Grove, Ill.: InterVarsity Press, 1995.

4. ПОДКРЕПЛЯЮЩИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА. *Существуют ли достоверные свидетельства об Иисусе вне Евангелий?*

Гарри Алеман обернулся и ткнул в меня пальцем.

— Вы! — с яростью и отвращением прошипел он. — Когда вам уже надоест писать обо мне всякую гадость?

И он ринулся вниз по черной лестнице, спасаясь от репортеров, которые рыскали по всему зданию суда, разыскивая его.

Впрочем, невозможно быть репортером криминальной хроники в Чикаго 70-х годов и не интересоваться Гарри Алеманом — типичным наемным убийцей преступного синдиката. А чикагцы с их извращенными вкусами обожают читать об организованной преступности.

Прокуратура безуспешно пыталась засадить Алемана за решетку из-за очередного хладнокровного убийства, совершенного, как они подозревали, по приказу боссов синдиката. Все упиралось в отсутствие свидетелей, которые согласились бы давать показания против гангстера с такой жуткой репутацией.

А затем в деле произошел перелом. Луис Альмейда, бывший закадычный приятель Алемана, был арестован при покушении на убийство профсоюзного деятеля в Пенсильвании. Осужденный за попытку вооруженного нападения и приговоренный к десяти годам тюрьмы, Альмейда в обмен на снисходительность обвинения согласился дать показания против Алемана по нераскрытому убийству представителя профсоюза водителей грузовиков в Чикаго. Таким образом, Альмейда был заинтересован в сотрудничестве, и это, несомненно, в определенной степени снижало ценность его показаний. Работники прокуратуры понимали, что необходимо упрочить позицию обвинения, подкрепив слова Альмейды чем-то еще.

Вот как определяется значение слова «подкрепить» в словаре Вебстера: «сделать более определенным, подтвердить: «Он подкрепил мою версию происшедшего»[27]. Подкрепляющие доказательства поддерживают другие свидетельства, подтверждают существенные элементы рассказа очевидца. В качестве подкрепляющего доказательства может выступать документ публичного характера, фотография, дополнительное заявление второго или третьего лица. Подкрепляющее доказательство может подтверждать все свидетельство или его ключевые части.

Таким образом, подкрепляющее доказательство, подобно тросам-растяжкам высокой антенны, помогает основному доказательству стоять твердо и нерушимо. Чем больше подкрепляющих доказательств, тем надежней дело.

Но где обвинители могли найти подтверждение рассказу Альмейды? И тут выяснилось нечто совершенно неожиданное: скромный законопослушный гражданин по имени Бобби Лоу выгуливал собаку и случайно увидел, как Алеман убил представителя профсоюза. Несмотря на зловещую славу Алемана, Лоу согласился подкрепить рассказ Альмейды своими показаниями против гангстера.

СИЛА ПОДКРЕПЛЯЮЩИХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

На судебном процессе над Алеманом присяжные как зачарованные слушали показания Лоу и Альмейды. Рассказ Альмейды о том, как он вел машину от места преступления, в точности сходился с рассказом Лоу о том, как Алеман 27 сентября 1972 года убил свою жертву прямо на тротуаре.

Прокуроры считали, что напуганному наемному убийце не вырваться из сплетенной ими сети улик, но в ходе процесса они почувствовали неладное. Впервые они насторожились, когда Алеман отказался от суда присяжных и предпочел, чтобы его дело рассматривал судья.

В результате оправдались наихудшие опасения обвинителей: несмотря на неопровержимые показания Лоу и Альмейды, судья признал Алемана невиновным и выпустил его на свободу.

Так что же произошло? Не забывайте, что дело было в Чикаго, в округе Кук, который печально известен разгулом коррупции. Много лет спустя открылось, что судья получил десять тысяч долларов за оправдательный приговор. Когда осведомитель ФБР вытащил на свет историю со взяткой, судья (к тому времени уже отставной) покончил с собой, а прокуратура вновь выдвинула против Алемана обвинение в убийстве.

Ко времени второго судебного процесса закон изменился, и обвинители могли потребовать рассмотрения дела в суде присяжных, что они и сделали. И вот, через двадцать пять лет после убийства, Алеман был признан виновным и приговорен к сроку от ста до трехсот лет тюремного заключения[28].

Дело Алемана, несмотря на все проволочки, показывает, как важны подкрепляющие доказательства. Не менее важны они и тогда, когда дело касается истории. Доктор Крэг Бломберг показал, что в Евангелиях представлены исчерпывающие свидетельства о жизни, учении, смерти и Воскресении Иисуса. Но есть ли другие доказательства, подкрепляющие эту информацию? Есть ли внебиблейские источники, подтверждающие основные сведения об Иисусе и раннем христианстве?

Скажем иначе: существуют ли дополнительные документы, позволяющие окончательно «решить дело» Христа, — подобно тому, как показания Бобби Лоу окончательно решили судьбу процесса против Гарри Алемана? По словам нашего следующего «свидетеля», такие доказательства существуют — и возможно, что их количество и качество станет для вас полной неожиданностью.

Интервью третье: ЭДВИН М. ЯМАУЧИ, д-р философии

Эдвин Ямаучи (Edwin Yamauchi) работает в университете Майами, в живописном городке Оксфорд, штат Огайо. Направляясь к импозантному кирпичному зданию, где находится его кабинет, я прошел под каменной аркой с надписью: «Познай истину, и истина сделает тебя свободным». Ямаучи, один из лучших американских специалистов в области древней истории, большую часть жизни провел в поисках исторической истины.

Эдвин Ямаучи, сын иммигрантов с острова Окинава, родился в 1937 году на Гавайях. Жизнь его не баловала: отец умер как раз перед нападением японцев на Перл-Харбор, а мать, оставшись без средств к существованию, работала горничной в зажиточных семействах. Сама она не смогла получить образование и потому побуждала сына читать и учиться, принося ему чудесно иллюстрированные книги, на всю жизнь привившие ему любовь к учению.

Научные достижения доктора Ямаучи весьма и весьма впечатляют. Став бакалавром в иудаике и эллинистике, он затем получил в университете Брандейса магистерскую и докторскую степени за исследования по средиземноморской тематике.

Доктор Ямаучи удостоен восьми научных стипендий — от ученого совета университета Ратджерса, Национального фонда гуманитарных наук, Американского философского общества и так далее. Для работы он изучил двадцать два языка — в том числе арабский, китайский, древнеегипетский, русский, сирийский, угарийский и даже язык команчей.

Доктор Ямаучи семьдесят один раз выступал с докладами на научных конференциях, читал лекции более чем в сотне семинарий, университетов и колледжей, в том числе в Йейле, Принстоне и Корнелле; был председателем, а затем президентом Института библейских исследований, президентом Конференции по истории и религии; восемьдесят его статей опубликованы в тридцати семи научных журналах.

В 1968 г. он принимал участие в первых раскопках храма царя Ирода в Иерусалиме — тогда были найдены доказательства того, что храм был разрушен в 70 г. Ямаучи написал ряд книг на археологические темы, в том числе «Камни и Библия» *(“The Stones and the Scriptures”)*, «Библия и археология» *(“The Scriptures and Archaeology”)*, «Мир первых христиан» *(“The World of the First Christians”)*.

Эдвин Ямаучи, воспитанный в буддистской среде, перешел в христианство еще в 1952 году — как раз в год моего рождения. Меня особенно интересовало, как повлияла его многолетняя вера во Христа на оценку исторических свидетельств. Иными словами, насколько скрупулезно он придерживается фактов, не поддается ли соблазну зайти в своих выводах дальше, чем позволяют свидетельства?

Профессор Ямаучи — человек вежливый и скромный. Он говорит тихо, на вопросы отвечает тщательно и подробно, время от времени прерываясь, чтобы показать свои статьи на соответствующую тему (хороший ученый знает, что информации никогда не бывает много).

Мы сидели в его заваленном книгами кабинете, в самом центре зеленого университетского городка, тронутого осенними красками, и беседовали на тему, от которой у него даже после стольких лет исследований и преподавания по-прежнему загораются глаза.

ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ЕВАНГЕЛИЙ

После беседы с Бломбергом я уже не говорил, что евангельские сведения об Иисусе недостаточны, и начал с такого вопроса:

— Можете ли вы как историк дать оценку исторической достоверности Евангелий?

— В целом, Евангелия — великолепные исторические документы, — ответил Ямаучи. — Они-то и есть самые достоверные, полные и надежные источники информации об Иисусе. Дополнительные источники содержат меньше подробностей и имеют ценность лишь как подкрепляющие доказательства.

— Да-да, именно об этом я и хотел узнать — о подкрепляющих доказательствах, — откликнулся я. — Скажем прямо: некоторые намекают, что таковых вообще нет. Вот, в 1979 году вышел роман Чарльза Темплтона (Charles Templeton) «Дело Божье» (“Act of God”), в котором один из персонажей, археолог, делает заявление, отражающее довольно распространенную точку зрения ... — Я раскрыл книгу:

«Постулаты (христианской) церкви основаны большей частью на учении одного загадочного молодого еврея с мессианскими замашками, который — взглянем правде в глаза — не произвел большого впечатления на своих современников. В нецерковных исторических документах о нем нет ни слова. Ни единого слова. Ни одного упоминания у римских историков. Ни одной ссылки у Иосифа Флавия»[29].

— Ну так что, — не без намека в голосе сказал я, — похоже, вне Библии найдется не так много подтверждений жизни Иисуса?

Ямаучи улыбнулся и покачал головой:

— Этот археолог из романа попросту заблуждается, — произнес он негромко, но тоном, не допускающим возражений, — потому что такие подтверждения, причем весьма существенные, есть и у Тацита, и у Флавия. В самих Евангелиях сказано, что многие из тех, кто слышал Иисуса, даже Его близкие родственники, не верили Ему при Его жизни. Но в результате сегодня Его знают повсюду — а Ирод Великий, Понтий Пилат и другие «сильные мира сего» известны несравнимо меньше. Так что Он все-таки «произвел впечатление» на тех, кто в Него верил.

Он замолчал, а затем добавил:

— А на тех, кто не верил, — на тех, конечно, нет.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ПРЕДАТЕЛЯ

И Темплтон, и Ямаучи упомянули Иосифа Флавия, историка I века, хорошо известного в научных кругах, но не слишком популярного у широкой публики.

— Расскажите немного о Флавии, — попросил я. — Что именно он говорит об Иисусе?

— Пожалуйста, — ответил Ямаучи, положил ногу на ногу и откинулся на спинку кресла. — Иосиф Флавий — известнейший еврейский историк I века. Он родился в 37 году и до конца века написал большую часть своих четырех книг. В автобиографии он оправдывает свои поступки во время Иудейской войны, которая длилась с 66-го по 74-й год. Дело в том, что во время осады он сдался римскому полководцу Веспасиану, хотя многие его соратники предпочли плену самоубийство. — Профессор усмехнулся. — Иосиф Флавий решил, что Бог не хочет его самоубийства, а потом стал приверженцем римлян.

Похоже, этот Флавий был довольно колоритной личностью, подумал я. Было бы неплохо понять его побудительные мотивы и предрассудки.

— Расскажите о нем побольше. Каким он был человеком? — спросил я.

— Он был священником, фарисеем, довольно самовлюбленным. Его самая известная работа называется «Иудейские древности» — это история еврейского народа от Сотворения мира. Предполагается, что он завершил книгу примерно в 93 году. Флавий сотрудничал с оккупантами-римлянами, и можно предположить, что соотечественники-евреи его ненавидели. Но среди христиан он был очень популярен, поскольку в своих работах упоминал Иакова, брата Иисуса, а также самого Иисуса.

Вот и первый пример неевангельских подкрепляющих доказательств.

— Расскажите, пожалуйста, об этих упоминаниях, — попросил я.

— В «Иудейских древностях», — начал Ямаучи, — описано, как первосвященник по имени Анания воспользовался смертью римского наместника Феста (который тоже упоминается в Новом Завете), чтобы предать Иакова смерти.

Он потянулся к книжной полке, вытащил толстый том и сразу открыл его на нужной странице.

— Ага, вот оно. «Он созвал синедрион и поставил перед ним человека по имени Иаков, брата Иисуса, называвшегося также Христос, и некоторых других. Он обвинил их в нарушении закона и приговорил к побиванию камнями».

— Я не знаю ни одного ученого, — уверенно заявил Ямаучи, — которому удалось бы оспорить этот отрывок. Л. Фелдман (L. H. Feldman) отмечал, что будь это поздняя вставка христианских времен, то ее тон был бы более панегирическим по отношению к Иакову. Итак, вот вам упоминание о брате Иисуса (который обратился

в христианство, видимо, после того, как Христос воскрес, — посмотрите в Евангелии от Иоанна 7:5 и 1-ом послании к Коринфянам 15:7) и подтверждение того факта, что некоторые считали Иисуса Христом, что значит «помазанник» или «мессия».

«ПОЯВИЛСЯ К ТОМУ ВРЕМЕНИ ИИСУС»

Я знал, что Иосиф писал об Иисусе еще больше в так называемом «Свидетельстве Флавия». И еще я знал, что этот античный текст, содержащий явные и развернутые подтверждения жизни, чудесам, смерти и Воскресению Иисуса, веками вызывал особенно жаркие споры.

Но подлинный ли это текст? Или за долгие годы его «подправили»? Я спросил об этом доктора Ямаучи — и тут же понял, что задел вопрос, в высшей степени его волнующий.

— Это поразительный отрывок! — восторженно сказал он, подавшись вперед с книгой в руке, — И действительно спорный.

Он прочел вслух:

«Появился к тому времени Иисус, мудрый человек, если можно назвать его человеком: он совершал в самом деле необычайные поступки, наставник людей, которые благорасположены к истине. И привлек многих иудеев и также многих греков. Это был мессия (Христос). И после того как Пилат, по доносу главнейших людей среди нас, наказал его распятием на кресте, те, кто любили его с самого начала, не перестали его любить. Он и в самом деле появился на третий день, снова живой, сдержав предсказанные божественным пророком эти и тысячи других чудесных вещей, сотворенных им вокруг себя. И еще теперь не стало меньше племя тех, кто получил от него имя христиан»[30].

Это явно было мощное подкрепляющее доказательство в пользу Иисуса.

— Вы сказали, что это место спорное. Что же именно говорят о нем ученые?

— В науке сменились три подхода по отношению к этому отрывку. Ранние христиане по понятным соображениям считали его замечательной и бесспорно истинной характеристикой Иисуса и Его Воскресения. Затем, в эпоху Просвещения, подлинность всего этого фрагмента была поставлена под сомнение. Но в наши дни и иудейские, и христианские ученые на удивление единодушны в том, что в целом отрывок аутентичен, хотя в нем, возможно, есть более поздние вставки.

Я вскинул глаза.

— Вставки? Что это значит?

— Это значит, что раннехристианские переписчики дописали фразы, которых у иудейского писателя Иосифа Флавия быть не могло, — ответил Ямаучи.

Он указал на предложение из книги.

— Вот, например, в первой строке написано: «Появился к тому времени Иисус, мудрый человек». Христиане обычно так об Иисусе не говорили, а для Флавия это вполне нормально.

— А вот следующая фраза — «если можно назвать его человеком» — намекает на сверхчеловеческую сущность Иисуса, поэтому возможно, что эти слова были вставлены позже.

Я кивнул, давая ему понять, что пока поспеваю за ходом его мысли.

— Далее сказано: «...он совершал в самом деле необычайные поступки, наставник людей, которые благорасположены к истине. И привлек многих иудеев и также многих греков». Вполне совпадает с обычной лексикой Флавия и в целом выглядит

достоверным. А следом идет недвусмысленное утверждение: «Это был мессия (Христос)». Похоже на вставку, потому что...

— Потому что, — перебил я, — в отрывке об Иакове Флавий говорит: «...называвшийся также Христос».

— Верно, — сказал Ямаучи. — Сомнительно, чтобы в одном месте Флавий сам напрямую называл Иисуса мессией, а в другом месте говорил, что мессией Его считали последователи.

Следующая часть «Свидетельства Флавия», в которой говорится о суде и распятии, а также о том, что последователи Иисуса по-прежнему любят его, не вызывает возражений и считается подлинной. Далее идет фраза: «Он и в самом деле появился на третий день, снова живой». Опять же, это явная декларация веры в Воскресение, и вряд ли эти слова написаны рукой Флавия. Итак, три фрагмента, видимо, вставлены в этот текст поздней.

— И каков же общий вывод? — спросил я.

— Вывод такой: «Свидетельство Флавия» действительно было написано Иосифом, за исключением трех вставок, о которых мы упомянули. И тем не менее, здесь содержится важная информация об Иисусе: Он создал церковь в Иерусалиме; Он был мудрым учителем, Который оставил после себя многих верных последователей, несмотря на то, что Он был распят при Пилате по наущению иудейских старейшин.

ЗНАЧЕНИЕ «СВИДЕТЕЛЬСТВА ФЛАВИЯ»

Да, это важные независимые подтверждения — но все-таки странно, почему Иосиф Флавий так скупо описывает столь значительную историческую фигуру I века. Насколько я знаю, некоторые скептики (например, философ Майкл Мартин (Michael Martin) из Бостонского университета) высказывают те же сомнения. Мартин пишет, что вообще не верит в существование Иисуса: «Если бы Иисус существовал, можно было бы предположить, что Иосиф Флавий... напишет о нем больше... Очень странно, что Флавий упоминает о нем лишь вскользь, в то время как другие мессианские личности и Иоанн Креститель описываются в подробностях»[31].

Я спросил Ямаучи, как он относится к заявлению Мартина. Он ответил неожиданно резко.

— Люди не раз пытались отрицать само существование Иисуса, но это дело безнадежное, — сказал он сердито. — Существуют неоспоримые доказательства существования Иисуса, и все эти умозрительные рассуждения попросту высосаны из пальца. Но я все-таки отвечу. Иосифа Флавия интересовали политические события и борьба против Рима, а Иоанн Креститель представлял большую политическую опасность, чем Иисус, и поэтому был для него интересней.

— Минуточку! — вскинулся я. — А разве некоторые ученые не утверждают, что Иисус был зелотом или, по меньшей мере, сочувствовал им?

Зелоты были своего рода революционерами I века и вели политическую борьбу с Римом.

Ямаучи движением руки отмел это соображение.

— Эта гипотеза не подтверждается Евангелиями, — ответил он, — Вспомните, Иисус не возражал даже против того, чтобы платить римлянам налоги. А поскольку Иисус и Его приверженцы не представляли непосредственной политической угрозы, то Флавий, естественно, не слишком интересовался этой «сектой» — мы же, с нашим знанием истории, совсем по-иному оцениваем ее историческое значение.

— Итак, на ваш взгляд, насколько важны эти две ссылки у Иосифа Флавия?

— Очень важны, — ответил Ямаучи. — И в первую очередь потому, что его сведения об Иудейской войне оказались очень точными. Их подтверждают данные археологических раскопок в Масаде, а также такие историки, как Тацит. Иосиф Флавий заслуживает доверия, и поэтому его упоминание об Иисусе имеет огромную важность.

«ПАГУБНОЕ СУЕВЕРИЕ»

Ямаучи упомянул известнейшего из римских историков I века, и я захотел обсудить, что говорил Тацит об Иисусе и о христианстве. — Пожалуй, из всех небиблейских материалов самые важные ссылки на Иисуса содержатся именно в трудах Тацита, — сказал Ямаучи. — В 115 году он со всей определенностью пишет, что Нерон преследовал христиан, чтобы переложить на них вину за огромный пожар, опустошивший Рим в 64 году.

Он подошел к полке, высматривая нужную книгу.

— Вот он, — сказал Ямаучи и вытащил толстый том.

«Нерон подтасовал факты и подверг тягчайшим мукам тех, кого народ из постыдной ненависти называл христианами. Прозвание это идет от Христа, который был предан смертной казни прокуратором Понтием Пилатом при правлении императора Тиберия. Тем он сдержал на время пагубное суеверие, которое разгорелось опять, и не только в Иудее, где возникло это зло, но и в самом Риме… Итак, сначала были приведены к ответу те, которые покаялись, затем по их указанию великое множество других, не столько по обвинению в поджоге, сколько уличенные в ненависти к роду человеческому»[32].

Мне уже был знаком этот текст, и я хотел узнать, как Ямаучи отреагирует на замечание известного ученого Дж. Андерсона (J. N. D. Anderson).

— Андерсон предполагает, что слова Тацита о «пагубном суеверии», которое было «сдержано на время», а потом «разгорелось опять», невольно свидетельствуют о вере первых христиан в то, что Иисус был распят, а затем восстал из мертвых. Вы с этим согласны?

Ямаучи на мгновенье задумался.

— Да, некоторые ученые интерпретируют это место именно таким образом. Но что бы ни подразумевал Тацит, один факт не подлежит сомнению: распятие было отвратительнейшей участью из всех возможных, и не так просто объяснить существование движения, основанного на поклонении распятому. Как могла набрать такую силу религия, основанная на поклонении человеку, которого казнили самой позорной из всех возможных казней? Конечно же, причина в том, что Иисус воскрес! Если не верить в это, можно, конечно, выдвигать и альтернативные теории; но, на мой взгляд, они вряд ли окажутся убедительными.

Я попросил дать оценку свидетельству Тацита.

— Это важное свидетельство недружелюбно настроенного очевидца об успешном распространении христианства и о Христе как об исторической личности, Иисусе, который был распят при Понтии Пилате, — сказал он. — Особенно примечательно то, что Тацит говорит о «великом множестве других», которые столь преданы своим верованиям, что готовы скорей умереть, чем отречься от них.

«ВОСПЕВАЛИ ХРИСТА КАК БОГА»

Я знал, что о христианстве упоминал в своих трудах еще один римлянин — Плиний Младший.

— Скажите, а у Плиния Младшего тоже можно найти подкрепляющие доказательства?

— Безусловно. Он — племянник Плиния Старшего, известного энциклопедиста, погибшего при извержении Везувия в 79 году. А Плиний Младший был легатом в Вифинии (северо-запад современной Турции). До наших дней дошла значительная часть переписки Плиния Младшего с его другом, императором Траяном.

Ямаучи протянул мне ксерокопию книжной страницы:

— В этой переписке он особо упоминает об арестованных им христианах.

«Я спрашивал их самих, христиане ли они; сознавшихся спрашивал во второй и третий раз, угрожая им казнью; упорствующих велел уводить на казнь. Я не сомневался, что какова бы ни была сущность их признания, их следовало, конечно, наказать за непреклонную закоснелость и упрямство…

Они утверждали, что вся их вина или заблуждение состояли в том, что они, обычно по определенным дням, собирались до рассвета и воспевали, чередуясь, Христа как Бога и клятвенно обязывались не преступления совершать, а воздерживаться от воровства, грабежа, прелюбодеяния…

Тем более я счел необходимым под пыткой допросить двух рабынь, называвшихся прислужницами, что здесь было правдой, и не обнаружил ничего, кроме безмерного уродливого суеверия»[33].

— Насколько важна эта информация?

— Очень важна. Это было написано около 111 года, а значит, христианство быстро распространялось как в городах, так и в сельской местности, среди всех классов и слоев населения, среди рабынь и римских граждан (Плиний говорит, что посылает христиан, являющихся римскими гражданами, для суда в Рим). И еще в ней говорится о вере в божественность Иисуса, о приверженности христиан высоким моральным нормам, о том, что их нелегко отвратить от веры.

ДЕНЬ, КОГДА ЗЕМЛЮ УКРЫЛА ТЬМА

Евангелисты свидетельствуют, что в день, когда Иисус был распят на кресте, «настала тьма по всей земле». Меня это всегда смущало. Что это — просто литературный прием, подчеркивающий значимость Распятия и не привязанный к реальному историческому эпизоду? Если же действительно «настала тьма по всей земле», то упоминания о таком необычном событии должны найтись и вне Библии.

Доктор Гэри Хабермас (Gary Habermas) пишет об историке Таллюсе, который в 52 году написал книгу по истории восточного Средиземноморья, начиная с Троянской войны. И хотя работа Таллюса не сохранилась, ее цитирует Юлий Африкан в 221 г. — и там упоминается тьма, о которой сказано в Евангелиях[34]!

— Может ли это считаться независимым подтверждением библейского высказывания? — спросил я.

— Юлий Африкан говорит, что Таллюс в третьей книге своей истории объясняет тьму солнечным затмением, с чем он не согласен. Таким образом, Таллюс подтверждает, что во время Распятия землю укрыла тьма, и связывает это с затмением. Африкан же опровергает это объяснение, исходя из даты Распятия.

Ямаучи нашел на столе лист бумаги.

— С вашего позволения, я процитирую, что об этой тьме говорит ученый Пол Майер (Paul Maier) в примечаниях к своей книге о Понтии Пилате, вышедшей в 1968 году:

«Это явление, очевидно, наблюдалось в Риме, Афинах и других средиземноморских городах. Согласно Тертуллиану… это было «космическое» или «всемирное» событие. Флегон, греческий автор из Карии, составлявший хронологию вскоре после 137 г., писал, что на четвертом году 202-й Олимпиады (т. е. в 33 г.) было «величайшее затмение солнца» и «настала ночь в шестом часу дня (т. е. вечера), так что звезды показались на небе. Случилось большое землетрясение в Вифинии, и многое перевернулось в Никее»[35].

— Итак, — продолжил Ямаучи, — Майер отмечает, что существуют внебиблейские подтверждения тьмы, укрывшей землю во время распятия Иисуса. Кое-кто, видимо, хотел объяснить это явление естественными причинами, называя это затмением.

ОБРАЗ ПИЛАТА

Когда Ямаучи упомянул о Пилате, я вспомнил, что некоторые критики сомневаются в достоверности Евангелий из-за того, как там изображен этот римский наместник. Согласно Новому Завету, Пилат колеблется, а потом уступает давлению толпы иудеев, требующей распять Иисуса. В других же исторических документах Пилат изображен человеком жестким и непреклонным.

— Разве в этом случае Библия и светские историки не противоречат друг другу?

— По большому счету, нет, — ответил Ямаучи. — Майер в своей работе о Пилате отмечает, что его покровителем был Сеян, который утратил власть в 31 году из-за участия в заговоре против императора.

— Какое это имеет значение? — удивился я.

— После этого, в 33 году от Рождества Христова, когда, скорей всего, был распят Иисус, положение Пилата было очень шатким, — ответил профессор. — Так что вполне можно понять его нежелание конфликтовать с евреями и наживать дополнительные неприятности с императором. А из этого следует, что библейское описание Пилата, скорей всего, соответствует действительности[36].

ДРУГИЕ ИУДЕЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ

До сих пор мы говорили в основном о подкрепляющих свидетельствах римского происхождения. Но есть ли подобные свидетельства в иудейских источниках, помимо Иосифа Флавия?

Я спросил у Ямаучи, есть ли упоминания об Иисусе в Талмуде, имеющей огромное значение иудейской книге, завершенной примерно в 500 году. В Талмуд входит Мишна, составленная примерно в 200 году.

— Обычно евреи не вдавались в подробности, когда речь шла о еретиках, — ответил он. — В Талмуде Иисус упоминается в нескольких местах, его называют лжемессией, который прибегал к чародейству и был справедливо осужден на смерть. Там также повторяются слухи о том, что Иисус был рожден Марией от римского солдата. Отсюда можно предположить, что в рождении Иисуса было нечто не совсем обычное.

— Выходит, — спросил я, — иудейские источники, несмотря на негативное отношение к Иисусу, все-таки подтверждают некоторые факты?

— Да, конечно, — ответил он. — Именно об этом пишет профессор М. Уилкокс (M. Wilcox) в своей статье для научного справочника:

«Хотя в традиционной иудейской литературе упоминания об Иисусе крайне скупы и использовать их следует с осторожностью, они все же подтверждают слова Евангелия о том, что Он был врачевателем и чудотворцем (что, впрочем, объясняется колдовством). Кроме того, там говорится, что Он был учителем, имел учеников (пятерых), и что по меньшей мере к началу раввинистического периода не все мудрецы считали его «еретиком» и «обманщиком»[37].

ВНЕБИБЛЕЙСКИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Мы нашли вне Писания не так уж мало упоминаний об Иисусе, но мне казалось, что их должно быть еще больше. Я знал, что до наших дней дошло совсем немного документов I века, но все же спросил:

— Но разве мы не вправе ожидать, что в древних небиблейских текстах найдется гораздо больше информации об Иисусе?

— Письменные документы о зачинателях религиозных движений нередко появляются уже через несколько поколений после их жизни, — ответил Ямаучи. — Однако об Иисусе сохранилось больше исторических свидетельств, чем об основателе любой другой древней религии, — это неопровержимый факт.

Вот об этом я и не подозревал.

— Не может быть! Расскажите, пожалуйста, подробней.

— Например, хотя знаменитые «зороастрийские гаты», датируемые 1000 годом до Р. Х., считаются подлинными, большинство зороастрийских писаний появилось только после III века. А самая известная биография Зороастра, написанная его приверженцами, была написана в 1278 году. Изречения Будды, который жил в VI веке до Р. Х., были записаны только в I веке. И хотя в Коране собраны все высказывания Мухаммеда, жившего в 570 — 632 годах, его первая биография появилась только в 767 году — более чем через сто лет после его смерти. Так что в отношении Иисуса сложилась уникальная ситуация — не говоря уже о том, как много мы знаем о Нем из внебиблейских источников.

Мне хотелось подытожить то, что я выяснил в ходе этой беседы.

— Представим себе, что у нас нет ни Нового Завета, ни других христианских текстов, — сказал я. — Что мы могли бы узнать об Иисусе по одним лишь нехристианским источникам — опираясь на Иосифа Флавия, Талмуд, Тацита, Плиния Младшего и так далее?

— У нас все равно остается немало важных исторических свидетельств, — улыбнулся Ямаучи, — и их вполне достаточно, чтобы очертить абрис жизни Иисуса.

— Во-первых, — он загнул палец, — мы бы узнали, что Иисус был еврейским вероучителем; во-вторых, многие верили, что Он исцеляет людей и изгоняет злых духов; в-третьих, некоторые считали Его Мессией; в-четвертых, иудейские руководители отвергли Его; в-пятых, Он был распят при Понтии Пилате, в царствование Тиберия; в-шестых, несмотря на Его позорную смерть, Его приверженцы, верившие, что Он жив, появились за пределами Палестины, и в 64 году их было много даже в самом Риме; и наконец, в-седьмых: самые разные люди — крестьяне и горожане, мужчины и женщины, рабы и свободные — почитали Его как Бога.

Итак, убедился я, количество независимых подтверждений весьма велико. Мы можем восстановить общие контуры жизни Иисуса даже без Евангелий; более того, мы обладаем сведениями, которые появились раньше самих Евангелий.

ПОДКРЕПЛЯЮЩИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА НАИБОЛЕЕ РАННИХ ИСТОЧНИКОВ

Апостол Павел не видел Иисуса при Его земной жизни. Однако, по его словам, он встретился с Ним после Воскресения, а потом разговаривал с Его учениками, дабы удостовериться, что несет ту же Весть.

Поскольку Павел начал писать апостольские послания за годы до того, как были написаны Евангелия, его письма — один из самых ранних источников информации об Иисусе; настолько ранний, что он не мог быть искажен более поздними мифологическими наслоениями.

— Люк Тимоти Джонсон (Luke Timothy Johnson) из университета Эмори утверждает, что послания Павла представляют собой «ценную внешнюю верификацию» «древности и распространенности» преданий, связанных с Иисусом[38], — сказал я. — Вы согласны с ним?

Наша беседа длилась уже довольно долго. Профессор поднялся, размял ноги и снова сел.

— Послания Павла, бесспорно, самые древние из новозаветных документов, — сказал он, — и в них содержатся важнейшие факты о жизни Иисуса.

— Какие именно?

— Павел пишет, что Иисус был потомком царя Давида, что Он был Мессией, что Его предали, судили, распяли за наши грехи, похоронили, что Он воскрес из мертвых на третий день, и Его видели многие — в том числе Иаков, брат Иисуса, который до Воскресения не верил в Него.

Интересно, что Павел не упоминает о некоторых самых важных моментах, отраженных в Евангелиях, — например, о притчах и чудесах Иисуса, — но уделяет особое внимание Его искупительной смерти и Воскресению. На взгляд Павла, наиболее важно в Иисусе именно это — и именно это превратило самого Павла из гонителя христиан в величайшего христианского проповедника, готового претерпеть любые трудности и угнетения во имя веры.

Апостол Павел также подтверждает некоторые важные черты характера Иисуса — Его смирение, кротость, любовь к грешникам и так далее. Во второй главе Послания к Филиппийцам он призывает христиан мыслить подобно Христу. Это знаменитый текст, в котором Павел, возможно, цитирует раннехристианский гимн об уничижении Христа, Который был равен Богу, но принял облик человека, раба, и претерпел жестокую казнь — Распятие. Так что Послания Павла — важнейшее свидетельство божественности Христа. Павел называет Иисуса «Сыном Божиим» и «образом Божиим».

— И еще очень важно, — прервал я его, — что Павел, выходец из монотеистической иудейской среды, поклонялся Иисусу как Богу!

— Конечно, — сказал Ямаучи. — И это опровергает популярную теорию о том, что идея божественности Христа привнесена в христианство позже, из языческих верований. Это не так. Даже Павел на самой заре христианства поклоняется Иисусу как Богу. Должен сказать, что все подтверждения в посланиях Павла имеют огромное значение. Но мы располагаем и другими ранними посланиями, написанными Иаковом и Петром, которые лично видели Иисуса. Иаков, например, вспоминает Его Нагорную проповедь.

ВОИСТИНУ ВОССТАЛ ИЗ МЕРТВЫХ

До нас дошли и многочисленные сочинения «апостольских мужей» — раннехристианских авторов более поздних времен. Это послания Климента Римского,

Игнатия, Поликарпа, Варнавы и других. В этих текстах многократно подтверждается основная информация об Иисусе, в особенности о Его учении, Распятии, Воскресении и божественной природе.

— Какую из этих работ вы считаете наиболее значительной?

Ямаучи задумался. Он не назвал какое-то одно имя, но сослался на семь писем Игнатия, епископа из сирийского города Антиохии, погибшего смертью мученика в царствование императора Траяна, не поздней 117 года.

— В письмах Игнатия существенно то, — сказал Ямаучи, — что он подчеркивает богочеловеческую сущность Иисуса и выступает против докетической ереси, отрицавшей Его человеческую природу. Игнатий также подчеркивает, что христианство имеет историческую основу: в одном из посланий, написанных перед казнью, он утверждает, что Иисус действительно подвергся гонениям при Пилате, что Его действительно распяли, что Он воистину восстал из мертвых, и те, кто верует в Него, тоже воскреснут[39].

Свидетельства Иосифа Флавия, римских историков и чиновников, иудейские книги, послания Павла и апостольских мужей — все это вместе взятое убедительно подкрепляет все существенные факты, касающиеся Иисуса. И даже если бы у нас не было ни одной странички Евангелий, мы все равно получили бы необычайно яркое и объемное изображение Иисуса как Единородного Сына Божьего.

Я поднялся и поблагодарил профессора Ямаучи за бесценную помощь.

— Я знаю, мы не успели коснуться еще очень многого, ведь на эту тему написаны целые книги. Но я хотел бы задать вам еще один, последний вопрос. Личного характера, если вы не против.

Профессор тоже поднялся.

— Да, пожалуйста.

Я окинул взглядом его скромный кабинет, до предела набитый книгами и рукописями, статьями и журналами, компьютерными дисками и бумагами — атрибутами жизни, посвященной изучению минувших эпох.

— Вы сорок лет занимаетесь историческими и археологическими исследованиями древнего мира, — сказал я. — Как это отразилось на вашей собственной духовной жизни? Ваша личная вера в Иисуса Христа — окрепла она или же ослабела?

Он на миг опустил взгляд, а потом посмотрел прямо мне в лицо и сказал — искренне и твердо:

— Несомненно, эти исследования в огромной степени расширили и обогатили мою духовную жизнь. Благодаря им я лучше понял культуру и исторический контекст тех событий. Конечно же, остаются неразрешенные вопросы, и я это отлично понимаю; в земной жизни мы не способны обрести полное знание. Но это нисколько не подрывает мою веру в истинность Евангелий и всех других книг Нового Завета. А все попытки объяснить распространение христианства социологическими и психологическими причинами кажутся мне неубедительными, — он покачал головой. — Весьма неубедительными. — Он помолчал и добавил: — Исторические свидетельства только укрепили мою веру в то, что Иисус Христос — Сын Божий, что Он любит нас, что Он отдал жизнь за нас и восстал из мертвых. По-моему, это очевидно.

ИСТИНА, НЕСУЩАЯ СВОБОДУ

Я вышел из здания; вокруг шумело море студентов. Я протискивался сквозь толпу и думал о том, насколько плодотворной оказалась поездка в крошечный городок Оксфорд в штате Огайо. Я приехал сюда в поисках доказательств, подкрепляющих сведения об Иисусе, — и вот в моем распоряжении целая сокровищница

материалов, подтверждающих все важнейшие факты Его жизни, чудес, божественности, победы над смертью.

Конечно же, то, что я почерпнул из нашей краткой беседы, было лишь верхушкой айсберга. Я нес подмышкой книгу «Вердикт истории» (“The Verdict of History”), которую перечитывал, готовясь к встрече с профессором Ямаучи. В этой книге историк Гэри Хабермас (Gary Habermas) перечисляет тридцать девять древних документов, в которых он насчитал более сотни упоминаний о жизни, учении, Распятии и Воскресении Иисуса[40].

Более того, в двадцати четырех из этих документов, в том числе в семи светских источниках и в нескольких раннехристианских символах веры, затрагивается вопрос о божественной природе Иисуса. «Эти символы веры показывают, что церковь приняла доктрину о божественности Иисуса не поколение спустя, как твердят современные богословы, — эта доктрина была уже у первых христиан», — пишет Хабермас и приходит к выводу: «Эти символы веры возникли именно потому, что они адекватно отражают учение Иисуса»[41]. Что это, как не поразительное подкрепляющее доказательство самого важного утверждения самого великого Человека!

Я застегнул куртку и сел в машину. Обернувшись на прощание, я снова увидел в лучах октябрьского солнца надпись, которую заметил, въезжая в этот совершенно светский университетский городок: «Познай истину, и истина сделает тебя свободным».

Вопросы для размышления

1. Бывало ли так, что вы сомневались в какой-то истории, пока вам не приводили подкрепляющие доказательства? Находите ли вы в этом параллели с подкрепляющими доказательствами, которые привел профессор Ямаучи?
2. Какие из этих доказательств кажутся вам наиболее убедительными?
3. Древние источники свидетельствуют, что первые христиане не отказывались от своей веры даже под угрозой мучительной смерти. Как вы думаете, почему они так держались за свои убеждения?

На ту же тему

Bruce, F. F. Jesus and Christian Origins outside the New Testament. Grand Rapids: Eerdmans, 1974.

Habermas, Gary. The Historical Jesus. Joplin, Mo.: College Press, 1996.

McDowell, Josh, and Bill Wilson. He Walked among Us. Nashville: Nelson, 1994.

5. НАУЧНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА. *Подтверждает или опровергает археология жизнеописания Иисуса?*

В моем обеде с доктором Джеффри Макдональдом было что-то сюрреалистическое. Вот он сидит в конференц-зале здания суда Северной Каролины, беспечно уплетает сэндвич с тунцом и картофельные чипсы, отпускает легкомысленные за-

мечания и явно наслаждается жизнью, — а в соседней комнате отдыхают двенадцать присяжных. Они только что слушали свидетельские показания о том, как Макдональд зверски убил жену и двух малолетних дочерей.

Обеденный перерыв уже заканчивался, когда я не удержался и задал Макдональду вопрос, который напрашивался сам собою:

— Как вы можете вести себя так, словно ничего не случилось? — в моем голосе смешались изумление и негодование. — Неужели вас ни капли не заботит, что присяжные могут признать вас виновным?

— Эти? — Макдональд беспечно махнул рукой с недоеденным сэндвичем в сторону комнаты присяжных. — Они ни за что меня не осудят, — с усмешкой ответил он и, сообразив, насколько цинично прозвучали его слова, быстро добавил: — Потому что я невиновен.

Больше я его смеха не слышал. Через несколько дней Макдональда, бывшего десантника и врача неотложной помощи, признали виновным в нанесении колотых ран, которые привели к смерти его жены Колетт и дочерей — пятилетней Кимберли и двухлетней Кристины. Его приговорили к пожизненному заключению и увели из зала суда в наручниках.

Макдональд (историю которого мастерски изложил Джо Макгиннес в книге-бестселлере и телефильме «Роковое видение») самонадеянно полагал, что его алиби позволит избежать обвинения в убийстве.

Он сказал следователям, что среди ночи в дом ворвались обкуренные хиппи. Макдональду удалось отбиться, но его избили и порезали ножами до потери сознания. Очнувшись, он обнаружил, что вся его семья зверски убита.

Детективы сомневались в его показаниях с самого начала. В гостиной, где, по словам Макдональда, он спал, не было заметно следов схватки не на жизнь, а на смерть. Раны Макдональда оказались неглубокими. К тому же, он описал нападавших в мелких подробностях, хотя зрение у него плохое, а ночью он был без очков.

Но на одних сомнениях обвинение не построишь — нужны серьезные доказательства. Чтобы распутать клубок лжи в деле Макдональда и предъявить ему обвинение в убийствах, следователи обратились к науке.

В криминалистике используются различные научные методы исследования, от определения принадлежности ДНК до судебной антропологии и токсикологии. Макдональда отправили за тюремную решетку серологические анализы (исследования крови).

Следователям повезло в том смысле, что у всех членов семьи Макдональда были разные группы крови. Проанализировав расположение пятен крови в квартире, криминалисты сумели восстановить последовательность событий той жуткой ночи. Результаты полностью расходились с версией Макдональда.

Исследование мельчайших волокон голубой пижамы, разбросанных по дому, также подрывало алиби Макдональда. А осмотр его пижамы под микроскопом показал, что дыры в ней не могли быть проделаны ножом для колки льда, который был, по его словам, у нападавших. Одним словом, именно специалисты в белых халатах из лабораторий ФБР посадили Макдональда за решетку[42].

Научные исследования способны также определить, насколько точны новозаветные повествования об Иисусе. Конечно, серология и токсикология вряд ли прольют свет на интересующую нас тему, но другая научная дисциплина — археология — имеет прямое отношение к вопросу о достоверности Евангелий.

Археология, которую иногда называют «наукой, изучающей долговечный мусор», обнаруживает и исследует предметы материальной культуры, архитектурные сооружения, произведения искусства, монеты, памятники, документы и иные следы древних цивилизаций. Эксперты изучают эти реликвии, чтобы понять, например, как жили люди в дни, когда Иисус странствовал по пыльным дорогам древней Палестины.

Я знал, что из земли извлечены сотни археологических находок I века, и меня крайне интересовало: подтверждают они или развенчивают рассказы очевидцев об Иисусе? Однако мое любопытство смешивалось со скептицизмом: слишком часто христиане преувеличивали значение археологических доказательств. Не хотелось бы опять наткнуться на что-то в том же роде.

Именно поэтому я искал такого специалиста, который бы сам раскапывал древние руины Ближнего Востока, который имел бы энциклопедические познания в находках древности, который бы осознавал, что археологическая наука имеет свои пределы, и в то же время мог объяснить, что она сообщает нам о жизни в I веке.

Интервью четвертое: ДЖОН МАКРЭЙ, д-р философии

Многие ученые и студенты-археологи пользуются доскональным и беспристрастным 432-страничным учебником «Археология и Новый Завет». Автор этого фолианта — Джон Макрэй (John MacRay). Отдел художественных и развлекательных телепередач, заботясь о достоверности программы «Загадки Библии», приглашает консультантом опять-таки Макрэя. А когда журнал *"National Geographic"* ищет специалиста, способного разобраться в хитросплетениях библейского мира, то в пригороде Чикаго, в Уитонском колледже, звонит телефон в кабинете все того же доктора Макрэя.

Он учился в университете гебраистики, в Библейском и археологическом французском лицее в Иерусалиме, на факультете практического богословия университета Вандербилта и в Чикагском университете, где в 1967 году защитил докторскую диссертацию. Доктор Макрэй — профессор Уитонского колледжа, где уже более пятнадцати лет преподает Новый Завет и археологию. Его статьи можно найти в семнадцати энциклопедиях и словарях, его изыскания отражены в «Бюллетене Ближневосточного археологического общества» и других научных журналах, двадцать девять его научных работ представлены в различные профессиональные общества.

Доктор Макрэй был членом-корреспондентом и членом правления иерусалимского Института археологических исследований Олбрайта, членом правления Американской школы восточных исследований. Сейчас он –действительный член правления Ближневосточного археологического общества, член редколлегий изданий «Археология и библейский мир» и «Бюллетень библейских исследований», издаваемых Институтом библейских исследований.

Ему нравится преподавать и писать работы о древнем мире, но не меньше он любит археологические раскопки. Профессор Макрэй более восьми лет руководил экспедициями в Израиле, раскапывавшими Кесарию, Сепфорис и Иродиум. Он изучал римские археологические памятники Англии и Уэльса, исследовал раскопки в Греции, повторил маршруты многих путешествий апостола Павла.

Доктору Макрэю шестьдесят шесть, его волосы тронула седина, а стекла очков стали толще, но от него по-прежнему веет духом приключений. Над столом в его кабинете (и над кроватью в спальне тоже) висит подробная панорамная фотография Иерусалима. «Живу под сенью этого города», — говорит он мечтательно, показывая на фотографии места раскопок и важных археологических находок.

В его кабинете я уселся на уютный диванчик, какой чаще можно встретить на крыльце загородного дома, а Макрэй, в легкомысленной рубашке без ворота и поношенной — явно любимой — спортивной куртке, устроился за своим рабочим столом.

Желая узнать, не склонен ли он преувеличивать значение археологии, я начал с вопроса не совсем обычного: чего археология не может рассказать нам о достовер-

ности Нового Завета? Ведь, как пишет в своем учебнике сам Макрэй, даже если археологи установят, что города Мекка и Медина действительно существовали в западной Аравии VI — VII веков, это еще не доказывает, что там жил Мухаммед, и ничего не говорит об истинности Корана.

— Археологические данные ценны, и притом весьма, — начал он, растягивая слова в манере, свойственной уроженцу юго-восточной Оклахомы, — но конечно, она не в состоянии доказать, что Новый Завет есть Слово Божье. Если мы проводим раскопки в Израиле и находим древние поселения, местоположение которых согласуется с Библией, это говорит лишь о том, что библейские история и география верны, — но не о том, верно ли учение Иисуса Христа. Археология не может ни подтвердить, ни опровергнуть духовные истины. Он привел в пример историю Генриха Шлимана, который искал Трою, чтобы доказать истинность гомеровской «Илиады».

— Трою-то он нашел, — улыбнулся Макрэй, — но это не значит, что каждое слово в «Илиаде» — правда. Это значит лишь, что Гомер точно указал координаты города.

С пределами археологической науки я определился, и мне не терпелось узнать, что она может поведать нам о Новом Завете. Я решил начать с наблюдения, основанного на собственном опыте, — опыте судебного журналиста с юридическим образованием.

ДОКОПАТЬСЯ ДО ИСТИНЫ

Пытаясь определить, правду ли говорит свидетель, журналисты и юристы проверяют в его показаниях все, что только поддается проверке. И если обнаруживаются неточности в мелочах, это бросает подозрение на достоверность всей истории. Если же детали подтверждаются, то это дает основания — хотя, конечно, не стопроцентные — верить показаниям свидетеля в целом.

К примеру, рассказывая о поездке из Сент-Луиса в Чикаго, человек упоминает о том, что сделал остановку в Спрингфилде, штат Иллинойс, посмотрел фильм «Титаник» в кинотеатре «Одеон» и там же купил большой батончик «Кларк» со скидкой. Следователи могут проверить, есть ли в Спрингфилде такой кинотеатр, показывали ли в нем тогда этот фильм, продавались ли там конфеты именно такого сорта и размера именно в это время и именно по такой цене. Если результаты расследования противоречат словам свидетеля, это серьезно подрывает доверие к нему. Если же все сходится до мелочей, это, конечно, не означает, что все остальные показания верны, но повышает их достоверность.

В каком-то смысле так действуют и археологи. Они исходят из того, что если подтверждаются второстепенные детали из книги древнего историка, то повышается доверие к другим данным, которые проверить труднее.

— Скажите, мистер Макрэй, — начал я, — когда археология подтверждает детали Нового Завета, она тем самым укрепляет или подрывает веру в него?

— Разумеется, укрепляет, — без промедления ответил Макрэй. — Доверие к любому древнему документу лишь возрастает, когда археологи выясняют, что место или событие описано автором точно и подробно.

Он привел в пример Кесарию, древний город на средиземноморском побережье Израиля, где он участвовал в раскопках гавани Ирода Великого.

— Ученые долго не верили Иосифу Флавию, историку I века, что эта гавань была не меньше Пирея — главного порта Афин. Считалось, что это неверно, поскольку в наши дни бухта кажется совсем маленькой — камни выступают там над поверхностью воды. Но когда мы приступили к подводным раскопкам, выяснилось, что гавань была гораздо глубже, простиралась дальше, и ее общие размеры были вполне

сопоставимы с портом Пирея. Так что Флавий был совершенно прав. И это дает нам основания верить, что он знал, о чем говорит!

А авторы Нового Завета? Знали ли они, о чем говорят? Это я и надеялся выяснить.

ЛУКА КАК ИСТОРИК: ДОСТОИН ЛИ ОН ДОВЕРИЯ?

Лука, врач и историк, написал Евангелие, названное по его имени, и книгу Деяний Святых Апостолов, — то есть около четверти объема всего Нового Завета, — поэтому для нас крайне важен вопрос, можно ли ему доверять.

— Что же выяснили археологи о Луке? — спросил я. — Точен он был или небрежен?

— И либеральные, и консервативные исследователи, — ответил Макрэй, — сходятся в том, что Лука как историк был дотошен и скрупулезен. Он эрудирован, у него великолепный стиль, его греческий близок к классическим образцам, он писал как образованный человек. Археологические изыскания неизменно подтверждают точность Луки.

Кроме того, добавил он, было несколько случаев, подобных истории с гаванью в Кесарии: ученые считали, что Лука ошибается, но дальнейшие находки подтверждали его правоту.

Так, в Евангелии от Луки 3:1 говорится, что около 27 года тетрархом в Авилинее был Лисаний. Многие годы историки приводили эту информацию как пример того, что Лука не знает, о чем говорит: как известно, Лисаний был не тетрархом, а правителем Халкиды, причем на полстолетия раньше. Как же можно доверять Луке, говорили они, если он неверно изложил столь важный факт? Но затем в дело вмешалась археология.

— Была найдена надпись времен Тиберия, правившего с 14 по 37 год, где Лисаний именуется тетрархом Авилы (Авилинеи) близ Дамаска — именно так, как писал Лука. Оказалось, что имя Лисаний носили два правительственных чиновника! Так что Лука в очередной раз оказался прав.

Еще один пример — Деяния 17:6, где Лука упоминает о городских начальниках (политархах) города Фессалоники.

— Долгое время считалось, что Лука ошибается, поскольку ни в каких других древнеримских документах не было найдено упоминаний о «политархах», — рассказывал Макрэй. — Но потом археологи нашли на арке I века надпись, которая начиналась словами «Во время политархов...» Вы можете увидеть ее своими глазами в Британском музее. А потом — внимание! — археологи нашли более тридцати пяти надписей, в которых упоминались политархи, в том числе из Фессалоник того самого периода, о котором пишет Лука. Опять Лука оказался прав, а критики ошиблись!

Мне припомнилось одно возражение:

— Вот в Евангелии от Луки сказано, что Иисус излечил слепого по имени Вартимей по пути в Иерихон, — а у Марка говорится, что по пути из Иерихона[43]. Разве это не явное противоречие? Разве оно не подрывает веру в Новый Завет?

— Вовсе нет, — спокойно ответил Макрэй. — Это только кажется противоречием. Вы мыслите в современных категориях, по которым города строятся раз и навсегда, на одном и том же месте. Но в древности бывало и по-другому. Древний Иерихон находился по меньшей мере в четырех разных местах, отстоящих друг от друга на четверть мили, если не больше. Город разрушали, потом строили заново возле другого источника, новой дороги, или ближе к горе, или еще как-нибудь. И можно было идти от одного Иерихона к другому, как мы едем из одного пригорода Чикаго в другой.

— Так вы хотите сказать, что могут быть правы и Лука, и Марк?

— Именно. Иисус вполне мог идти из одного района Иерихона в другой.

И вновь археология подтверждает правоту Луки. А поскольку существенная часть Нового Завета написана именно им, то нам крайне важно знать, что Лука был чрезвычайно точен даже в мелочах. Один выдающийся археолог тщательно исследовал «географию Луки» — тридцать две страны, пятьдесят четыре города, девять островов — и не нашел ни одной ошибки[44].

Итак, вывод: «Если Лука столь скрупулезно относился даже к мельчайшим историческим деталям, то на каком основании мы должны предполагать, что он был неточен или легковерен, сообщая о вещах несравненно более важных, причем не только для него самого, но и для других?»[45] Например, о таких, как Воскресение Иисуса — важнейшее свидетельство Его божественности, подтверждаемое, по словам Луки, «многими верными доказательствами» (Деян. 1:3).

ДОСТОВЕРНОСТЬ ЕВАНГЕЛИЙ ОТ ИОАННА И ОТ МАРКА

Археология подтверждает, что Луке можно верить, — но ведь Новый Завет писал не только он. Мне было интересно узнать, что ученые говорят об Иоанне. Его Евангелие не раз ставили под сомнение, поскольку речь в нем шла о местах, расположение которых проверить невозможно. Некоторые ученые даже утверждали, что если у Иоанна не найти тех или иных подробностей, значит, он мало что знал о событиях жизни Иисуса. В последние годы, однако, этот вывод пришлось полностью пересмотреть.

— Появились находки, доказывающие, что Иоанн совершенно точен, — сообщил Макрэй. — Например, в пятой главе своего Евангелия (Иоан. 5:1 — 15) он рассказывает о том, как Иисус исцелил больного у купальни в Вифезде. Иоанн говорит, что в ней было пять крытых входов. Долгое время это считалось примером свойственной Иоанну небрежности, поскольку это место не было найдено. Но недавно купальню в Вифезде раскопали (она оказалась покрыта более чем десятиметровым слоем земли) — и у нее действительно оказалось пять портиков, то есть крытых галерей или входов с колоннами, как и описывал Иоанн. Да и другие открытия — купальня Силоам (Иоан. 9:7), колодец Иакова (Иоан. 4:12), возможное местонахождение каменной кладки возле ворот Яффо, где Иисус предстал перед Пилатом (Иоан. 19:13), даже идентификация личности самого Пилата — все это подтверждает историческую достоверность Евангелия от Иоанна.

— Говорят, что Евангелие от Иоанна не может быть точным, поскольку написано значительно позже жизни Иисуса. Выходит, это не так? — спросил я.

В ответ Макрэй фактически повторил рассказ Брюса Метцгера о том, как археологи нашли фрагмент восемнадцатой главы Евангелия от Иоанна, который ведущие специалисты датировали примерно 125 годом. Показав, что списки Евангелия от Иоанна существовали в столь давние времена и распространились вплоть до Египта, археологи успешно развенчали домыслы о том, что Евангелие от Иоанна было создано лишь во II веке.

Другие ученые выступили с нападками против Евангелия от Марка, которое считается первым из жизнеописаний Иисуса. Майкл Мартин, атеист, обвинил Марка в незнании географии Палестины. По его мнению, это означает, что Марк не жил в этих местах во времена Иисуса. В особенности Мартин подчеркивает стих 7:31: «Выйдя из пределов Тирских и Сидонских, Иисус опять пошел к морю Галилейскому через пределы Десятиградия». «Доказано, — пишет Мартин, — что если бы Иисус шел в этом направлении, он бы как раз удалялся от Галилейского моря»[46].

Выслушав это, Макрэй нахмурился. Он достал с полки греческий текст Евангелия от Марка и целую кипу справочников и развернул огромную карту древней Палестины.

— Этот ваш критик рассуждает так, словно Иисус сел в свой лимузин и помчался по федеральному шоссе, — сказал он.

Основываясь на тексте оригинала, учитывая гористый рельеф и вероятное расположение дорог в регионе, а также размытость понятия «Десятиградия» (оно относилось к союзу десяти городов, состав которого менялся с течением времени), Макрэй проложил на карте наиболее вероятный маршрут — и этот маршрут точно совпал с описанием Марка!

— Если верно учитывать контекст, — заключил он, — то сведения Марка не вызывают сомнений.

И вновь археологические данные помогли разобраться с мнимым камнем преткновения в Новом Завете. Тогда я спросил Макрэя, встречались ли ему археологические находки, вопиюще противоречащие новозаветной информации.

Макрэй покачал головой.

— Археология не обнаружила ничего, что явно противоречило бы Библии, — уверенно ответил он. — Напротив, как мы видели, ученые-атеисты часто настаивали на «фактах», не выдержавших столкновения с археологическими находками.

Но у меня оставалось еще несколько нерешенных вопросов. Я раскрыл свои записи, чтобы загадать Макрэю три давнишние загадки. Мне казалось, что археологам они окажутся не по зубам.

Загадка номер один: ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ

В рассказах о рождестве Иисуса говорится, что Мария и Иосиф должны были вернуться в родной город Иосифа Вифлеем для участия в переписи.

— Вы меня простите, но я скажу прямо: по-моему, это бессмыслица, — сказал я. — Как правительство могло заставить всех жителей вернуться в родные места? Есть ли хоть какие-то археологические доказательства, что подобная перепись вообще происходила?

Макрэй спокойно взял с полки книгу собственного авторства.

— Вообще-то, были найдены древние «бланки», которые проливают свет на порядок проведения переписи, — сказал он, перелистывая страницы. Найдя то, что искал, он зачел вслух выдержку из правительственного указа 104 года:

«Гай Вибиус Максимус, префект Египта [говорит]: видя, что пришло время для проведения подомовой переписи, следует принудить тех, кто по какой-либо причине проживает вне своих провинций, вернуться в свои дома, чтобы подвергнуться переписи населения в обычном порядке и позаботиться об обработке своих земельных наделов»[47].

— Как видите, — сказал он, закрывая книгу, — из этого документа следует, что перепись действительно проводилась, хотя порядок ее проведения может показаться вам странным. А в другом папирусе, датируемом 48 г., указано, что в переписи должна участвовать вся семья.

Однако для меня вопрос не был исчерпан. У Луки сказано, что перепись, из-за которой Иосифу и Марии пришлось идти в Вифлеем, проводилась «в правление Квириния Сириею» во времена Ирода Великого.

— Тут возникает серьезная проблема, — указал я, — потому что Ирод умер в четвертом году до Рождества Христова, а Квириний стал правителем Сирии лишь в шестом году от Рождества Христова, и вскоре после этого провел перепись. Так

что разрыв получается большой. Как, по-вашему, преодолеть столь серьезное расхождение?

Я поднял вопрос, над которым археологи бились многие годы. Вот что ответил мне Макрэй:

— Замечательный археолог Джерри Вардаман (Jerry Vardaman) проделал большую работу в этом отношении. Он нашел монету с именем Квириния, написанным очень мелкими буквами, — мы называем такие надписи «микрографией». Отсюда следует что Квириний был проконсулом Сирии и Киликии с 11 года до Рождества Христова и оставался им еще некоторое время после смерти Ирода.

— И что это значит? — озадаченно спросил я.

— Это значит, что Квириниев, по всей видимости, было двое, — ответил Макрэй. — Римляне с одинаковыми именами встречались не так уж редко, поэтому тут нет ничего удивительного. Перепись производилась во время правления первого Квириния. А поскольку переписи проводились каждые четырнадцать лет, то все сходится.

Эти умозрительные построения не вполне меня убедили, но я решил поразмыслить над ними позже. В дальнейшем я выяснил, что сэр Уильям Рэмсей, покойный археолог, профессор сразу и Оксфордского, и Кембриджского университетов, выдвинул в свое время сходную теорию. Исследуя различные надписи, он пришел к выводу, что Квириний был один, но правил Сирией дважды, в том числе и в период проведения переписи[48].

Другие ученые отмечали, что текст Евангелия от Луки можно было бы перевести и как «перепись проводилась до правления Квириния в Сирии», что тоже решает проблему[49].

Да, ответ на этот вопрос не настолько очевиден, как хотелось бы, но все же Макрэй и другие ученые предложили вполне правдоподобные объяснения. Теперь я мог с уверенностью заключить: Иисус действительно родился тогда, когда проводилась перепись населения, и в этот период от людей действительно требовалось вернуться в родной город, — что мне по сей день кажется странным!

Загадка номер два: А БЫЛ ЛИ НАЗАРЕТ?

Многим христианам и невдомек, что в свое время скептики уверяли: «Новый Завет учит, что Иисус рос в Назарете; но в то время никакого Назарета не было!»

В статье под названием «Где никогда не ступала нога Иисуса» *(“Where Jesus Never Walked”)* атеист Фрэнк Зиндлер (Frank Zindler) говорит, что Назарет не упоминается ни в Ветхом Завете, ни у апостола Павла, ни в Талмуде (где встречаются названия шестидесяти трех городов Галилеи), ни у Иосифа Флавия (перечислившего еще сорок пять городов и деревень Галилеи, включая Яфу, располагавшуюся в миле от территории современного Назарета). Ни один историк или географ вплоть до IV века не упоминает о Назарете[50]. Это название впервые появляется в еврейской литературе в стихотворении, написанном около VII века[51].

Такое отсутствие упоминаний выглядит весьма подозрительно, поэтому я напрямую спросил у Макрэя:

— Есть ли археологические доказательства, что в I веке Назарет существовал?

Вопрос этот не оказался для Макрэя неожиданностью.

— Доктор Джеймс Стрэндж (James Strange) из университета Южной Флориды, специалист в этой области, говорит, что Назарет был очень маленьким населенным пунктом, площадью около шестидесяти акров, и к началу I века в нем жило не больше 480 человек.

Но это был уже вывод, а я хотел доказательств.

— Откуда он это знает?

— Стрэндж отмечает, что в 70 году, когда пал Иерусалим, Храм был разрушен, и священники стали не нужны, поэтому их разослали в разные места, в том числе и на север, в Галилею. Археологи нашли список на арамейском языке, где перечислялись двадцать четыре переселенные семьи священников и указывалось, что одна из них была направлена в Назарет. Следовательно, этот город тогда уже существовал.

Кроме того, сказал Макрэй, в ходе археологических раскопок в окрестностях Назарета были найдены захоронения I века. Это позволяет очертить границы застройки, поскольку по иудейским законом нельзя было хоронить умерших непосредственно в черте города. В двух могилах были обнаружены предметы — керамические светильники, стеклянные сосуды и вазы — I, III и IV веков.

Макрэй раскрыл книгу знаменитого археолога Джека Финегана (Jack Finegan), выпущенную издательством Принстонского университета, и прочел вслух: «На основании захоронений… можно сделать вывод, что в римский период Назарет был сугубо иудейским поселением»[52].

Макрэй поднял взгляд на меня:

— Да, ученые спорили о местоположении некоторых объектов I века — например, где именно находится могила Иисуса, — но среди археологов никогда не было серьезных сомнений относительно расположения Назарета. Тому, кто сомневается в его существовании, можно предъявить огромное количество доказательств.

Это звучало убедительно. Даже всегда скептически настроенный Иэн Уилсон (Ian Wilson), говоря о дохристианских останках, найденных в 1955 году под Церковью Благовещения в современном Назарете, вынужден был признать: «Такие находки позволяют предположить, что Назарет мог существовать во времена Иисуса, хотя, несомненно, был совсем маленьким и незначительным поселением»[53].

Настолько незначительным, что становится понятным удивленное восклицание Нафанаила: «Из Назарета может ли быть что доброе?» (Иоан. 1:46).

Загадка третья: ИЗБИЕНИЕ МЛАДЕНЦЕВ В ВИФЛЕЕМЕ

Евангелие от Матфея рисует страшную картину: Ирод Великий, царь Иудеи, испуганный пророчеством о рождении младенца, который в будущем захватит его трон, посылает своих воинов убить всех вифлеемских детей в возрасте до двух лет. Иосиф, предупрежденный ангелом, вместе с Марией и Иисусом бежит в Египет. И только после смерти Ирода они возвращаются в Назарет. Вся эта история — исполнение трех древних пророчеств о Мессии *(см. Мат. 2:13 — 23)*.

Проблема в том, что у нас нет независимых подтверждений массовым убийствам. Об этом умалчивает Иосиф Флавий, молчат и другие древние историки; археология тоже хранит молчание. Ни надписей, ни документов — ничего.

— Но событие такого масштаба должен был отметить кто-то еще, кроме Матфея! — настаивал я. — А если история и археология молчат, то не логично ли предположить, что никакой резни в Вифлееме не было?

— Я понимаю ход ваших мыслей, — ответил Макрэй. — Случись что-либо подобное в наши дни, об этом бы трубили все телекомпании и газеты мира.

Еще как трубили бы! Я помню, как в 1997 и 1998 годах на нас обрушился поток новостей о набегах мусульманских экстремистов, которые вырезали в Алжире целые деревни, не щадя ни женщин, ни детей.

— А теперь, — сказал Макрэй, — представьте, что вы перенеслись в I век. Во-первых, Вифлеем был размером с тот же Назарет. Как вы думаете, сколько детей такого возраста было в деревне с пятью-шестью сотнями жителей? Не тысяча и даже не сотня. Во-вторых, Ирод Великий был кровожадным царем: он убивал даже своих кровных родственников, он казнил множество людей. Так что убийство нескольких

детей в Вифлееме вряд ли привлекло бы внимание в далеком Риме. И, в-третьих, тогда не было ни радио, ни газет, ни телевидения. Новости распространялись медленно, тем более из какой-то захолустной деревушки. Историкам было о чем писать и без этого.

— То есть такая история никого бы не заинтересовала? — недоверчиво переспросил я.

— Скорее всего. Во всяком случае, в те времена. Убивать каждого, кто покажется потенциально опасным, — это было в порядке вещей для такого безумца, как Ирод. Позже, в эпоху христианства, этот эпизод приобрел гораздо большее значение, но раньше — меня бы крайне удивило, если бы он вызвал большой отклик.

Мне, журналисту, приученному вынюхивать сенсации, живущему в эпоху высоких технологий и мгновенного распространения информации по всему миру, было очень трудно такое представить. Однако я знал, насколько кровавой была история древней Палестины, и разъяснения Макрэя казались мне вполне резонными.

У меня оставался всего один вопрос — один, но самый захватывающий.

ЗАГАДКА СВИТКОВ МЕРТВОГО МОРЯ

Несомненно, в археологии есть свое очарование. Древние захоронения, загадочные надписи, выбитые в камне или нацарапанные на папирусе, черепки керамики, потертые монеты — все это так заманчиво для исследователя! Однако мало находок возбуждало такой интерес, как свитки Мертвого моря — сотни манускриптов, написанных в период между 250 г. до Р. Х. и 68 г. и найденных в 1947 году в пещерах, в тридцати километрах на восток от Иерусалима. По всей видимости, иудейская секта ессеев спрятала эти свитки, прежде чем римляне разрушили их поселения.

Чего только не наворотили вокруг этих свитков! Некий Джон Марко Аллегро (John Marco Allegro), например, написал книжку, в которой утверждал, что христианство произошло от культа плодородия, адепты которого ели галлюциногенные грибы[54]! А специалист по папирусам О'Каллаган (Jose O'Callaghan) выдвинул более логичное, но не менее спорное утверждение, что один из фрагментов свитков — часть самого раннего списка Евангелия от Марка, которая была написана через 17 — 20 лет после смерти Иисуса. Впрочем, большинство ученых отнеслось к этой версии весьма недоверчиво[55].

В любом случае, невозможно говорить об археологии I века и не упомянуть свитки Мертвого моря.

— Говорится ли в них что-нибудь непосредственно об Иисусе? — спросил я Макрэя.

— Нет, Сам Иисус ни в одном из свитков не упоминается, — ответил он. — Эти документы в основном знакомят нас с жизнью и обычаями евреев тех времен. — Он достал какие-то бумаги и ткнул пальцем в статью, опубликованную в конце 1997 года. — Здесь приводится очень интересная информация о манускрипте 4Q521, которая проливает свет на то, Кем считал себя Иисус.

Это разожгло мой аппетит.

— Расскажите же, скорее!

Вот что рассказал мне Макрэй. Евангелие от Матфея повествует о том, как Иоанн Креститель, терзаемый сомнениями о сущности Иисуса, послал к Нему своих последователей с вопросом из вопросов: «Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого?» (Мат. 11:3). Иоанн Креститель напрямую спрашивал, действительно ли Иисус — долгожданный Мессия.

Столетиями христиане дивились загадочному ответу Иисуса. Он не сказал ни «да», ни «нет»; Он ответил так: «Пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат,

мертвые воскресают и нищие благовествуют» (Мат. 11:4 — 5). Иисус цитирует здесь 61-ую главу Книги Пророка Исаии, но по какой-то причине включает в нее слова «мертвые воскресают», которых в Ветхом Завете нет. Вот здесь и вступает в силу документ 4Q521! Этот небиблейский манускрипт из собрания свитков Мертвого моря, написанный на иврите, относится к III веку до Рождества Христова и включает в себя версию 61-ой главы Книги Пророка Исаии, где содержатся пропущенные слова «мертвые воскресают»!

— Крэг Эванс (Craig Evans), изучавший свитки, подчеркивает, что эта фраза из документа 4Q521 безусловно имеет мессианский смысл, — сказал Макрэй. — В ней говорится о чудесах, которые будет творить грядущий Мессия, когда небо и земля будут повиноваться Ему. И поэтому в ответе Иисуса нет ничего двусмысленного; ведь Иоанн Креститель тотчас же понял Его слова как прямое утверждение: Иисус есть Мессия.

Макрэй показал мне статью, в которой приведены слова Эванса: «Из документа 4Q521 становится понятно, что ссылка [Иисуса] на Книгу Пророка Исаии 61 носит мессианский характер. В сущности, Иисус говорит посланцам Иоанна, что Мессия уже творит Свои деяния. Это и есть ответ на вопрос [Иоанна]: *«Да, Он Тот, Который должен прийти»*[56].

Поразительно! Современная археология открыла смысл высказывания двухтысячелетней давности, в котором Иисус ясно дает понять, что Он — Помазанник Божий!

«В ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ НАДЕЖНЫЙ ИСТОЧНИК»

Археологические данные постоянно подтверждают правоту Нового Завета, тем самым свидетельствуя о его надежности, — особенно заметной в сопоставлении с Книгой Мормона, от которой археология не оставляет камня на камне.

Джозеф Смит, основатель мормонской церкви, декларировал, что его Книга Мормона — «самая верная из всех книг на земле».[57] Однако ее заявления о событиях, происходивших в прошлом на американском континенте, не находят археологического подтверждения.

Мне доводилось обращаться в Смитсоновский институт с запросом о том, существуют ли доказательства правоты мормонов. Ответ в самой недвусмысленной форме гласил, что археологи института «не видят прямой связи между археологией Нового Света и содержанием Книги Мормона».

Джон Энкерберг (John Ankerberg) и Джон Уэлдон (John Weldon) в своей книге на эту тему заключают: *«Иными словами, топонимы, на которые ссылается Книга Мормона, не обнаружены, ни одна личность, ни одно место, народ или имя, звучащие в Книге Мормона, не найдены; ни одного артефакта, ни одной рукописи, ни одной надписи… ни единого доказательства, что Книга Мормона — не миф и не выдумка»*[58].

С Новым Заветом дело обстоит совершенно иначе. Точка зрения профессора Макрэя перекликается с выводами многих других ученых, в том числе выдающегося австралийского археолога Клиффорда Уилсона (Clifford Wilson): «Зная факты, нельзя не заключить, что Новый Завет — в высшей степени надежный источник»[59].

Итак, Крэг Бломберг доказал мне, что тексты Нового Завета достойны доверия, Брюс Метцгер — что они дошли до нас неизменными, Эдвин Ямаучи — что они подтверждаются свидетельствами античных историков и разнообразными документами древности. Теперь, когда Джон Макрэй убедительно продемонстрировал свидетельства археологии в пользу Нового Завета, мне оставалось лишь согласиться со словами Уилсона. Мое следствие было еще далеко от завершения, но я знал, что под ногами у меня твердая почва.

Однако я знал и другое: есть именитые ученые, которые не согласны с этим выводом. На них ссылается журнал “Newsweek”, они дают интервью в вечерних новостях, где говорят о необходимости радикально переосмыслить личность Иисуса. Настало время разобраться в этой проблеме. Вот почему я направлялся в Миннесоту, на встречу с блестящим и бесстрашным ученым по имени Грегори Бойд.

Вопросы для размышления

1. В чем, на ваш взгляд, плюсы и минусы применения археологических данных для подтверждения Нового Завета?
2. Как выяснилось, Лука и другие авторы Нового Завета точно отражали второстепенные детали. Считаете ли вы, исходя из этого, что они были так же точны в более существенных вопросах? Объясните свою позицию.
3. Убеждает ли вас объяснение доктором Макрэем загадок переписи населения, древнего Назарета, избиения вифлеемских младенцев?
4. Расследуя «дело о Христе», вы ознакомились с показаниями очевидцев, документальными фактами, подкрепляющими доказательствами и научными свидетельствами. Теперь попытайтесь сделать собственные выводы. Как вы оцените достоверность Евангелий по десятибалльной шкале, где нулевой отметкой будет «не верю», а десятибалльной — «верю безоговорочно»? Обоснуйте свое решение.

На ту же тему

Finegan, Jack. The Archaeology of the New Testament. Princeton: Princeton Univ. Press, 1992.

McRay, John. Archaeology and the New Testament. Grand Rapids: Baker, 1991.

Thompson, J. A. The Bible and Archaeology. Grand Rapids: Eerdmans, 1975.

Yamauchi, Edwin. The Stones and the Scriptures. New York: J. B. Lippencott, 1972.

6. ОПРОВЕРГАЮЩИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА. *Иисус как историческая Личность и Иисус, в Которого верят христиане, — одно Лицо?*

В детективах про Перри Мейсона такое случается сплошь и рядом — но чтобы в реальной жизни! Когда свидетель преступления не стал давать показания против подсудимого и вместо этого признался в убийстве сам, зал замер в изумлении, а я, естественно, бросился строчить сенсационный репортаж в *“Chicago Tribune”*.

Подсудимый, Ричард Мосс, обвинялся в том, что в баре на северо-западе Чикаго застрелил девятнадцатилетнего местного жителя. Друг детства Мосса, Эд Пассери, давал свидетельские показания о ссоре, которая привела к убийству. Он живописал сцену, разыгравшуюся в пабе «Ржавый гвоздь». Защитник спросил, что произошло с жертвой дальше. Пассери, не моргнув глазом, ответил: «Он ударил меня ножницами — и я выстрелил в него».

Судебный протоколист разинул рот, прокуроры всплеснули руками, судья немедленно приостановил слушание, чтобы предупредить Пассери о его конституционном праве не давать показания против себя. А затем и подсудимый подтвердил: да, это преступление совершил Пассери.

— Признание Пассери — мужественный шаг! — заявил адвокат.

Но обвинители вовсе не были в этом уверены.

— Где тут мужество? — спросил один из них. — Пассери прекрасно знает, что ему не грозит судебное преследование, поскольку единственное наше свидетельство указывает на Ричарда Мосса!

Обвинители по-прежнему не сомневались в виновности Мосса. Они понимали, что теперь им придется предъявить веские доказательства, оспаривающие заявление Пассери. Говоря юридическим языком, им требовались «опровергающие доказательства», которые «демонстрируют несостоятельность свидетельских показаний»[60].

На следующий день обвинение допросило трех других свидетелей, которые подтвердили, что стрелял именно Мосс. На основании этих и других свидетельств, присяжные, разумеется, признали Мосса виновным[61].

Обвинение совершенно справедливо усомнилось в голословном заявлении Пассери. Он явно хотел помочь другу, в то время как доказательства недвусмысленно указывали на виновность последнего.

«СЕМИНАР ИИСУСА»: ЕСТЬ ЛИ ОПРОВЕРЖЕНИЯ?

Но какое отношение имеют опровергающие доказательства к моему следствию о Христе?

Я побеседовал с выдающимися специалистами, получил от них убедительные свидетельства. Теперь мне было необходимо изучить диаметрально противоположную позицию небольшой группы ученых, чьи имена то и дело мелькают в заголовках новостей.

Вам наверняка попадались на глаза статьи о них. В последние годы средства массовой информации много и восторженно говорят о «Семинаре Иисуса». Это — совсем небольшая и не слишком влиятельная группа исследователей Нового Завета, но интерес к ней в прессе непропорционально высок. Журналистов не в последнюю очередь привлекла необычная процедура голосования: обсуждая, действительно ли Иисус говорил то, что написано в Новом Завете, участники «Семинара Иисуса» голосовали цветными бусинками. Красная бусина означает, что Иисус несомненно сказал именно это; розовая — что это очень вероятно; серая означает, что Он произнес нечто близкое по смыслу; а черная — что Он вообще не говорил ничего подобного.

В результате они пришли к заключению, что Иисус не говорил 82% того, что приписывают ему Евангелия. Подлинными признаны всего 2% высказываний, остальные 16% считаются сомнительными[62]. Журналисты, охочие до сенсаций и не обладающие достаточными знаниями, чтобы оценить методику «Семинара», извели на эту историю море чернил.

Затем «Семинар Иисуса» выпустил «Пять Евангелий» — четыре канонических плюс спорное «Евангелие от Фомы», — где слова Иисуса были окрашены в разные цвета, в зависимости от вердикта «Семинара». Пролистайте эту книгу — и вы увидите сплошь черные страницы с редчайшими вкраплениями красного. Например, в молитве Господней «Семинар» признал за Иисусом лишь слова «Отче Наш».

Но все это — на поверхности, на уровне кричащих заголовков, а мне хотелось копнуть глубже и узнать, существуют ли доказательства, способные опровергнуть

громкие заявления «Семинара Иисуса». Основаны ли выводы «Семинара» на объективных научных исследованиях — или же они, как и злополучное утверждение Пассери, совершенно бездоказательны, хотя и продиктованы наилучшими побуждениями?

В поисках ответов я проехал шесть часов до Сент-Пола, штат Миннесота, чтобы поговорить с доктором Грегори Бойдом (Gregory Boyd), высокообразованным профессором богословия, чьи книги и статьи противостоят «Семинару Иисуса».

Интервью пятое: ГРЕГОРИ А. БОЙД, д-р философии

Первое столкновение Бойда с «Семинаром» произошло в 1996 году, когда он камня на камне не оставил от либеральных взглядов на Иисуса. Его критический труд назывался «Циничный мудрец или Сын Божий? Возвращение к истинному Иисусу в эпоху ревизионизма» *("Cynic Sage or Son of God? Recovering the Real Jesus in an Age of Revisionist Replies")*. Читатели журнала "Christianity Today" назвали этот 416-страничный том, снабженный обширным справочным аппаратом, одной из лучших книг года. Известная книга Бойда «Осажденный Иисус» *("Jesus under Siege")* развивает те же темы на более популярном уровне.

В числе других книг Бойда — удостоенные премии «Письма скептика» *("Letters from a Skeptic")*, где он и его отец, тогда еще неверующий, обсуждают сложнейшие вопросы христианства (в результате отец становится убежденным христианином), а также «Бог воюющий: Библия и духовная борьба» *("God at War: The Bible and Spiritual Conflict")*. Когда создавалось особое издание Библии для людей, задающихся интеллектуальными вопросами о христианской вере, Бойд был приглашен научным консультантом.

Получив диплом бакалавра в университете штата Миннесота по специальности «философия», Бойд с отличием окончил факультет практического богословия Йельского университета и стал магистром, а затем блестяще защитил докторскую диссертацию в Принстонской богословской семинарии.

При этом он вовсе не похож на стандартный тип высоколобого интеллектуала. Крепкий, жилистый, с волнистыми черными волосами и кривоватой улыбкой, Бойд напоминает скорее комика, играющего роль ученого, — и, как положено комику, фонтанирует энергией. Он говорит без умолку, с головокружительной скоростью «разбирая по косточкам» сложнейшие теории и богословские концепции, он ерзает, он жестикулирует, он подпрыгивает на стуле. Рубашка у него выбилась из-под брюк, по кабинету раскидано несметное множество бумаг, книги грудами высятся на полу — Бойд ничего этого не замечает. Он слишком занят: он размышляет, полемизирует, оспаривает, интересуется, мечтает, обдумывает, сочиняет — и осуществляет один проект за другим.

Одной научной деятельности Бойду мало: он не только профессор богословия в Вефиль-колледже, но еще и пастор в церкви Вудланд-Хиллз, где в результате его вдохновенных проповедей число прихожан выросло с сорока двух в 1992 году до двух с половиной тысяч на сегодняшний день. Постоянное общение с прихожанами не дает ему слишком отдаляться от реальности.

Он вступает в дискуссии с атеистами — просто ради интереса. Он вел дебаты с покойным Гордоном Стайном на тему «Существует ли Бог?» Он дискутировал с разуверившимся пастором Дэном Баркером о том, восстал ли Иисус из мертвых. А в программе, спонсируемой исламским центром Миннесоты, Бойд вел с мусульманами спор о триедином Боге. Живой и гибкий ум, сообразительность, чуткость к собеседнику, энциклопедические познания в библеистике и философии — все это делает его грозным противником.

Более того, в нем как ни в ком другом из знакомых мне людей сочетаются научные и популярные знания. Он может начать с обсуждения нового фильма, а закончить заоблачной ссылкой на сложнейшую философскую головоломку. Он читает комиксы и смотрит мультфильмы так же увлеченно, как пишет книгу «Троица и развитие: критическая оценка и реконструкция биполярного деизма Хартсхорна по направлению к метафизике Троицы».

Легкий, несерьезный стиль Бойда (вы знаете ученого-библеиста, который бы употреблял такие слова, как «бредятина» или «спятить»?) помог мне быстро освоиться в его кабинете, и я почувствовал, что мой собеседник рвется в бой.

«УЛЬТРАЛЕВЫЕ РАДИКАЛЫ»

Я решил начать с точки зрения среднестатистического потребителя новостей.

— Человек открывает газету или журнал, читает о «Семинаре Иисуса» и приходит к выводу, что в научном мире утвердился именно такой взгляд на Новый Завет, — сказал я. — Но так ли это?

— Нет, — ответил Бойд с таким выражением лица, словно ненароком хлебнул какой-то кислятины. — Нет, конечно, это вовсе не так. Но вы правы — у читателя действительно создается такое впечатление.

Он покрутился в кресле, устроился поудобнее и приступил к рассказу.

— Когда в *"Time"* вышла первая большая статья о «Семинаре Иисуса», — начал он, — я как раз вел разговоры о христианстве с одним человеком, который был большой скептик от природы, да еще и увлекался идеями «Нью Эйдж». Один наш общий друг попал в больницу, я пришел его навестить, а там, в палате, уже сидел этот парень и читал *"Time"*. Увидев меня, он воскликнул: «Эй, Грег! Похоже, ученые думают не так, как ты!» — и бросил мне журнал. — Бойд грустно и недоуменно покачал головой. — Знаете, после той статьи у парня были все основания не принимать меня всерьез. Он, конечно, знал, что я ученый, но из статьи-то вытекало, что эту точку зрения разделяет большинство ученых — ну, кроме разве что совсем спятивших фундаменталистов.

Я понимал его чувства — слишком многие мои знакомые ставили знак равенства между «Семинаром Иисуса» и библеистикой в целом.

— Вы считаете, что у вашего приятеля такое впечатление возникло случайно?

— Да ну, какое там «случайно»! «Семинар Иисуса» нарочно пытается создать это впечатление, — ответил Бойд. — Кстати, это раздражает не только евангельских христиан, но и ученых вообще. Посмотрите на книжку «Пять Евангелий» — они говорят там о «семи столпах учености», как будто стать настоящим ученым можно, только следуя их методике. Но множество специалистов в самых разных областях имеет серьезные претензии против этих «столпов». И еще «Семинар Иисуса» называет свой перевод Библии «научным» — что это значит? Что остальные переводы не научны? — Он на мгновение умолк, а затем сразу взял быка за рога: — На самом деле, «Семинар Иисуса» — это жалкая горстка радикально настроенных ученых, занимающих ультралевую позицию в отношении Нового Завета. Они вовсе не представляют основное направление науки. И что самое смешное, на них самих лежит печать фундаментализма. Они говорят, что правы — и точка. Причем не исключено, что люди они довольно ограниченные. Впрочем, почему бы и нет? — добавил он со смешком. — Разнообразия ради!

В ПОИСКАХ «НАСТОЯЩЕГО» ИИСУСА

— Зато, — заметил я, — участники «Семинара Иисуса» очень настойчивы в достижении своих целей.

— Да уж. Они откровенно заявляют, что хотят спасти Библию от фундаментализма, а американцев — он «наивной» веры в библейского Иисуса. Они говорят, что нам нужен современный Иисус, Иисус сегодняшнего дня. Один из членов «Семинара» заявил, что традиционный Иисус не отвечает на вопросы экологического кризиса, ядерного кризиса, феминистического кризиса, — поэтому нам нужен новый образ Иисуса, или, как выразился еще один из них, «новая выдумка». Одна из их уловок состоит в том, что они обращаются напрямую к массам, а не к другим ученым. Они хотят вынести свое открытие из «башни слоновой кости» на рынок, чтобы повлиять на общественное мнение. А открыли они не что иное как «новую форму христианства».

Идея нового Иисуса, новой веры, нового христианства показалась мне занимательной.

— А какого Иисуса предлагает нам «Семинара»? — спросил я.

— В основном, они «открыли» то, что хотели открыть. Кто-то видит в Нем революционера, кто-то — религиозного фанатика, кто-то считает Его мечтателем, феминистом, поборником равноправия, подрывным элементом — разнообразия у них хватает. Но все они сходятся в одном: Иисус в первую очередь должен быть «естественным». Иными словами, что бы о Нем ни говорили, Иисус был таким же человеком, как вы или я. Может быть, Он был выдающимся человеком. Может быть, Он тронул наши сердца, как никто другой, но ничего сверхъестественного в Нем не было. Поэтому они утверждают, что Иисус — как, впрочем, и Его первые ученики — не считал Себя ни Богом, ни Мессией, и Его смерть не имела особого значения. Конечно, распятие — это было очень печально, и Его скорбящие последователи придумали себе в утешение сказку о чудесном Воскресении. Вот что они считают!

БЕСПРИСТРАСТНЫЙ ПОДХОД К ФАКТАМ

Я встал и подошел к книжной полке Грегори Бойда.

— Лично вы верите в Воскресение, — начал я. — Не слишком ли сильно повлияла эта вера на ваши взгляды? Вот участники «Семинара Иисуса» заявляют, что они, в отличие от людей глубоко верующих — таких, как вы, например, — не имеют богословских предубеждений и в поисках истины ведут себя беспристрастно.

Бойд повернулся в мою сторону.

— Да нет, на самом деле все обстоит совсем по-другому, — с досадой сказал он. — Предвзятости у членов «Семинара» ничуть не меньше, чем у евангельских христиан, — рискну сказать, даже больше. Они, как и все, кто занимается исследованиями, прибегают к умозрительным допущениям. Таких допущений у них целая обойма. Главное их допущение — которое, кстати сказать, очень трудно назвать непредвзятым, — состоит в том, что Евангелия в принципе, в общем и целом, доверия не заслуживают. Именно из этого «Семинар» исходит в своих изысканиях. Ну конечно, ведь в Евангелиях описаны чудеса — хождение по воде, воскрешение мертвых и так далее. Такого, говорят они, не бывает, такие события исторически неправдоподобны. Это типичный материалистический подход: у каждого явления в нашем мире имеется естественная причина.

— Но ведь на этом и основана человеческая жизнь, разве нет? — удивился я. — Или вы считаете, что всякому событию или явлению нужно искать сверхъестественное объяснение?

— Безусловно, незачем искать сверхъестественные объяснения, когда в них нет необходимости, — сказал Бойд. — Но эти ученые идут дальше — они заявляют, что этого не нужно делать вообще никогда. Они исходят из предположения, что все и всегда происходило в соответствии с их собственным опытом. Стало быть, если

они никогда не видели чудес, значит, чудес не бывает. Они изначально вычеркивают сверхъестественное, вот что они делают! А потом говорят: «Теперь давайте рассмотрим свидетельства об Иисусе». К каким выводам они могут после этого прийти?

— Хорошо, а как рассуждаете вы?

— Я признаю, что незачем искать сверхъестественные объяснения, пока не возникла такая необходимость. Сначала мы ищем естественные причины событий. Я всю жизнь так и делаю. Если дерево упало — возможно, его источили термиты. Мог ли его свалить ангел? Я не соглашусь с таким выводом, пока у меня не будет определенных доказательств. Но мы слишком мало знаем о Вселенной, чтобы утверждать: «Бог — если, конечно, Бог есть — не может войти в наш мир сверхъестественным путем». Это слишком самонадеянно. Это абстрактное умозаключение, не основанное на реальных событиях. Мне кажется, ученому необходимо хоть немного смирения. Тогда он сможет сказать: «Знаете что? Возможно, Иисус Христос восстал из мертвых. Возможно, Его ученики действительно видели то, о чем написали в Евангелиях». И нужно исследовать эту возможность, если иными способами объяснить факты не удалось. Вот в чем, на мой взгляд, заключается беспристрастность.

КРИТИКА КРИТЕРИЕВ

Утверждая, будто Иисус не говорил большую часть того, что ему приписано в Новом Завете, члены «Семинара» исходят из собственных предпосылок и собственных критериев. Вопрос в том, объективны ли эти критерии, — или они, как шулерские игральные кости, выпадают все время «нужной» стороной?

— С их предпосылками и критериями сплошные проблемы, — начал Бойд. — Например, «Семинар» исходит из допущения, что все высказывания Иисуса на самом деле вложены Ему в уста ранней церковью. Это допущение вытекает из их подозрительного отношения к Евангелиям, а оно, в свою очередь, зиждется на еще одном допущении: что чудес не бывает. В исторической науке существует презумпция невиновности. Считается, что историк должен сам доказывать, что то-то и то-то ложно или неправдоподобно, поскольку люди в общем и целом не склонны ко лжи. Без этой презумпции мы бы мало что узнали о древней истории. «Семинар Иисуса» вывернул это положение наизнанку: на их взгляд, это вы должны доказать, что те или иные слова принадлежат Иисусу, а уж потом на сцену выйдут они и развенчают ваши доказательства — исходя из своих весьма сомнительных критериев. Конечно, ученые имеют полное право выяснять, сказал ли Иисус ту или иную фразу. С этим я вполне согласен. Меня не устраивает вот какой ход мысли: «Иисус не удовлетворяет нашим критериям, значит, Он ничего этого говорить не мог».

Я почувствовал, что безнадежно заплутал в этом царстве логических конструкций, и мне, как глоток свежего воздуха, нужны конкретные примеры.

— Расскажите о каких-нибудь их критериях, — попросил я.

— Ну вот, к примеру, так называемый критерий двойного несходства, — начал Бойд. — То есть, они считают слова Иисуса верными, если эти слова не похожи на высказывания кого-нибудь из раввинов или отцов церкви. А иначе они заключают, что эти слова позаимствованы из иудейских или христианских источников. Очевидная проблема с этим критерием состоит в том, что Иисус был одновременно евреем и основателем христианства — что же удивительного, что Его слова звучат по-иудейски и по-христиански одновременно! И все же на основе критерия двойного несходства «Семинар» «забраковал» огромное количество высказываний Иисуса.

Еще есть «критерий множественного подтверждения»: можно верить, что высказывание действительно принадлежит Иисусу, только если оно встречается более

чем в одном источнике. Конечно, если текст найден в ряде независимых источников, ему больше веры. Но они-то доказывают обратное: если слова найдены только в одном источнике, то им верить нельзя!

В конце концов, большая часть древней истории строится на единичных источниках! И если источник в целом признан достоверным — а я готов доказать, что Евангелие можно считать таковым по целому ряду причин, — то он заслуживает доверия, даже если ему нет подтверждений из других источников.

Даже когда слова Иисуса повторяются в двух или даже трех Евангелиях, «Семинар» все равно считает, что они не соответствуют критерию множественного подтверждения. Евангелия от Марка, Матфея и Луки они считают одним источником, поскольку полагают, что Матфей и Лука пользовались Евангелием от Марка, — и не желают замечать, что все больше ученых выражают серьезные сомнения в этой теории. В общем, соответствовать критерию множественного подтверждения практически невозможно!

Бойд готов был продолжать, но я перебил его и сказал, что уже понял его главную мысль. Некорректные критерии, как и жульнические игральные кости, неизбежно поворачиваются «единственно нужной стороной».

ИИСУС–ЧУДОТВОРЕЦ

Один из подходов «Семинара» состоит в поиске параллелей между Иисусом и другими персонажами древней истории. Тем самым они пытаются доказать, что Его слова и дела не суть нечто уникальное, а сам Иисус — лишь один из многих.

— Что вы на это скажете? — спросил я. — Среди древнееврейских мудрецов были и такие, что изгоняли злых духов, вызывали молитвой дождь и так далее. Поэтому некоторые ученые говорят, что Иисус — всего лишь один из иудейских чудотворцев. Приемлемы ли, на ваш взгляд, подобные сравнения?

Тут я увидел Бойда-полемиста во всей красе. Он разбирал этот непростой вопрос по косточкам, не обращаясь к записям. Хорошо, что я взял с собой магнитофон, — застенографировать этот скорострельный ответ я бы ни за что не успел.

— Если присмотреться получше, то все параллели рассыпаются в прах, — начал он, по своей привычке быстро набирая скорость. — Во-первых, сверхъестественное было главным и определяющим в жизни Иисуса, что само по себе не имеет параллелей в еврейской истории.

Во-вторых, чудеса Иисуса, я бы сказал, радикальны. Тут не просто дождь, вызванный молитвой, — тут исцеление слепых, глухих, прокаженных, усмирение бури, преумножение рыб и хлебов, воскрешение из мертвых. Какие уж тут параллели!

В-третьих, величайшее отличие Иисуса состоит в том, что Он творил чудеса собственной властью. Именно Он сказал: «Если же Я перстом Божиим изгоняю бесов, то, конечно, достигло до вас Царствие Божие» — и сказал Он это о Себе. Иисус говорит: «Он помазал Меня отпустить измученных на свободу». Конечно, Он воздавал славу Богу-Отцу и благодарил Его, но никогда не просил что-то сделать — Он Сам вершил Свои деяния силою, данной Ему Богом-Отцом. И этому тоже нет аналогов в истории.

Все это полностью соответствует другим Его высказываниям о Себе: «дана Мне всякая власть на небе и на земле», «кто мне служит, того почтит Отец Мой», «небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут». Вы не найдете еврейского вероучителя, который сказал бы такое о себе.

— Ну, и каков же ваш вывод? — прервал я этот поток аргументов. Бойд рассмеялся.

— Любые параллели с еврейскими мудрецами-чудотворцами попросту притянуты за уши.

ИИСУС И ЗАГАДОЧНЫЙ АПОЛЛОНИЙ

Сообразив, что Бойд в полемическом задоре способен кого угодно заговорить до полусмерти, я решил перейти к вопросу посложнее: о видимых параллелях между Иисусом и одной исторической личностью — Аполлонием из Тианы.

— Вы знаете все свидетельства не хуже меня, — сказал я Бойду. — Речь идет о человеке, жившем в I веке, о котором говорят, что он исцелял людей и изгонял демонов, воскресил маленькую девочку, а после своей смерти являлся некоторым из своих последователей. Кое-кто тычет в это пальцем и восклицает: «Ага! Если вы собираетесь объявить историю Аполлония мифом, то почему нельзя сказать того же об Иисусе?»

Бойд слушал меня и кивал, показывая, что следит за ходом моей мысли.

— Вполне допускаю, что это звучит впечатляюще, — сказал он наконец. — Я впервые услышал об Аполлонии еще в колледже — и был потрясен. Но объективное историческое исследование показывает, что эта параллель не выдерживает критики.

Меня интересовали не обобщения, а подробности.

— Ну-же! — подтолкнул я. –Развенчайте эту теорию!

— Так вот. Во-первых, Филострат, биограф Аполлония, писал через полтора столетия после его смерти, а Евангелия были написаны еще при жизни людей, знавших Иисуса. Чем ближе к событию, тем меньше возможность того, что наслоится миф, вкрадется ошибка, подведет память.

Во-вторых, в нашем распоряжении имеются четыре Евангелия, подкрепленные писаниями Павла, и мы можем до определенной степени провести перекрестное сравнение с небиблейскими авторами — Иосифом Флавием и другими. В случае с Аполлонием мы имеем дело с единственным источником. Кроме того, Евангелия прошли стандартное испытание, с помощью которого определяют историческую достоверность, а об истории Аполлония мы этого сказать не можем.

В-третьих, Филострат писал эту биографию по поручению императрицы, последовательницы Аполлония, желавшей посвятить ему храм. Филострат был материально заинтересован в том, чтобы приукрасить историю и выдать императрице то, что она хотела. Евангелисты же, составляя жизнеописания Иисуса, не получали ничего, зато многое теряли, и у них напрочь отсутствовали скрытые мотивы — такие, например, как денежное вознаграждение.

В-четвертых, стиль Филострата существенно отличается от стиля Евангелий. Евангелисты писали глазами очевидцев, словно фиксируя события на кинопленку. У Филострата же то и дело встречаются отступления типа: «Говорят, что...» или «Некоторые утверждают, что эта девушка умерла; другие говорят, что она только лишь заболела». К чести Филострата, следует сказать, что он пишет отстраненно и не выдает желаемое за действительное.

И еще один очень важный момент. Филострат писал в начале III века в Каппадокии, где христианство уже в какой-то степени распространилось. Поэтому, если говорить о заимствованиях, то не христианских авторов у Филострата, а наоборот. Можно предположить, что приверженцы Аполлония воспринимали христиан как конкурентов и говорили: «Ах, так? Да наш Аполлоний делал все то же, что и ваш Иисус». Ну, как дети говорят: «Мой папа побьет твоего!»

И последнее — самое главное. Я готов допустить, что Аполлоний творил чудеса — или, как минимум, заставлял людей в это поверить. Но это ни в коей мере не подрывает ценности свидетельств об Иисусе.

ИИСУС И ЯЗЫЧЕСКИЕ РЕЛИГИИ

Ладно, сказал я себе, сделаем еще одну попытку. Поколениям студентов внушали, что жизнь Иисуса — лишь отражение древних религий, из которых пришли и истории об умирающих и воскресающих богах, и ритуалы крещения и причастия.

— Что вы можете сказать об этих параллелях? — спросил я.

— Эта теория была очень популярна в начале XX века, но к нашему времени она вышла из употребления, поскольку полностью себя дискредитировала. Во-первых, если учитывать фактор времени, то заимствования могли идти из христианства в эти религии, а не наоборот. Во-вторых, эти религии развивались по принципу «бери что хочешь» и свободно заимствовали идеи из всевозможных источников. Иудеи же строго защищали свою веру от внешних влияний. Они считали себя особым народом и жестко отвергали языческие идеи и ритуалы.

Меня особенно интересовала идея аналогии с мифами об умирающих и воскресающих богах.

— Разве они не похожи на христианство? — спросил я.

— Во многих языческих религиях действительно существуют такие верования, но они всегда вращаются вокруг жизненного цикла смерти и рождения, — ответил Бойд. — Осенью растения умирают, весной возрождаются. И люди, в изумлении и восхищаясь этим непрерывным чудом, сочиняли истории об умирающих и оживающих богах. Эти истории обычно принимали форму сказок: «Когда-то, давным-давно...» Сравните это с жизнеописаниями Иисуса Христа! Евангелия повествуют о реальном Человеке, ходившем по земле всего несколько десятилетий назад, называют имена: распят при Понтии Пилате, когда первосвященником был Каиафа, а Симон из Киринеи, отец Александра и Руфа, нес крест — и так далее. Это конкретный исторический документ! Никакого сходства со сказками и мифами.

У христианства нет ничего общего с культом урожая или идеей вечного круговорота жизни. Оно вытекает из иудаизма, из веры в воскресение мертвых, вечную жизнь и воссоединение с Богом. В языческих религиях ничего подобного нет. Что же касается той идеи, что новозаветные доктрины крещения и причастия уходят корнями в язычество, — это полная чушь. Во-первых, свидетельства об этих якобы параллелях появляются только после II века, так что, опять-таки, можно вести речь только о заимствованиях из христианства, а не наоборот. А во-вторых, если присмотреться внимательней, то всякое подобие исчезает. Например, при посвящении жрецов Митры — древнеиранского бога Солнца — закалывали быка, и на посвящаемого лилась бычья кровь, падали внутренности; потом он ел этого быка вместе с остальными. Невозможно предположить, чтобы иудеи увидели что-либо привлекательное в подобных варварских обрядах и пожелали сконструировать на их основе таинства крещения и причастия. Большинство ученых отвергает эту гипотезу.

ТАЙНЫЕ ЕВАНГЕЛИЯ И ГОВОРЯЩИЕ КРЕСТЫ

Пусть в кабинете Бойда царит хаос, зато ум у него острый и методичный. Проведенный им анализ мнимых параллелей не оставлял места для сомнений. Тогда я перешел к другой теме, тоже весьма нашумевшей. Пресса то и дело трубит о «новых открытиях», которым участники «Семинара Иисуса» посвящают целые книги.

— В популярной периодике постоянно пишут о «Евангелии от Фомы», «Тайном Евангелии от Марка», «Евангелии Креста», источнике «Q». Правда ли, что это — сенсационные открытия, способные перевернуть наши представления об Иисусе?

— Нет, — удрученно вздохнул Бойд, — никакие это не открытия, и ничего нового об Иисусе они нам не говорят. «Евангелие от Фомы» обнаружено давным-давно, но

только сейчас им воспользовались для того, чтобы создать альтернативный образ Иисуса. Может быть, новы какие-то гипотезы о «Евангелии от Фомы» — но не оно само. Что же касается «Q», так это вообще не открытие, а теория, которой уже полтора века. Она пытается объяснить совпадения в Евангелиях от Луки и от Матфея. Если тут и есть что-то новое, то разве что методы, какими ученые «левого крыла» нещадно кромсают этот «Q» на кусочки в надежде найти подтверждение своим предвзятым выводам.

Я знал, что Джон Доминик Кроссан (John Dominic Crossan) — самый, пожалуй, влиятельный представитель «Семинара Иисуса» — сделал ряд весьма претенциозных заявлений по поводу так называемого «Тайного Евангелия от Марка». Он предположил, что это — полный, доцензурный текст Евангелия от Марка, содержащий тайные сведения для посвященных[63]. Тут же нашлись люди, нашедшие в этом тексте «доказательства» самых вздорных идей — что Иисус был колдуном, что многие первые христиане были гомосексуалистами и так далее. Конечно же, эта детективная версия разожгла воображение журналистов.

— А какие есть свидетельства в ее пользу? — спросил я.

— Никаких, — не раздумывая, отрезал Бойд.

Он явно не видел необходимости расшифровывать свой ответ, но я все же спросил, что он имеет в виду.

— Да нет никакого «Тайного Евангелия от Марка», — ответил он. — Просто некий ученый отыскал цитату из Климента Александрийского (это конец II века), которая якобы была из этого «Евангелия». А потом, неким таинственным образом, даже это свидетельство исчезло, словно испарилось! У нас нет ни «Евангелия», ни цитаты из него — и даже если бы цитата была, это все равно не давало было никаких оснований утверждать, что в ней заключена достоверная информация об Иисусе как реальном историческом лице, или о том, что о Нем думали первые христиане. В придачу ко всему, известно, что Климент с легкостью принимал на веру разнообразные фальсификации. Так что «Тайное Евангелие от Марка» — несуществующая работа, процитированная в несуществующем тексте автора, известного своей легковерностью. Подавляющее большинство ученых не верит всему этому ни на грош. Но к сожалению, мнение меньшинства широко освещается в средствах массовой информации. Прессе подавай сенсации!

— Кроссан высоко ставит и так называемое «Евангелие Креста». Что вы скажете о нем? — спросил я.

— Большинство ученых не считает этот текст достойным доверия, поскольку в нем содержится явный вымысел. Вот вам пример: Иисус выходит из гробницы огромным, Он достает головой до небес, а из гробницы появляется говорящий крест! В четырех Евангелиях явно больше здравого смысла, поэтому к ним мы относимся с большим доверием. «Евангелие Креста» сильно напоминает поздние апокрифические писания. Оно наверняка написано позже, чем Евангелия, так как обусловлено библейским материалом.

Участники «Семинара Иисуса, в отличие от подавляющего большинства ученых-библеистов, придают чрезвычайно большое значение «Евангелию от Фомы», поднимая его до уровня четырех канонических Евангелий. Доктор Брюс Метцгер раскритиковал эту, на его взгляд, ничем не обоснованную позицию. Теперь меня интересовало мнение Бойда.

— Интересно, почему же «Евангелие от Фомы» не заслуживает такой чести?

— Специалисты сходятся в том, что на это Евангелие большое влияние оказал гностицизм — религиозное движение II — IV веков. Гностики предполагали, что существует некое тайное знание, прозрение или откровение, дающее людям ключ к разгадке секретов Вселенной. Считалось, что спасение дается знанием — «гносис» по-гречески означает «знание». Поэтому большинство ученых датирует «Евангелие от Фомы» серединой II века, где оно вполне вписывается в культурную

атмосферу. Вот вам пример. Иисусу приписываются такие слова: «Женщина, превращающая себя в мужа, войдет в Царствие Небесное». Это противоречит известному нам отношению Иисуса к женщинам, но вполне соответствует гностическому образу мысли. Однако «Семинар Иисуса» произвольно толкует некоторые места «Евангелия от Фомы» и утверждает, что этот текст отражает взгляды на Иисуса, сложившиеся раньше, чем были написаны канонические Евангелия. Поскольку ни в одном из этих пассажей Иисус не произносит экзальтированных самовосхвалений и не совершает чудес, они приходят к выводу, что вначале Его воспринимали лишь как великого учителя. Но это неверный вывод, типичный порочный круг! Ведь «Семинар» потому и ухватился именно за эти отрывки, что они подтверждают его заранее сложившееся мнение! А истина такова: у нас нет никаких причин ставить Евангелие от Фомы II века выше новозаветных Евангелий I века.

ИСТОРИЯ ИЛИ ВЕРА?

Иисус как историческая личность — и Иисус, в которого верят христиане. «Семинар Иисуса» видит между ними глубокую пропасть. На их взгляд, реальный Иисус был яркой личностью, мудрецом, остроумцем и вольнодумцем, но никогда не провозглашал себя Сыном Божьим. Для верующих же Иисус есть средоточие заповедей, который помогают человеку жить правильно; но по большому счету, это обман, выдача желаемого за действительное.

— Нет никакой пропасти между Иисусом историческим и Иисусом, в Которого верят христиане, — сказал Бойд, когда я затронул этот вопрос. — Люди сами создают эту пропасть, отказываясь верить, что Его учение имеет божественное происхождение и примиряет человека с Богом. Вообще, «Семинар» определяет веру в Иисуса так: существуют некие религиозные символы, весьма значимые для человека, — божественность Иисуса, распятие, жертвенная любовь, Воскресение из мертвых. Человек может и не верить во все это, но эти символы все равно побуждают жить правильно, преодолевать экзистенциальный страх смерти, развивать свой внутренний потенциал, возрождать надежду в пучине отчаяния, и много всякого другого вздора... — Бойд передернул плечами. — Извините. Просто я столько раз слышал эту бредятину, у меня от нее уже оскомина. Так вот, эти либеральные деятели утверждают, что исторические исследования не имеют отношения к Иисусу как Богу христиан, поскольку Он — всего лишь символ. Но вот что я вам скажу: Иисус может быть символом чего бы то ни было только в том случае, если Он — историческая Личность. В Никейском символе веры не сказано: «Ах, как бы нам хотелось верить, что все это так и было на самом деле!» Там сказано, что Иисус Христос был распят при Понтии Пилате и воскрес на третий день; именно из этих исторических фактов и проистекает христианство. Богословская истина опирается на истину историческую. Так построен и Новый Завет. Почитайте проповедь апостола Петра во второй главе Деяний Святых Апостолов. Петр говорит: «Вы, ребята, свидетели всех этих событий, ведь творились они не в тайне. Давид умер, и мы знаем его могилу, — а Иисус воскрешен Богом из мертвых. Поэтому мы провозглашаем Его Сыном Божьим». Если чудес не бывает, то не было и Воскресения; что же тогда остается от христианства? Апостол Павел сказал, что если Иисус не воскресал из мертвых, то наша вера тщетна, бесполезна и пуста.

Бойд на миг прервался. Из голоса его ушла проповедническая нотка. Передо мной был просто человек, излагавший свои убеждения.

— Я не хочу строить свою жизнь на символе, — решительно сказал он. — Мне нужна реальность. И подлинно христианская вера всегда опиралась на реальность, в отличие от веры либеральных ученых. Это они, а вовсе не христиане, строят замки на песке.

СПЛАВ ИСТОРИИ И ВЕРЫ

Мы долго говорили об Иисусе, каким представляют Его себе участники «Семинара», — о символическом Иисусе, не способном предложить миру ничего, кроме призрачной надежды. Но, прежде чем попрощаться, я хотел услышать об Иисусе Грегори Бойда. Я хотел убедиться, что Иисус, Чью жизнь изучает Бойд, о Ком он пишет научные труды, о Ком рассказывает на занятиях по богословию, — это тот же Иисус, Которого он проповедует в своей церкви на воскресных богослужениях.

— Хочу удостовериться, что правильно вас понял, — сказал я. — Ваш Иисус — тот Иисус, о Котором вы говорите, — это и Бог, и историческая личность одновременно?

Бойд вскинул сжатый кулак, словно я только что забил гол.

— В самое яблочко, Ли! — воскликнул он и, сдвинувшись на краешек стула, принялся излагать мне выводы, к каким привели его наука и вера.

— Когда любишь человека, твоя любовь вырастает из того, что ты знаешь о нем, то есть из фактов. Например, ты любишь свою жену, потому что она замечательная, красивая, славная, милая женщина. Все это — факты. Но любовь больше фактов. Ведь ты можешь знать все достоинства жены, но не любить ее и не доверять ей, — однако ты любишь и доверяешь. Твоя любовь выше и больше фактов, но все-таки основана на них.

То же и с любовью к Иисусу. Любовь ко Христу превыше знания исторических фактов о нем, но она на них основана. Моя вера в Иисуса построена на исторических свидетельствах, но мои отношения с Ним выходят далеко за пределы этих свидетельств. Ведь я верю в Него сегодня, я общаюсь с Ним каждый день.

— Но, согласитесь, — прервал его я, — многому из того, что христианство говорит об Иисусе, попросту трудно поверить!

— Согласен, — ответил Бойд. — Поэтому я рад, что у нас есть такие веские доказательства. Для меня все ясно: нет никакой пропасти, никакого разрыва. Есть бесспорные доказательства, что Иисус именно Тот, Кем называли Его ученики. Есть доказательства Его чудес, Его Воскресения, Его истины. Вот между этими доказательствами и домыслами ультралевых из «Семинара Иисуса» действительно раскинулась пропасть в тысячи световых лет! Да чем они, собственно, располагают? Куцые ссылки на некое утерянное «тайное евангелие» в письме конца II века, которое, увы, видел лишь один человек, а потом потерялось и само письмо. Еще текст о Распятии и Воскресении с говорящим крестом в главной роли, относящийся к III веку, и лишь горстка ученых считает его более древним, чем Евангелия. Что еще? Документ II века, явно гностического характера, цитаты из которого некоторые ученые произвольно относят к более раннему периоду. И еще некий гипотетический текст, построенный на весьма шатких допущениях, к тому же из-за порочного круга в доказательстве ценность его практически сведена к нулю.

Бойд качнулся на своем вертящемся стуле.

— Нет уж, простите великодушно, — покачал он головой. — Не беру. Не верю я «Семинару Иисуса». Верить Евангелиям куда логичней — они-то с блеском прошли проверку на историческую точность!

ХОР КРИТИКОВ

Вернувшись в мотель, я заново прокрутил в памяти интервью с Бойдом и согласился с ним: если Иисус веры и Иисус истории — не одно лицо, если вера не опирается на историю, если божественная природа Иисуса не доказана фактом Воскресения, то Иисус — не всемогущий Бог, а всего лишь символ, который люди придумали, чтобы облегчить себе жизнь, нечто вроде Санта-Клауса.

Однако Он никакой не символ, и тому есть надежные доказательства. Я уже ознакомился со свидетельствами очевидцев, с документальными, подкрепляющими и научными доказательствами. Все они подтверждали новозаветную весть о том, что Иисус — Бог во плоти. Я готов был продолжать расследование; мне не терпелось отправиться на поиски новых исторических документов, повествующих о Нем и Его Воскресении.

Я знал, что Грег Бойд не одинок в своих выступлениях против «Семинара Иисуса». Его голос — лишь часть нарастающего гула критических голосов, голосов известных ученых, причем не только консервативных евангельских христиан, но и представителей самых разных богословских направлений. Мне не нужно было далеко ходить за примером: пример лежал рядом, на тумбочке — только руку протяни. Это была недавно купленная мною книга «Истинный Иисус» *("The Real Jesus")*. Ее автор — Люк Тимоти Джонсон, знаменитый профессор, преподающий Новый Завет и историю раннего христианства в Богословской школе Кэндлера в университете Эмори. Джонсон исповедует католицизм; он был монахом-бенедиктинцем, прежде чем стал ученым-библеистом и написал ряд замечательных книг.

Джонсон остро и язвительно критикует «Семинар Иисуса». Он говорит, что в «Семинаре» «отнюдь не представлены сливки новозаветной учености», что вся его деятельность сведена к попыткам «оспорить подлинность евангельской традиции», и что результаты этой деятельности «известны заранее, поскольку предопределены»[64]. «Это не сколько-нибудь серьезное исследовательское или хотя бы критическое направление, — заключает Джонсон, — а просто забава, участники которой потакают своим прихотям»[65].

Далее он цитирует сходные мнения других выдающихся ученых. Так, доктор Говард Кларк Ки (Howard Clark Kee) называет «Семинар Иисуса» «позором науки», а Ричард Хэйз (Richard Hayes) из университета Дьюка пишет в рецензии на «Пять Евангелий»: «Доказательствам, которые приведены в этой книге, не поверил бы ни один суд»[66].

Я положил книгу на тумбочку и выключил свет. Завтра я продолжу поиск доказательств, которые выдержат любой суд.

Вопросы для размышления

1. Доводилось ли вам что-то слышать о «Семинаре Иисуса» и его деятельности? Какова была ваша реакция? Создалось ли у вас впечатление, что выводы «Семинара» отражают мнение большинства ученых? Как по-вашему, можно ли полагаться в таких вопросах на средства массовой информации?
2. Проводя собственное расследование о Христе, вы бы с порога отмели самую возможность сверхъестественных событий, или вначале рассмотрели бы все исторические свидетельства, даже если бы в них шла речь о чудесах? Обоснуйте свою точку зрения.
3. «Я не хочу строить свою жизнь на символе, мне нужна реальность», — говорит Бойд. Согласны ли вы с ним? Устраивает ли вас Иисус только как символ надежды — или вам нужна уверенность в том, что Его жизнь, учение и Воскресение оставили документальный след в истории? Почему?

На ту же тему

Boyd, Gregory A. Cynic Sage or Son of God? Recovering the Real Jesus in an Age of Revisionist Replies. Wheaton, Ill.: BridgePoint, 1995.

_____. Jesus under Siege. Wheaton, Ill.: Victor, 1995.
Johnson, Luke Timothy. The Real Jesus. San Francisco: Harper San-Francisco, 1996.
Wilkins, Michael J., and J. P. Moreland, eds. Jesus under Fire. Grand Rapids: Zondervan, 1995.

ЧАСТЬ 2. Иисус: расследование

7. ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ. *Были ли у Иисуса основания считать Себя Сыном Божьим?*

Джон Дуглас обладает сверхъестественной способностью — читать мысли людей, которых он в глаза не видел. Специалист ФБР по составлению психологического портрета, он собирает информацию с места преступления и восстанавливает образ преступника, еще находящегося на свободе. Именно он обрисовал психологический портрет серийного убийцы, орудовавшего в лесах вокруг Сан-Франциско с 1979 по 1981 год. Дуглас пришел к выводу, что этого человека отличает не только звериная жестокость, — он еще имеет склонность к пиромании, а также страдает заиканием и недержанием мочи. Когда преступник был схвачен, прогноз Дугласа полностью подтвердился[67].

Дуглас — доктор психологии и многоопытный следователь, но благодаря природной способности «расшифровывать» человеческое поведение он прославился в первую очередь как мастер психологического профиля. Он — соавтор ряда популярнейших книг по этой теме. Джоди Фостер, получая «Оскара» за роль в «Молчании ягнят», со сцены поблагодарила Дугласа, назвав его прототипом своего партнера по роли — наставника из ФБР.

Как же Дуглас ухитряется разгадывать мысли и побуждения совершенно незнакомых ему людей? В своем интервью журналу *“Biography”* он утверждает: «Поведение есть отражение личности»[68]. Иными словами, Дуглас тщательно исследует все свидетельства, обнаруженные на месте преступления; если это возможно, беседует с жертвами, выясняет, как действовал преступник и что при этом говорил, — и на основе этих данных рисует его психологический портрет.

Но вернемся к Иисусу. Как нам разобраться в Его мотивах и намерениях, если мы никогда не разговаривали с Ним? Как нам узнать, что Он думал о Себе, Кем Себя считал, как понимал Свою миссию?

Дуглас наверняка ответил бы: «По Его поведению». Если мы хотим выяснить, Кем на самом деле считал Себя Иисус — Мессией и Сыном Божьим или просто Учителем и Пророком, — нужно посмотреть на то, что Он делал, что говорил, как относился к другим людям.

Что Иисус думал о Себе? Вот основополагающий вопрос. Некоторые исследователи считают, что божественность Иисуса — миф, порожденный наиболее рьяными Его последователями спустя много лет после Его смерти. Подлинный Иисус, утверждают они, перевернулся бы в гробу, если бы узнал, что на земле Ему поклоняются как Богу. И если сквозь толщу легенд докопаться до самых ранних сведений о Нем, то выяснится, что Он был всего-навсего странствующим проповедником, порой сеявшим в народе смуту, и никогда не мыслил Себя кем-то иным.

Таковы их взгляды; но подтверждает ли их история? Чтобы ответить на этот вопрос, я прилетел в Лексингтон, штат Кентукки, сел за руль и по горному серпантину, мимо живописных сельских домиков, направился в гости к известному ученому, автору нашумевшей книги «Христология Иисуса» *(“The Christology of Jesus”)*.

Интервью шестое: БЕН УИЗЕРИНГТОН III, д-р философии

Богословская семинария Эсбери — едва ли не единственная достопримечательность крохотного местечка Уилмор в Кентукки. Там я и нашел кабинет Бена Уизерингтона (Ben Witherington) — на четвертом этаже здания в колониальном стиле, расположенного в дальнем конце главной улицы. С истинно южным радушием этот уроженец Северной Каролины предложил мне уютное кресло и чашечку кофе — и мы приступили к беседе о том, кем же считал Себя Иисус из Назарета.

Тема эта, вне сомнения, была близка моему собеседнику. Среди его книг — «Иисус-Мудрец» *("Jesus the Sage")*, «Многоликий Христос» *("The Many Faces of the Christ")*, «В поисках Иисуса» *("The Jesus Quest")*, «Иисус, Павел и конец света» *("Jesus, Paul and the End of the World")*, «Женщины в служении Иисусу» *("Women in the Ministry of Jesus")*; а его статьи об Иисусе можно найти и в специализированных словарях, и в научных журналах.

Уизерингтон учился в богословской семинарии Гордона-Конуэлла, где с отличием защитил диплом магистра богословия, и в Даремском университете в Англии — там он получил докторскую степень; его диссертация была посвящена Новому Завету. Он преподавал в Эсбери, в богословской семинарии Эшленда, на богословском факультете университета Дьюка, в семинарии Гордона-Конуэлла. Бен Уизерингтон — член Общества изучения Нового Завета, Общества библейской литературы, Института библейских исследований.

Уизерингтон говорит, как и пристало серьезному ученому, четко и внятно, осторожно взвешивая каждое слово. Но восторженные нотки в его голосе ясно показывают, что он по сей день относится к предмету своих изысканий с восхищением и даже благоговением. Я окончательно утвердился в этом, когда он повел меня в свою студию, напичканную достижениями новейших технологий. Я смотрел на лики Иисуса и слушал прекрасные песни о Нем, проникнутые духом сострадания, самопожертвования и человечности, исполненные величием Его жизни и служения. Для ученого, который пишет фундаментальные труды, снабженные огромным количеством ссылок и комментариев, эта видеомузыкальная композиция — попытка приблизиться к той стороне природы и жизни Иисуса, которая постигается только путями творчества.

Вернувшись в кабинет Уизерингтона, я решил начать с вопроса, который приходит в голову едва ли не каждому, кто в первый раз открывает Евангелие. Дождавшись, пока хозяин кабинета займет кресло напротив, я спросил:

— Скажите, верно ли, что Иисус довольно загадочно изъяснялся о том, Кто Он и Что Он? Он не называл Себя напрямую Мессией или Сыном Божьим и избегал подобных заявлений. Почему Он так поступал — потому ли, что действительно не думал о Себе в таких терминах, или же у Него были иные причины?

— Нет, дело не в том, что Он не думал о Себе в таких терминах, — ответил Уизерингтон, удобно устроившись в кресле и забросив ногу на ногу. — Просто если бы Он взял да и заявил: «Привет, ребята, Я — Бог», то иудеи восприняли бы это как «Я — Яхве». Ведь в те времена еще не было представления о Троице; люди знали только Бога-Отца, Которого называли Яхве, но не знали Бога-Сына и Бога-Святого Духа. И если бы кто-то назвал себя Богом, это было бы воспринято не иначе как явное богохульство. Поэтому, напрямую объявив Себя Богом, Иисус не смог бы донести до народа Свое учение. Кроме того, в те времена уже бытовало множество догадок о том, как будет выглядеть Мессия. Иисус же не хотел, чтобы Его втискивали в рамки каких-то предубеждений, поэтому, обращаясь к большим группам слушателей, Он очень тщательно и бережно выбирал слова. Как Он общался с учениками, в узком кругу — это отдельная история; но Евангелия рассказывают нам преимущественно о том, что Он говорил народу.

ДРЕВНЕЙШИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

В 1977 году английский богослов Джон Хик (John Hick) и несколько его единомышленников опубликовали книгу, вызвавшую целую бурю дебатов. Авторы этой книги утверждали, что Иисус вовсе не мыслил Себя Мессией и Богом во плоти. Эти представления о Нем якобы возникли позже и закрепились в Евангелиях, потому-то мы теперь и считаем, что Иисус Сам называл Себя Богом.

Желая выяснить, верны ли эти утверждения, Уизерингтон «раскопал» самые ранние свидетельства об Иисусе, появившиеся во времена, когда Его образ еще никак не мог обрасти легендами. Он нашел факты, позволяющие с уверенностью судить о том, как воспринимал Самого Себя Иисус; и мне не терпелось узнать о его находках.

— Что мы можем сказать о том, Кем Иисус считал себя, исходя из Его отношений с другими людьми? — спросил я.

После небольшой паузы Уизерингтон ответил:

— Обратите внимание на Его отношения с апостолами. У Иисуса было двенадцать учеников, но заметьте — Сам Он не был одним из них.

Эту на первый взгляд незначительную деталь мой собеседник полагал чрезвычайно важной.

— Если двенадцать апостолов олицетворяют возрожденный Израиль, то каково же тут место Иисуса? — спросил он. — Иисус — не часть Израиля, не представитель возрожденного народа; Он — Тот, Кто создает, образует этот народ — как Бог в Ветхом Завете избирает Свой народ и учреждает двенадцать колен Израиля. Это — подсказка для нас; по ней мы можем догадаться, Кем считал Себя Иисус.

Другую подсказку, по словам Уизерингтона, можно увидеть в отношении Иисуса к Иоанну Крестителю:

— Иисус превозносил его выше любого из смертных: «Из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя». Но Сам Он в Своем Служении превзошел Иоанна Крестителя — хотя бы тем, что творил чудеса. Так что же Иисус думал о Себе Самом?

Еще одна подсказка — Его отношение к религиозным руководителям Израиля. Иисус говорит: человека оскверняет не то, что входит в уста, но то, что выходит из сердца. Это заявление ниспровергает основы религиозной жизни; по сути, оно противоречит огромному пласту Книги Левит с подробнейшими правилами соблюдения чистоты. Фарисеи были возмущены. Им хотелось, чтобы все оставалось как есть, — но Иисус сказал, что у Бога есть новые, иные замыслы. Следует задаться вопросом: Кто мог считать Себя вправе опровергнуть боговдохновенное Писание и заменить его Своим собственным учением?

Наконец, вспомним Его отношения — если их можно так назвать — с римскими властями. Почему они распяли Его? Если Он был всего-навсего безобидным странствующим мудрецом, рассказчиком увлекательных притч, почему же Он окончил Свои дни на кресте, да еще в дни Пасхи, когда евреи прощали друг друга и желали друг другу только добра? Почему табличка над Его головой гласила: «Царь Иудейский»? — Последняя фраза Уизерингтона повисла в воздухе, и после паузы он ответил на свой вопрос: — Либо Иисус Сам называл Себя Царем, либо Его считали Царем другие!

ПЕРСТОМ БОЖЬИМ

Отношения Иисуса с другими людьми проливают свет на то, Кем Он Себя считал. Но, по словам Уизерингтона, разобраться в этом нам помогают и Его деяния — в особенности чудеса. Услышав эти слова, я упреждающе поднял руку:

— Не хотите же вы сказать, что раз Он творил чудеса, значит, полагал Себя Богом? Ведь Его ученики вслед за ним тоже творили чудеса, однако вовсе не претендовали на божественность!

— Дело тут не в том, что Он творил чудеса, — ответил Уизерингтон, — а в том, как Он их истолковывал.

— Что вы имеете в виду? — спросил я.

— Иисус говорил: «Если же Я перстом Божиим изгоняю бесов, то, конечно, достигло до вас Царствие Божие». Как это не похоже на других чудотворцев! Какие бы удивительные дела они ни вершили, жизнь продолжала идти своим чередом. Для Иисуса же творимые Им чудеса были знаком приближения Божьего Царства, предзнаменованием того, каким оно будет, это Царство. Вот что отличает Иисуса от всех остальных!

— А можно подробнее? — снова перебил я. — Каким именно образом это Его отличает?

— Иисус считал, что Его чудеса приближают время, какого не бывало прежде, время Божьего царствования над миром. Он рассматривал Себя не просто как Чудотворца, но как Того, в Ком — и посредством Кого — исполнятся Божьи обетования. Что это, если не весьма прозрачно завуалированное объявление о Своей трансцендентности?

Я кивнул — многое для меня прояснилось. Но чтобы лучше понять, Кем мыслил Себя Иисус, я решил обратиться к Его собственным словам:

— Приверженцы Иисуса называли Его «Раввуни», или «Равви», — сказал я. — Не значит ли это, что Он просто учил людей, как и другие мудрецы Его эпохи?

Уизерингтон усмехнулся.

— Видите ли, — сказал он, — Иисус учил по-новому, принципиально иначе, чем другие. Свои речи Он начинал с фразы: «Истинно говорю вам...», что означало: «Я заранее клянусь, что все, о чем вы сейчас услышите, — чистая правда». Никто прежде не слышал о таком; это была подлинная революция в мышлении.

— Почему? — удивился я.

— По законам иудаизма, чтобы подтвердить, что человек говорит правду, требовались два свидетеля. Свидетель X должен был подтвердить истинность слов свидетеля Y — и наоборот. Иисус же Сам свидетельствует, что Его слова — истина. Он подтверждает Свое учение не чьим-то, а собственным авторитетом. Итак, мы видим Человека, считавшего, что Ему дана власть свыше, причем власть большая, нежели та, которой обладали ветхозаветные пророки. Он верил, что Ему дано не только божественное вдохновение, как царю Давиду, но и божественная власть, а с нею — право говорить от лица Бога.

Но Иисус не только начинал Свои речи со слова «истинно». Обращаясь к Богу, называл Его «Авва», то есть «Отец».

— Скажите, — попросил я, — каким образом это помогает нам понять, кем считал Себя Иисус?

— В слове «Авва» слышится близость и тепло, какие бывают в отношениях между отцом и сыном, — объяснил Уизерингтон. — Любопытно отметить, что в раннем иудаизме именно так обращались ученики к любимому учителю. Иисус же называл этим словом Бога — и, насколько мне известно, больше так к Богу не обращался никто, кроме Самого Иисуса и Его учеников.

Я попросил Уизерингтона пояснить, почему, по его мнению, это важно. В ответ он сказал:

— Во времена Иисуса у иудеев не было принято открыто произносить Имя Бога. Не было слова священнее и возвышенней, чем это Имя; люди произносили Его чрезвычайно редко, с трепетом, боясь оговориться. О Боге говорили в третьем лице — например, так: «Святой Сущий, да будет Он благословен» — но никто не изрекал Его Имени, не обращался к Нему лично.

— А «Авва» — это личное обращение?

— Более чем, — ответил он. — Это — нежное, уменьшительное слово, с каким ребенок, например, обращается к отцу: «Папочка, милый, что ты хочешь, чтобы я сделал?»

— Секундочку! — Мне показалось, что я уловил явное несоответствие. — Иисус, молясь Богу, называл Его «Авва». Но разве это значит, что Он считал Себя Богом? Он ведь и Своих учеников учил молиться так же, и ни один из них не считал себя Богом!

— Важно то, — ответил Уизерингтон, — что раз Иисус называл Бога «Авва», значит, Он по собственной инициативе вступил с Богом в новые отношения, какие прежде были недостижимы. Вопрос в том, Кто может изменить условия отношения с Богом? Кем должен быть человек, изменивший Завет?

— Значит, вы считаете, что факт употребления Иисусом слова «Авва» действительно важен?

— Чрезвычайно важен, — подтвердил Он. — Это означает, что у Иисуса были близкие, родственные отношения с Богом — нечто немыслимое для иудаизма тех времен. Но это еще не все. Иисус учит, что такие отношения с Богом — отношения, при которых Бог — это «Авва» — возможны только через Него, Иисуса. «Никто не приходит к Отцу, как только через Меня». Эта фраза более чем доходчиво объясняет нам, Кем Он себя считал!

Уизерингтон заговорил о еще одной важной подсказке — о том, что Иисус не раз называл Себя «Сыном Человеческим», — но я уже знал от Крэга Бломерга, что это ссылка на седьмую главу Книги Пророка Даниила. И этот термин, подтвердил Уизерингтон, тоже позволяет нам понять, что Иисус осознавал Свою мессианскую роль и трансцендентную сущность.

Я умолк, пытаясь собрать воедино все, что услышал от Уизерингтона. Чудеса, которые творил Иисус, Его отношения с людьми, Его учение — все это открывает глаза на Его отношение к Самому Себе и Своей роли. Самые ранние свидетельства о Нем безоговорочно подтверждают, что Он считал Себя больше, чем Чудотворцем, больше, чем Учителем, больше, чем Пророком. У нас более чем достаточно оснований для вывода, что Он знал о Своей власти и Своей миссии. Знал, но до какой степени?

ИОАНН: ПОРТРЕТ ИИСУСА

В первых строках Евангелия от Иоанна евангелист простыми, недвусмысленными и в то же время величественными словами дерзко утверждает божественность Иисуса:

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть... И Слово стало плотию, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца» (Евангелие от Иоанна 1:1 — 3, 14).

Я помню, как поразили меня эти царственные слова, когда я впервые читал Евангелие от Иоанна. Я спрашивал себя: «А что бы сказал Иисус, если бы прочел, что написал о Нем Иоанн?» Может, Он отшатнулся бы в ужасе и воскликнул: «Иоанн ничего во Мне не понял! Разве это Я? Он все выдумал, Он приукрасил меня до неузнаваемости!» А может, Он бы удовлетворенно кивнул: «Да, Я именно таков, и даже больше...»?

Позже я наткнулся на размышления ученого Рэймонда Брауна (Raymond Brown): «Я не нахожу изъяна в той мысли, что если бы Иисус... прочел Евангелие от Иоанна, то решил бы, что оно вполне адекватно отражает Его природу»[69].

Конечно же, я не преминул спросить Уизерингтона, согласен ли он с Брауном — он, человек, потративший целую жизнь на изучение научных свидетельств о том, кем считал Себя Иисус.

— Да, — уверенно ответил он. — Мне очевидна его правота. Конечно, Иоанн привнес в портрет Иисуса свое видение, — но все же это верное изображение Иисуса как исторической личности. И я бы добавил еще вот что: даже если не брать в расчет Евангелие от Иоанна, остальные Евангелия не дают нам никаких, ни малейших оснований сомневаться в том, что Иисус был Мессией.

Я немедленно вспомнил историю из Евангелия от Матфея. Иисус спросил апостолов, кем они Его считают, а Петр без колебаний ответил: «Ты — Христос, Сын Бога Живаго». Иисус же не уклонился от темы, а подтвердил правоту Петра: «Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах» *(См. Евангелие от Матфея 16:15 — 17)*.

Однако многие современные жизнеописания Иисуса, в том числе знаменитый фильм «Последнее искушение Христа», изображают Его как человека, охваченного сомнениями, страхом и тревогой, человека, которому неведомо, кто он такой и в чем его предназначение.

— Существуют ли свидетельства, — спросил я Уизерингтона, — что у Иисуса бывали личностные кризисы, когда Он не знал, для чего живет?

— Нет, — не раздумывая, ответил он. — Такого не было. Но у Него были кризисы иного рода — когда Его предназначение подтверждалось свыше. При крещении, во время искушения, во время Преображения, в Гефсиманском саду — вот моменты, когда Бог давал Иисусу подтверждения Его сущности и Его миссии. Например, на мой взгляд, не случайно Его служение началось только с момента крещения, когда Он услышал с небес голос Божий: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение».

— Так в чем же Он видел Свою миссию? — спросил я.

— Освободить народ Божий, народ Израиля.

— Именно Израиля?

— Именно, — ответил Уизерингтон. — У нас практически нет свидетельств того, что Его служение простиралось на язычников; это была уже миссия церкви. Понимаете, обетования пророков были обращены к народу Израиля — и именно к народу Израиля пришел Мессия.

«Я И ОТЕЦ — ОДНО»

В своей книге «Обоснованная вера» Уильям Лейн Крэг убедительно доказывает, что за первые двадцать лет, прошедшие с момента Распятия, уже сформировалась полноценная христология, провозглашающая Иисуса Богом во плоти. А Ярослав Пеликан (Jaroslav Pelikan), специалист по истории церкви, показал, что Иисус предстает перед нами Господом и Богом даже в самой ранней христианской проповеди, самом раннем свидетельстве о христианском мученичестве, самом раннем языческом упоминании о церкви и самой ранней церковной молитве (1 Кор. 16:22). «Из всего, во что верила церковь и чему она учила, — пишет Пеликан, — вытекает, что Иисусу Христу пристало имя «Бог»[70].

— Как вы думаете, — спросил я Уизерингтона, — могла ли возникнуть такая христология, да еще столь стремительно, если бы Сам Иисус не считал Себя Богом и Мессией?

— Нет, — жестко ответил Уизерингтон. — Если, конечно, вы не хотите сказать, что ученики Иисуса за эти годы полностью забыли, каким Он был, и что они не имеют никакого отношения к традиции, сложившейся за двадцать лет после Его смерти. Честно говоря, мне как историку такая постановка вопроса видится абсурдной.

В истории, добавил он, возможно все, но не все возможное равновероятно.

— Ну вероятно ли, к примеру, — спросил он, — чтобы подобная идея возникла ниоткуда, из воздуха, когда прошло всего два десятилетия после Распятия, и еще были живы люди, видевшие и помнившие Иисуса? С точки зрения истории эта гипотеза совершенно неправдоподобна. Вопрос в другом: что произошло за эти двадцать лет с умами и сердцами учеников, которые ранее ослушались, отвергли и покинули Его? Очевидно, с этими людьми произошло примерно то же, что испытал Иисус при крещении. Они получили подтверждение, что Иисус действительно Тот, кем, они надеялись, Он был.

Так кем же? Время нашей беседы истекало. Мне хотелось, чтобы Уизерингтон, подытожив все свои изыскания, поделился со мной выводами о том, кем, по его мнению, считал Себя Иисус. Я высказал эту просьбу и выжидательно подался вперед.

— Иисус считал Себя Тем, — уверенно начал он, — Кого Бог послал на землю ради полного и окончательного спасения человечества. Он знал, что Бог избрал Его для этой миссии, наделил силой и властью. Он говорил от имени Бога. Значит, слова Иисуса — это слова Бога, и дела Иисуса — дела Бога. Согласно иудейской традиции, доверенное лицо, действующее по поручению, — все равно что сам поручитель. Вспомним слова Иисуса: «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне». Между поручителем и посланником существовала прочная связь. Иисус верил, что Он — Божий Посланник, чья миссия — искупление Божьего народа. Народ, погрязший в грехах, погибал, и Богу вновь предстояло сделать то, что Он уже не раз делал, — вмешаться в ход истории и повернуть Своих избранных на верный путь. Но этот раз был особенным. Бог давал Своему народу последний шанс.

Верил ли Иисус в то, что Он — Сын Божий, Помазанник Божий? Да, верил. Полагал ли Он Себя Сыном Человеческим? Да, полагал. Рассматривал ли Он Себя как Мессию? Да, рассматривал. Считал ли Он, что спасти этот мир может не только Бог? Нет. В это я не верю. И вот сложнейший из парадоксов: чтобы спасти мир, Бог отдал на смерть Своего Сына. Ему, Сыну, предстояло совершить самый человеческий из всех человеческих поступков — умереть.

Но Бог, по самой Своей божественной сути, умереть не может. Поэтому для спасения человечества Ему нужно было воплотиться в человека. Этим Человеком стал Иисус. И Он знал об этом. В Евангелии от Марка 10:45 Он говорит: «Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих». Что это — высшая форма мании величия или высшее проявление веры Того, Кто сказал: «Я и Отец — одно»? Эти слова означают: «Я имею право говорить от имени Отца; Я наделен властью действовать от имени Отца; отвергающий Меня отвергает Отца». Даже если отложить в сторону Евангелие от Иоанна и прочесть только синоптические Евангелия, мы все равно получим тот же ответ — ответ, который наверняка дал бы нам и Сам Иисус, если бы нам довелось спросить Его. Давайте зададимся вопросом: почему ни у какого другого еврея, жившего в I веке, нет в наши дни миллионов последователей? Почему «христианство» — а не, скажем, «движение Иоанна Крестителя»? Почему из всех выдающихся исторических личностей той эпохи, включая римских императоров, поклоняются и служат только Иисусу, а имена прочих покрылись пылью времен? Да потому, что Иисус — тот Иисус, живший в I веке, — это живой Господь. Вот почему. Остальные давно ушли и забылись, а Он и сейчас с нами.

ПРЕТЕНЗИЯ НА РОЛЬ БОГА

Многие ученые, тщательно исследовавшие ранние свидетельства об Иисусе, пришли к тем же выводам, что и Уизерингтон. Вот что пишет Крэг: «Это был Человек, Который думал о Себе как о Сыне Божьем; Который утверждал, что имеет право говорить и действовать от имени Бога; Который считал Себя чудотворцем; Который верил, что бессмертие каждого человека зависит от того, уверует он в Него или не уверует»[71]. Далее Крэг заявляет нечто поистине исключительное: «Иисус знал, что Он — Христос; это явствует из двадцати процентов Его утверждений, аутентичность которых признана даже членами «Семинара Иисуса»[72]. С Крэгом согласен и богослов Ройс Гордон Грунлер (Royce Gordon Gruenler): Иисус претендовал на роль Бога, чему есть «совершенно убедительные» доказательства[73].

Эти претензии, говорит Крэг, были настолько из ряда вон выходящими, что неминуемо порождали вопрос о душевном здоровье Иисуса. Крэг отмечает, что Джеймс Дунн (James Dunn), завершая свое фундаментальное исследование по этой теме, был вынужден задать «один, последний вопрос, которым никак нельзя пренебречь: *«Не был ли Иисус безумен?»*[74]

...В аэропорту Лексингтона, в ожидании рейса в Чикаго, я бросил монетку в телефон-автомат и договорился об интервью с одним из ведущих психологов нашей страны.

Вопросы для размышления

1. Как по-вашему, почему Иисус не спешил во всеуслышание провозглашать Себя Богом? Каким образом такой поступок мог бы воспрепятствовать исполнению Его миссии?
2. Почему нам нелегко выяснить, кем полагала себя та или иная историческая личность? Что может пролить свет на эту тайну? Убедили ли вас «подсказки» Уизерингтона в том, что Иисус считал Себя Богом и Мессией?
3. Иисус учил Своих последователей обращаться к Богу со словами «Отче наш» или «Авва». Что это говорит нам об отношениях Иисуса с Отцом? Привлекают ли вас такие отношения? Почему?

На ту же тему

Craig, William Lane. “The Self-Understanding of Jesus.” In Reasonable Faith, by William Lane Craig, 233 — 54. Westchester, Ill.: Crossway, 1994.

Marshall, I. Howard. The Origins of New Testament Christology. Downers Grove, Ill.: InterVarsity Press, 1976.

Moule, C. F. D. The Origins of Christology. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1977.

Witherington, Ben, III. The Christology of Jesus. Minneapolis: Fortress, 1990.

8. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА. *В здравом ли уме был Иисус, когда объявлял Себя Сыном Божьим?*

«Когда психолог или психиатр свидетельствует в суде, на нем должен быть конусообразный колпак высотой не менее двух футов, изукрашенный серебряными звездами и молниями. Кроме того, он обязан нацепить белую бороду длиной не менее восемнадцати футов и подчеркивать наиболее выразительные моменты своей речи взмахами волшебной палочки. Всякий раз перед началом свидетельских показаний психолога или психиатра судебному исполнителю надлежит своевременно приглушить освещение зала и дважды ударить в китайский гонг».

Такую поправку к закону предложил в 1997 году Дункан Скотт, сенатор от штата Нью-Мексико. Тем самым он более чем внятно выразил свое отношение к экспертам, свидетельствующим, что подсудимый невменяем и потому не может нести ответственность за совершенное им преступление. Надо сказать, что сарказм Скотта разделяют очень многие его коллеги, проголосовавшие за принятие этого издевательского предложения. Поправка едва не стала законом — она дошла до палаты представителей и только там была отвергнута[75].

Ни для кого не секрет, что представители судебной власти весьма скептически относятся к психологам и психиатрам, которые выносят заключение о состоянии душевного здоровья подсудимого, о его способности общаться с адвокатом и, следовательно, участвовать в собственной защите, а также о том, был ли он вменяем в момент совершения преступления. И все-таки большинство юристов признает, что специалисты в области психического здоровья оказывают правосудию огромную помощь.

Я хорошо помню случай, когда перед судом по обвинению в убийстве мужа предстала милая женщина, ни дать ни взять воплощение любящей матери и идеальной хозяйки. Симпатичная, хорошо одетая, улыбчивая — один взгляд на нее навевал мысли о тепле и домашнем уюте; казалось, она только что напекла целую гору печенья для соседских детишек. И когда психолог заявил, что в силу психической неадекватности она не способна отвечать перед судом, я лишь презрительно хмыкнул. Но тут адвокат подсудимой пригласил ее для дачи показаний.

Поначалу речь ее была вполне ясной и разумной, но постепенно приобретала все большую странность. Женщина спокойно, вдумчиво и очень серьезно рассказывала о том, как подвергалась поруганию со стороны целого ряда важных особ. В числе обидчиков были названы, в частности, Дуайт Эйзенхауэр и призрак Наполеона Бонапарта. К концу ее показаний никто из присутствующих уже не сомневался, что подсудимая не в ладу с реальным миром. По решению судьи она была помещена в психиатрическую лечебницу до тех пор, пока не обретет способность давать показания.

Внешность обманчива. Задача психолога в том и состоит, чтобы «заглянуть под маску» и сделать верные выводы о душевном здоровье человека. Психология не принадлежит к числу точных наук, в ней случаются ошибки и злоупотребления, но нельзя отрицать, что свидетельства психологов часто содержат весомые аргументы в защиту обвиняемых.

Какое отношение все это имеет к Иисусу? Доктор Бен Уизерингтон, о котором шла речь в предыдущей главе, на основе самых ранних исторических документов убедительно доказал, что Иисус считал Себя Богом во плоти. Отсюда естественным образом вытекает вопрос: а в здравом ли уме Он при этом был? Поиски ответа привели меня в пригород Чикаго, где живет и трудится один из ведущих психологов Соединенных Штатов.

Интервью седьмое: ГЭРИ Р. КОЛЛИНЗ, д-р философии

Гэри Коллинз (Gary Collins), получивший степень магистра психологии в университете Торонто и докторскую степень по медицинской психологии в университете Пурдью, тридцать пять лет исследует, разъясняет студентам и описывает в книгах особенности человеческого поведения. В течение двух десятилетий он преподавал психологию в Евангельской богословской школе Святой Троицы, где большую часть этого времени возглавлял соответствующее отделение.

Коллинз поражает оптимизмом и бьющей через край творческой энергией. Этот неутомимый человек — автор полутора сотен статей для научных журналов и других периодических изданий, редактор *"Christian Counseling Today"* и внештатный сотрудник *"Journal of Psychology and Theology"*. Помимо этого он написал сорок пять (!) книг на темы, так или иначе связанные с психологией. В их числе — «Величественный разум» (*"The Magnificent Mind"*), «Как помогать людям» (*"How to Be a People Helper"*), «Можно ли доверять психологии?» (*"Can You Trust Psychology?"*), а главное — «Христианское душепопечительство: подробное руководство» (*"Christian Counseling: A Comprehensive Guide"*), всеобъемлющее пособие для психологов-христиан, уже ставшее хрестоматийным. Именно он осуществлял общую редакцию серии книг «В помощь христианскому консультанту» ("Resources for Christian Counseling").

Коллинз встретил меня в своем светлом и просторном кабинете в здании Американской ассоциации христианских душепопечителей — общественной организации, насчитывающей в своих рядах пятнадцать тысяч человек. Гэри — ее президент. Выглядел он настоящим франтом — черные волосы с проседью, очки в тонкой серебристой оправе, темно-бордовый свитер с высоким воротом и широкие светло-серые брюки. Колпака со звездами и длинной белой бороды обнаружить не удалось.

Я повел рукой в сторону окна, где мягкими хлопьями валил снег, укрывая сосны:

— Вон там, в нескольких милях отсюда — психиатрическая лечебница. Если мы с вами отправимся туда, то непременно обнаружим как минимум одного пациента, заявляющего, будто он — бог. Мы знаем, что эти люди душевнобольные. Иисус тоже называл Себя Богом. Не значит ли это, что и Он был сумасшедшим?

Коллинз усмехнулся:

— Вам нужен краткий ответ? Тогда — нет.

Краткий ответ меня не устраивал. На мой взгляд, эта тема заслуживала подробнейшего анализа. Специалисты утверждают, что зачастую люди, страдающие различными маниями и галлюцинациями, большую часть времени выглядят вполне здравомыслящими, но при этом совершенно уверены в своей исключительности. Порой у них даже появляются последователи, верящие в их гениальность, величие, сверхъестественные способности. Может быть, предположил я, именно так обстояло дело и с Иисусом?

— Действительно, люди с психическими расстройствами кем только себя ни называют. — Коллинз заложил руки за голову. — Человек вполне может объявить себя Иисусом, президентом Соединенных Штатов, или, к примеру, знаменитым журналистом Ли Стробелом. Но психологу недостаточно слушать человека — он еще и наблюдает за его эмоциями. Люди, страдающие психическими расстройствами, часто проявляют неуместные эмоции. Например, им свойственны внезапные вспышки гнева, беспричинная депрессия, острое чувство тревоги. Эмоции же Иисуса всегда были адекватными. Например, Он плакал, когда умер Его друг Лазарь. Это совершенно естественная, здоровая эмоциональная реакция.

— Но Он же иногда гневался, — напомнил я.

— Да, но это был нормальный, здоровый гнев! Он сердился на тех, кто торговал в храме, бесстыдно набивая себе мошну за счет бедных и униженных. Это был праведный гнев, обращенный против явной несправедливости и дурного обращения с ближним, а не внезапное, ничем не оправданное раздражение.

Люди, пребывающие во власти иллюзий, зачастую неправильно воспринимают окружающий мир. Например, им кажется, что за ними следят, что их преследуют. Они выпадают из реальности. Они неверно истолковывают действия других людей, приписывают им поступки и намерения, которые тем и в голову не приходили. И опять-таки, к Иисусу все это не имеет ни малейшего отношения. Он совершенно адекватно воспринимал действительность. Он не был параноиком, а реальные опасности осознавал и верно оценивал.

Психические расстройства часто влекут за собой расстройства мышления — человек не удерживает нить беседы, теряет логику, делает нелепые выводы. У Иисуса все было по-другому. Он всегда мыслил и говорил ясно, мощно, убедительно, Он был великолепным оратором, Он обладал поразительным умением читать в людских сердцах.

Еще один признак психического заболевания — поведение, не соответствующее ситуации. Например, человек странно одевается или совершенно не умеет входить в контакт. Поведение Иисуса вполне соответствовало социальным нормам; кроме того, Он вступал в тесные дружеские отношения с самыми разными людьми из самых разных слоев общества.

Коллинз умолк, но я чувствовал, что он еще не закончил.

— Что еще вы можете о Нем сказать? — спросил я, желая помочь ему.

Коллинз смотрел в окно, на прекрасный и мирный снежный пейзаж. Когда он снова заговорил, мне показалось, будто он делится воспоминаниями о старом друге:

— Он был добр, но сострадание не закрывало Ему глаз и не связывало рук. Его окружали толпы восторженных почитателей, но Он не ведал звездной болезни. Жизнь была сурова к Нему, но Он сохранял сдержанность. Он всегда знал, что делает и куда идет. Он искренне и глубоко заботился о людях, в том числе — о женщинах и детях, которым в те времена уделяли не так уж много внимания. Он принимал человека, отвергая его грех. Он был чуток к личным обстоятельствам и нуждам каждого.

— Итак, доктор — ваш диагноз?

— Диагноз таков: я не нахожу у Иисуса ни малейших признаков душевного расстройства, — заключил Коллинз и с улыбкой добавил: — Он был здоровее всех, с кем меня сводила жизнь, — включая и меня самого!

«ОДЕРЖИМ БЕСОМ И БЕЗУМСТВУЕТ»

Итак, обращаясь к жизни Иисуса, мы не находим у Него признаков психического заболевания. Ну, а те, кто общался с Ним напрямую? Им-то было виднее — что сказали бы они?

— Кое-кто из живших в I веке не согласился бы с вами категорически! — сказал я. — Они-то считали Иисуса сумасшедшим. В двадцатом стихе десятой главы своего Евангелия Иоанн свидетельствует, что многие иудеи говорили: «Он одержим бесом и безумствует». Сказано сильно, не правда ли?

— Да, но специалист-психиатр вряд ли поставил бы такой диагноз, — возразил Коллинз. — Посмотрите, к чему относились эти слова, — к глубокому и мудрому учению о Добром Пастыре. Люди говорили так потому, что Его утверждения о Самом Себе были слишком далеки от их представления о норме, а не потому, что Он действительно был психически неуравновешен. И заметьте: тут же, в стихе двадцать один, другие люди возражают: «Это слова не бесноватого; может ли бес отверзать очи слепым?»

— О чем это говорит? — спросил я.

— О том, что Иисус не просто говорил о Себе нечто, что не вписывалось в рамки людского опыта. Он подкреплял слова делами — чудесными, добрыми делами. Например, Он исцелял слепых... Подумайте сами: вот если бы я объявил себя президентом Соединенных Штатов — что это было бы, как не безумие? Кто бы мне поверил? Из чего следует, что я президент? Где все президентские атрибуты? Где мой роскошный кабинет? Где моя охрана? А вот когда настоящий президент называет себя президентом — это совершенно нормально, потому что он действительно президент и может это доказать. То же и в нашем случае. Иисус не просто называл Себя Богом, но подтверждал Свои слова — чудесами исцеления, поразительной демонстрацией власти над природой, неслыханным дотоле надмирным учением, небывалым умением видеть насквозь человеческую душу — и, наконец, единственным в истории Воскресением из мертвых. Поэтому, когда Иисус называл Себя Богом, это не было безумием. Это было правдой.

Коллинз заговорил о чудесах Иисуса, и это напомнило мне о других возражениях.

— По-вашему, чудеса Иисуса подтверждают, что Он — Сын Божий. Но некоторые считают совсем иначе. Они говорят, что никаких чудес не было!

Я достал из портфеля книжку и зачитал слова критика-агностика Чарльза Темплтона:

«Многие болезни тогда, как и сейчас, имели психосоматическую природу, и их можно было «вылечить», воздействовав на восприятие больного. Плацебо, прописанное врачом, которому пациент доверяет, оказывает благотворное воздействие на состояние последнего. То же и в былые времена — вера в чудесные способности целителя могла обратить болезнь вспять. С каждым новым успехом добрая слава целителя росла и ширилась, а вместе с ней возрастали и «чудодейственные» способности»[76].

— Может быть, — напрямую спросил я, — именно так объясняются все чудеса, которые якобы подтверждают божественность Иисуса?

Ответ Коллинза поразил меня.

— Я бы не сказал, что категорически не согласен с Темплтоном.

— Не сказали бы?!

— Ну да. Ведь Иисус мог лечить и внушением. Почему бы нет?

Лично я не нахожу в этом ничего странного. Порой в основе болезни лежат психологические причины, и когда человек обретает новый смысл, новый путь, новую цель в жизни, он просто отбрасывает болезнь в сторону. Она ему больше не нужна! Вы говорите об эффекте плацебо? Но если человек думает о том, что непременно выздоровеет, то зачастую ему и в самом деле становится лучше. Это давно установленный медицинский факт. Люди приходили к Иисусу, твердо веря, что Он исцелит их, — и Он их исцелял. Факт остается фактом: люди исцелялись, независимо от того, как именно Он это делал. Разумеется, — быстро добавил Коллинз, — это объяснение подходит далеко не для всех случаев исцеления. Психосоматическое лечение обычно требует времени; Иисус же исцелял мгновенно. К тому же, у многих через несколько дней после такого лечения симптомы болезни проявляются снова, а в Библии нет свидетельств о таких случаях. Наконец, Иисус исцелял такие недуги, как, например, полная слепота или проказа, а уж это никак нельзя объяснить психосоматическим лечением. И самое главное — Иисус воскрешал из мертвых! Что-что, а смерть не назовешь психологически обусловленным состоянием. Были и другие чудеса, не связанные с исцелением. Вспомним, например, как Он утихомирил бурю на море или превратил воду в вино. Очевидно, что объяснение этих чудес выходит за рамки естественных причин.

Что ж, возможно... Однако упоминание о превращении воды в вино вызвало у меня в памяти еще одно толкование поразительных чудес, совершенных Иисусом.

«ИИСУС-ГИПНОТИЗЕР»

Вам когда-нибудь доводилось видеть, как гипнотизер на сцене вводит человека в транс, дает ему стакан воды, а потом внушает, что это вино? Человек облизывает губы, смакуя напиток, у него кружится голова и подкашиваются ноги, словно он и вправду хлебнул лишку. Английский автор Иэн Уилсон задался вопросом: уж не таким ли способом Иисус убедил гостей на свадьбе в Кане Галилейской, что Он превратил воду в прекрасный напиток?

По сути, идея Уилсона состоит в следующем: возможно, Иисус был гениальным гипнотизером, и именно этим объясняются все якобы сверхъестественные аспекты Его жизни — например, изгнание бесов, Преображение, при котором трое учеников видели, как «просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет», и даже исцеление недужных. В качестве доказательства Уилсон приводит современный случай: шестнадцатилетний мальчик, страдавший серьезным кожным заболеванием, необъяснимым образом был исцелен с помощью гипноза.

Что, если Иисус не воскресил Лазаря из мертвых, а лишь вывел его из глубокого гипнотического транса? Что же касается Воскресения, рассуждает Уилсон, то Иисус «вполне мог «запрограммировать» [у апостолов] галлюцинации, при которых они на протяжении определенного периода после Его смерти «видели» Его в определенных, обусловленных заранее обстоятельствах (преломление хлебов)»[77].

Этим, между прочим, можно было бы объяснить и загадочное евангельское упоминание о том, что Иисусу не удалось совершить много чудес в Его родном городе — Назарете. Уилсон пишет:

«Иисус как гипнотизер потерпел неудачу именно там, где и должен был ее потерпеть — среди людей знакомых, которые видели, как Он рос, и знали Его обычным ребенком. Успех гипнотизера в большой степени определяется завесой тайны и благоговейного страха, которой он себя окружает; в родном же городе Иисуса эти весьма существенные факторы отсутствовали»[78].

— Нельзя не признать, — сказал я Коллинзу, — что это весьма любопытное толкование чудес Иисуса.

На лице Коллинза отразилось недоверие.

— Какая вера в гипноз! — воскликнул он. — Мне бы такую... Ну что ж. Гипотеза интересная, но она не выдерживает критики. В ней полно изъянов.

И Коллинз принялся перечислять их:

— Во-первых, трудно загипнотизировать огромную толпу. Далеко не все в равной степени поддаются гипнозу. Что обычно делает гипнотизер? Он обращается к аудитории особым, умиротворяющим голосом, высматривает в зале людей, которые реагируют на этот голос, и вызывает их на сцену в качестве добровольцев. Он знает, что эти люди точно поддаются гипнозу. С толпой этот номер не проходит — гипнотизер встречает сопротивление. Иисус насытил хлебами и рыбой пять тысяч человек — что же, неужели Он всех их загипнотизировал?

Во-вторых, на скептиков и сомневающихся гипноз обычно не действует. Как же Иисус мог загипнотизировать Своего брата Иакова, который не верил в Него, но позже узрел воскресшего Христа? Как Он мог загипнотизировать Савла Тарсянина,

противника христианства, если тот вообще впервые увидел Его только после Воскресения? Как Он мог загипнотизировать Фому, который не верил в Воскресение, пока не вложил пальцы в раны от гвоздей на Его руках?

В-третьих, можно ли объяснить гипнозом пустую гробницу?

— Наверняка кто-то скажет, что Иисус загипнотизировал апостолов, и потому им показалось, что гробница пуста! — вмешался я. — Даже если бы это было так, — ответил Коллинз, — вряд ли Он заодно загипнотизировал фарисеев и римских начальников. Уж они бы с радостью продемонстрировали народу тело! Однако они этого не сделали — а значит, гробница была пуста...

В-четвертых, обратимся еще раз к чуду претворения воды в вино. Иисус ничего не объявлял гостям на свадьбе, Он даже не сказал слугам, что вода превратилась в вино, — Он просто велел им зачерпнуть воды и отнести распорядителю пира, а уж тот, пригубив, сам сказал, что это вино. Никто не предупреждал его об этом, никто ему не подсказывал.

В-пятых, исцеление кожного заболевания, о котором говорит Уилсон, наверняка не было мгновенным?

Я сказал, что, согласно статье в *"British Medical Journal"*, за пять дней, прошедших после сеанса гипноза, с левой руки подростка сошла так называемая «рыбья кожа» — ихтиоз, — и потребовалось еще несколько дней на то, чтобы на смену ей наросла нормальная. Что же касается остальных частей тела, то успех гипноза был переменным — за несколько недель в норму пришло от пятидесяти до девяноста пяти процентов пораженных болезнью участков кожи[79].

— А теперь вспомните, — сказал Коллинз, — как в семнадцатой главе Евангелия от Луки Иисус исцелил десять прокаженных. Исцеление было мгновенным — и стопроцентным. Такое не объяснить одним гипнозом. Равно как и исцеление человека с иссохшей рукой в третьей главе Евангелия от Марка. Конечно, можно предположить, что люди были в гипнотическом трансе, и им просто показалось, что рука стала здоровой; но потом-то они узнали правду? Гипноз никогда не длится долго! И наконец: в Евангелиях подробно рассказано, что говорил Иисус и что Он делал; но ни одна строка и ни одно слово не дает нам оснований предположить, что Он занимался гипнозом. Вообще-то, я могу долго говорить на эту тему...

Я рассмеялся:

— Я всего лишь сказал, что это любопытное толкование; я не говорил, что оно убедительно! Однако в его пользу написаны целые тома!

— Меня всегда поражало, — ответил Коллинз, — с какой готовностью люди хватаются за все что угодно, лишь бы доказать, что Иисус не творил чудес.

ИИСУС, ИЗГОНЯЮЩИЙ БЕСОВ

Перед тем, как проститься с Коллинзом, я хотел узнать его авторитетное мнение по еще одному вопросу, который не дает покоя скептикам.

— Иисус изгонял нечистых духов, — начал я. — Он говорил с бесами, веля им покинуть тела людей, которые якобы были ими одержимы. Но можно ли в наше время всерьез верить, что те или иные болезни и странности в поведении вызваны вмешательством злых духов?

Коллинза нисколько не смутил мой вопрос.

— Я верю, что бесы существуют, — ответил он. — Это напрямую вытекает из моих богословских убеждений. В нашем обществе многие верят в ангелов. Люди знают, что существуют духовные силы, и нетрудно прийти к выводу, что некоторые из них злы. Когда творятся дела Божьи, эти силы могут им яростно сопротивляться. Именно это, скорее всего, и происходило во времена Иисуса.

Я отметил, что Коллинз сослался на свои богословские убеждения, но не на свой профессиональный опыт.

— А вы как психолог когда-нибудь сталкивались с бесами напрямую? — спросил я.

— Лично я — нет, но ведь далеко не вся моя жизнь протекает в медицинских учреждениях. А вот мои друзья, которые работают в больницах, утверждают, что сталкивались, — и, уверяю вас, это вовсе не те люди, которые склонны объяснять любую проблему вмешательством нечистой силы; скорее, скептики. Психиатр М. Скотт Пек (M. Scott Peck) кое-что пишет об этих вещах в своей книге «Дети лжи» (*"People of the Lie"*)[80].

Уилсон предполагает, что Иисус применял гипноз к людям, которым лишь казалось, что они одержимы бесами, и категорично заявляет, что ни один «здравомыслящий человек» не объяснит подобное состояние «действием нечистых духов»[81]. Я сказал об этом Коллинзу.

— Вообще-то нам, людям, свойственно видеть то, что мы хотим видеть, — ответил он. — Человек, отрицающий существование сверхъестественных сил, всегда найдет объяснение в рамках земных причин, пусть даже это объяснение будет притянуто за уши. Больного лечат и лечат, пичкают его все новыми и новыми лекарствами, но ему не становится легче. А все потому, что бывают случаи, которые не поддаются обычному медикаментозному и психиатрическому лечению.

— А как вы полагаете, можно ли считать те случаи, когда Иисус изгонял бесов, примерами психосоматического лечения? — спросил я.

— Иногда, в отдельных случаях — да; но опять-таки, нужно постараться увидеть полную картину событий. Взять хотя бы историю, когда Иисус, изгнав бесов, послал их в стадо свиней, и свиньи бросились с кручи в море? Похоже ли это на психосоматическое лечение? Я считаю, что Иисус действительно изгонял бесов, и думаю, что некоторые люди делают это и в наши дни. В то же время, сталкиваясь с упорным и неподатливым заболеванием, не стоит поспешно заключать, что дело в нечистых духах. Как сказал К. С. Льюис, существуют «два равносильных и противоположных заблуждения относительно бесов. Одни не верят в них, другие верят и питают к ним ненужный и нездоровый интерес. Сами бесы рады обеим ошибкам»[82].

— Знаете, Гэри... возможно, в Американской ассоциации христианских консультантов эта идея и пользуется успехом, но светские психологи вряд ли согласятся, что верить в нечистую силу разумно и логично!

Эти слова, вопреки моему желанию, прозвучали слегка пренебрежительно, и я подумал, что Коллинз обидится, — но он не стал обижаться.

— Забавно, как все меняется, — задумчиво произнес он. — Современное общество помешано на «духовности». Это слово можно услышать где угодно и подразумевается под ним что угодно — кроме сверхъестественного. Интересно наблюдать, во что верят в наши дни психологи: одни помешаны на восточной мистике и эзотерике, другие — на шаманизме... Четверть века назад любого, кто заговорил бы об одержимости бесами, подняли бы на смех; сегодня многие психологи начинают понимать, что на земле и на небе есть много такого, чего наши теории объяснить не в силах.

«НЕЛЕПЫЙ ВЗДОР»

По ходу беседы мы с Коллинзом немного отклонились от основной темы интервью. По пути домой, обдумывая наш разговор, я мысленно вернулся к главному вопросу, который привел меня к Гэри: Иисус называл Себя Богом, но был ли Он Им?

Никто не утверждает, что Он намеренно вводил людей в заблуждение. Но вот теперь Коллинз, психолог с тридцатипятилетним стажем, говорит, что и душевнобольным Он тоже не был…

Так или иначе, у меня оставался вопрос: обладал ли Иисус всеми атрибутами Бога? Одно дело — заявлять о своей божественности, и совсем другое — воплощать в себе все божественные черты.

Остановившись перед светофором, я вынул из портфеля записную книжку и нацарапал: «Найти Карсона». Следующую тему я намеревался обсудить не с кем-нибудь, а с одним из ведущих богословов страны.

После встречи с Гэри Коллинзом мне захотелось внимательно перечитать Евангелия — в частности, все, что говорил Сам Иисус. Я читал целый вечер, но не нашел ни слова, которое намекало бы на помешательство, бред или паранойю. Напротив: я был в очередной раз потрясен Его бесконечной мудростью, искренностью и проницательностью, Его поэтическим и ораторским даром, глубиной Его сострадания. Приведу слова историка Филипа Шаффа (Philip Schaff), сумевшего выразить это куда лучше, чем я:

«Неужели этот ум — ясный как небо, чистый, как горный воздух, острый и пронзительный, как меч, идеально здоровый, энергичный, никогда не дремавший и не терявший самообладания — мог заблуждаться относительно того, что он собой представляет и в чем его предназначение? Нелепый вздор!»[83]

Вопросы для размышления

1. Иисус утверждал, что Он Бог, — но и пациент психиатрической больницы может провозгласить себя богом. В чем отличия между этим заявлениями?
2. Прочтите заповеди Иисуса, обычно называемые заповедями блаженства (Евангелие от Матфея 5:1 — 12). Что вы можете сказать о Его уме, ораторском искусстве, даре сострадания, знании человеческой природы, умении внушать людям главные истины и, в конечном итоге, о психическом здоровье?
3. Вы узнали отношение Коллинза к той идее, что чудеса Иисуса можно объяснить действием гипноза. Кажется ли вам эта гипотеза перспективной? Поясните свою точку зрения.

На ту же тему

Collins, Gary R. Can You Trust Psychology? Downers Grove, Ill.: InterVarsity Press, 1988.
_____. Christian Counseling: A Comprehensive Guide. Waco, Tex.: Word, 1988.
_____. The Soul Search. Nashville: Nelson, 1998.
Lewis, C. S. The Screwtape Letters. London: Collins–Fontana, 1942.

9. СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ. *Обладал ли Иисус всеми атрибутами Бога?*

В чикагской квартире были убиты восемь студенток медицинского колледжа. В живых осталась одна-единственная девушка — она спряталась под кроватью и только поэтому уцелела. Оттуда, из своего прибежища, она успела хорошо разглядеть убийцу. Вскоре после этого ужасного события эта девушка, все еще дрожа от ужаса, составляла вместе с художником из полиции подробный словесный портрет преступника.

Рисунок, составленный по ее описанию, в мгновение ока был распространен по всему городу. Портрет преступника появился в полицейских участках, на вокзалах, в больницах, в аэропорту. Вскоре в полицию позвонил врач травматологического пункта и сообщил, что оказывал первую помощь человеку, похожему на преступника на портрете — «с таким же жестким взглядом». Так полиции удалось оперативно схватить Ричарда Спека, человека без определенных занятий, совершившего это ужасное преступление. Он был осужден и спустя тридцать лет умер в тюрьме[84].

С 1889 года, когда специалисты Скотланд-Ярда впервые на основании свидетельских показаний составили и нарисовали портрет преступника, судебные художники играют важную роль в обеспечении правопорядка. С полицией США сотрудничает более трехсот художников-графиков, и все больше отделений полиции переходит на компьютеризированную систему составления портретов — так называемый электронный метод воссоздания внешности. С помощью этого метода в 1997 году удалось, к примеру, схватить преступника, который пытался похитить женщину в торговом центре, всего в нескольких милях от моего дома в пригороде Чикаго. Жертва описывала внешность преступника, а специалист за компьютером подбирал нужную форму носа, линию рта, прическу и так далее. Портрет был разослан по факсу во все районные отделения полиции, и один из следователей сразу узнал в нем точную копию преступника, с которым ему уже приходилось иметь дело. К счастью, арестовать его удалось довольно быстро, и это действительно оказался незадачливый похититель[85].

Как все это связано с нашими попытками установить истину об Иисусе? Вот как: Ветхий Завет подробнейшим образом описывает нам Бога. Мы узнаем, что Бог вездесущ — Он существует сразу во всей Вселенной; Бог всеведущ — Ему известно все, что только может быть известно в вечности; Бог всемогущ — Ему подвластно все сущее; Бог предвечен — Он вне времени, и Он же — причина времени; Бог неизменен — Его атрибуты не меняются. Он добр, Он свят, Он праведен, Он мудр, Он справедлив.

Итак, Иисус утверждает, что Он — Бог. Но обладает ли Он всеми атрибутами божества? Иными словами, совпадает ли Его описание со «словесным портретом» Бога, который дан нам в Библии? Если нет — значит, Иисус не Бог.

Вопрос этот чрезвычайно сложен и с трудом поддается осмыслению. Так, например, когда Иисус читал Нагорную проповедь неподалеку от Капернаума, Он не находился в тот же момент в Иерихоне — так в каком же смысле Его можно называть вездесущим? Как мы можем называть Его всеведущим, если в Евангелии от Марка 13:32 Он Сам признает, что не знает будущего? Если Он предвечен и вне времени, почему Послание к Колоссянам 1:15 называет Его «рожденным прежде всякой твари»?

Все это поначалу может навести на мысль, что личность Иисуса не соответствует «словесному портрету» Бога. Но за годы работы я убедился в том, что первое впечатление чаще всего обманчиво. Вот почему меня так радовала возможность обсудить эту тему с доктором Карсоном (D. A. Carson), богословом, одним из самых выдающихся христианских мыслителей последних десятилетий.

Интервью восьмое: ДОНАЛЬД А. КАРСОН, д-р философии

Д. А. Карсон — профессор и научный сотрудник Евангельской богословской школы Святой Троицы, автор и редактор более четырех десятков книг. Среди них — «Нагорная проповедь» *(“The Sermon on the Mount”)*, «Ошибки экзегетики» (*“Exegetical Fallacies”*), «Евангелие по Иоанну» (*“The Gospel According to John”*), а также знаменитая, отмеченная наградами книга «Бог шутит» (“The Gagging of God”).

Карсон владеет четырьмя языками (своим прекрасным французским он обязан детским годам, проведенным в Квебеке). Он — сотрудник общества библейских исследований Тиндла, Общества библейской литературы и Института библейских исследований. Сфера его научных интересов широка чрезвычайно — исторические свидетельства об Иисусе, постмодернизм, греческая грамматика, богословие апостолов Павла и Иоанна...

Карсон начал свою исследовательскую карьеру с химии (степень бакалавра естественных наук в университете Макгилл), потом стал заниматься богословием и получил степень магистра, а затем отправился в Англию, где в престижном Кембриджском университете защитил докторскую диссертацию по Новому Завету. Он преподавал в трех разных колледжах и семинариях — до 1978 года, когда перешел на работу в школу Святой Троицы.

Я никогда прежде не встречался с Карсоном, и, направляясь в Евангельскую богословскую школу Святой Троицы, ожидал увидеть чопорного «ученого сухаря». Однако с первого же взгляда стало ясно, что передо мной хотя и самый настоящий ученый, но отнюдь не сухарь. Карсон буквально поразил меня теплотой и искренностью, а также терпением, с какими отвечал на мои вопросы, порой весьма язвительные.

Наша беседа проходила в просторной комнате отдыха преподавателей, где кроме нас не было ни души — шли рождественские каникулы. Мой собеседник был одет в белую ветровку, синие джинсы и кроссовки «Адидас». Мы познакомились, немного поболтали и пошутили о любимой нами Англии (Карсон в течение многих лет бывал там наездами, а его жена Джой — англичанка); затем я достал записную книжку, включил диктофон — и начался разговор, ради которого я приехал.

ЖИТЬ И ПРОЩАТЬ, ПОДОБНО БОГУ

В первую очередь я хотел выяснить, почему сам Карсон считает Иисуса Богом.

— Какие слова и дела Иисуса убеждают вас в Его божественности? — спросил я.

Я предполагал, что Карсон начнет рассказывать о чудесах, — но ошибся.

— Конечно, можно было бы сказать, что Иисус творил чудеса, — начал он, словно прочитав мои мысли, — но чудеса творили и другие; это условие необходимое, но недостаточное. Разумеется, главное и исчерпывающее доказательство Его божественной природы — Воскресение. Но самым поразительным из всего, что Он делал, мне кажется прощение грехов.

— Вот как? — я развернулся в кресле, чтобы сидеть с ним лицом к лицу. — Но почему?

— Понимаете ли... Если вы обидели меня, я имею право вас простить. Но вот представьте: вот вы меня обидели, и вдруг появляется кто-то третий и заявляет вам: «Я тебя прощаю». Что за дерзость?! Единственный, кто имеет полное право сказать так, — это Бог, потому что грех, пусть даже против другого человека, есть в первую очередь отрицание Бога и Его законов. Совершив прелюбодеяние и подстроив гибель мужа своей возлюбленной, царь Давид кается перед Богом в Псалме 50: «Тебе, Тебе единому согрешил я и лукавое пред очами Твоими сделал». Он признает, что, согрешив против ближнего, он в конечном итоге согрешил против Бога, сотворившего его по Своему образу, и потому нуждается в Божьем прощении.

И вот появляется Иисус и объявляет грешникам: «Я прощаю вас». Иудеи мгновенно углядели в этом богохульство: «Кто может прощать грехи, кроме одного Бога?» Вот почему для меня прощение грехов — самое удивительное из всего, что делал Иисус.

— Но Иисус не только прощал грехи, — добавил я. — Он утверждал, что Сам Он безгрешен. А безгрешность, безусловно, атрибут божества.

— Верно, — ответил Карсон. — В нашей культуре исторически сложилось так, что люди, которых считают праведниками, особенно чутки к собственным ошибкам и прегрешениям. Они осознают свои недостатки и слабости, свою похоть, свои обиды, и с Божьей помощью стремятся преодолеть их. И им это удается — да так хорошо, что окружающие называют их «святыми». А Иисус говорил с самым серьезным видом: «Кто из вас обличит Меня в грехе?» Если бы такое заявил я, то моя жена, дети и все, кто меня знает, не упустили бы случая припомнить мне все мои прегрешения. Ответом же Иисусу было молчание.

Да, нравственное совершенство и прощение грехов — несомненные признаки божества; однако, чтобы соответствовать «словесному портрету» Бога, Иисус должен был обладать и другими атрибутами. Мой первый вопрос прозвучал вполне безобидно; теперь же я всерьез вознамерился загнать собеседника в угол.

ТАЙНА ВОПЛОЩЕНИЯ

Я перелистал свои прежние записи — и обрушил на Карсона град вопросов:

— Скажите, доктор Карсон, как можно говорить о вездесущности Иисуса, если Он не мог находиться в нескольких местах одновременно? О каком всеведении может идти речь, когда Он Сам говорил, что Сын Человеческий не знает часа Своего возвращения? Кто может назвать Его всесильным, если в Евангелиях сказано, что в Своем родном городе Он «не совершил многих чудес»? — Для пущей убедительности я нацелил на него ручку и закончил: — Давайте честно признаем: сама Библия противится Его претензиям на роль Бога!

Карсон не стал увиливать, хотя и начал с того, что простых ответов на эти вопросы не существует. В конце концов, они нацелены в самое сердце доктрины воплощения: Бог становится человеком, дух облекается в плоть, бесконечное делается конечным, вечное — временным. Учение о воплощении занимает богословов уже много веков; и Карсон заговорил о том, как на протяжении столетий ученые отвечали на все эти вопросы.

— История знает несколько подходов к этой теме, — начал он «учительским» голосом. — Например, в конце девятнадцатого века великий богослов Бенджамин Уорфилд исследовал Евангелия на предмет разделения божественного и человеческого в Иисусе. Поступки Иисуса, указывающие на то, что Он — Бог, Уорфилд относил к Его божественной природе; все же, что предполагало ограничения, пределы, человеческие качества — к природе человеческой. Например, плакал ли Иисус — да, плакал; Его слезы говорили о Его человечности.

Мне показалось, что этот метод полон изъянов.

— Если так подходить к вопросу, то не получится ли у нас Иисус шизофреник? — спросил я.

— Возможно — если подходить неразумно. Все христианские конфессии сходятся в том, что божественность и человечность Иисуса различны, но объединены в одной Личности. Вы боитесь прийти к выводу, что у Него было два разума — человеческий разум Иисуса и божественный разум Христа? Но такое мнение существует — и, возможно, в нем что-то есть.

Есть и другое объяснение — кеносис, что в переводе с греческого означает «опустошение». Оно вытекает из второй главы Послания к Филиппийцам, где апостол

Павел говорит нам, что Иисус, «будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил Себя». Более точным переводом было бы «опустошил». Он стал Никем.

Звучало довольно туманно.

— Вы не могли бы пояснить? — попросил я. — Опустошил от чего именно?

Кажется, я случайно попал в самую точку. Карсон удовлетворенно кивнул:

— В том-то и вопрос. Люди столетиями предлагают самые разные ответы на него. Может быть, Он опустошил Себя от Своей божественности? Но тогда Он перестал бы быть Богом. Может быть, от божественных атрибутов? С этой идеей я совсем не могу согласиться: как отделить атрибуты от сущности? Если у вас имеется животное, которое выглядит как лошадь, пахнет как лошадь, движется как лошадь и обладает всеми атрибутами лошади, — значит, у вас имеется лошадь. Я не понимаю, как можно освободиться от атрибутов божественности и при этом оставаться Богом. Есть еще одна точка зрения: «Он избавился не от атрибутов как таковых, а от их использования» — то есть речь идет о самоограничении. Это уже ближе, хотя так бывало не всегда: Он прощал грехи, как может прощать только Бог, — это атрибут божества.

Иные пошли дальше: «Он опустошил Себя от *самостоятельного и независимого* использования божественных атрибутов». То есть, Он действовал как Бог только тогда, когда Его Небесный Отец давал Ему на то разрешение. И, надо сказать, это еще ближе. Проблема только в том, что в определенном смысле предвечный Сын всегда действовал в соответствии с заповедями Отца. И все-таки это близко к истине.

Я чувствовал, что мы кружим где-то у центра мишени — но попадем ли в яблочко? То же, вероятно, ощущал и Карсон.

— Строго говоря, — сказал он, — вторая глава Послания к Филиппийцам не объясняет нам, от чего именно избавился Иисус. Он опустошил Себя; Он стал никем. Давайте будем честны перед собой: сколь бы ни был сложен вопрос об опустошении, ясно одно — по сути, он сводится к Воплощению, одной из главных тайн христианства. Бесформенный, бесплотный, всеведущий, вездесущий, всесильный Дух — и конечные, осязаемые, материальные, бренные создания. Идея превращения первого во второе окутана великой тайной. Потому христианское богословие состоит не в том, чтобы всему найти объяснение и оправдание, а в том, чтобы собрать воедино все библейские свидетельства и найти способы их синтеза, которые будут логичными и последовательными, даже если некоторые места так и останутся без объяснений.

Таким витиеватым способом Карсон пытался сказать, что богословов устраивают логичные и стройные теории, даже если они не объясняют всех нюансов Воплощения. В каком-то смысле это показалось мне разумным. В конце концов, если Воплощение — истина, то не удивительно, что ее не постичь ограниченным человеческим разумом.

Я подумал: действительно, если Иисус по доброй воле «опустошил» Себя, отказавшись от применения божественных атрибутов, то понятно, почему Его всеведение, всемогущество и вездесущность обычно не проявлялись в Его земном бытии, — хотя Новый Завет ясно свидетельствует о том, что Иисус обладал всеми этими качествами.

Но это было далеко не все, что я хотел узнать. Я перевернул страничку в записной книжке и приступил к вопросам иного рода — о тех стихах Библии, которые, как мне казалось, прямо противоречат утверждениям Иисуса о Его божественности.

ТВОРЕЦ ИЛИ ТВОРЕНИЕ?

Чтобы соответствовать библейскому «словесному портрету» Бога, Иисусу, в частности, надлежало быть предвечным и несотворенным. Книга пророка Исаии 57:15 называет Бога «вечно Живущим». Но, сказал я Карсону, некоторые стихи Священного Писания явно намекают, что Иисус был сотворен!

— Например, — начал я, — в Евангелии от Иоанна 3:16 Иисус назван «Единородным» Сыном Божьим, а в Послании к Колоссянам 1:15 — «Первенцем». Разве отсюда не следует, что Он был Созданием, а не Создателем?

Как я уже говорил, одна из сфер научных интересов Карсона — греческая грамматика; к ней-то он и обратился, отвечая на мой вопрос.

— Начнем с Евангелия от Иоанна 3:16, — произнес он. — В Библии короля Иакова этот текст древнегреческого оригинала переведен как «Его Единородный сын». Те, кто считает этот перевод правильным, обычно связывают эти слова с Воплощением — то есть с тем, что Иисус рожден от Девы Марии. На самом же деле, греческое слово подразумевало нечто иное, а именно — «единственный», «неповторимый». В I веке оно обычно употреблялось в значении «единственный и любимый». Таким образом, Евангелие от Иоанна 3:16 скорее говорит нам, что Иисус — единственный и любимый Сын Божий, нежели что Он онтологически был рожден во времени.

— Хорошо. А остальные стихи? — спросил я.

— Что ж, посмотрим на Послание к Колоссянам 1:15. Библия короля Иакова употребляет в этом стихе слово «Первенец». Подавляющее большинство толкователей, как консервативных, так и либеральных, признает, что в Ветхом Завете первенец по закону получал львиную долю наследства, а если речь идет о царском роде, то именно первенец сменял на престоле отца. Таким образом, первенец наследовал все отцовские права. Ко II веку до Рождества Христова в некоторых регионах это слово окончательно утратило оттенок первородства; оно несло в себе лишь идею власти, вытекающей из положения полноправного наследника. Именно в этом смысле, как признают практически все ученые, оно и применено по отношению к Иисусу. В свете этого изначальное значение слова «первенец» отчасти уводит нас в сторону от истины.

— А какой перевод был бы адекватным? — спросил я.

— Думаю, что уместнее было бы перевести это как «высший наследник».

Казалось бы, с этим стихом из Послания к Колоссянам мы разобрались; но Карсон на этом не остановился:

— Если уж говорить о Послании к Колоссянам 1:15, то этот стих следует воспринимать в контексте другого — девятого стиха второй главы, где тот же автор пишет: «Ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно». Автор не может противоречить сам себе! Вот почему термин «Первенец» вовсе не исключает предвечности Иисуса — ведь она входит в понятие «всей полноты Божества».

Ответ был исчерпывающим. Но у меня оставались и другие каверзные вопросы. Например, в десятой главе Евангелия от Марка некто назвал Иисуса «благим учителем», на что Иисус немедленно ответил: «Что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог».

— Разве этими словами Иисус не дает понять, что Он — не Бог? — спросил я.

— Нет. Мне кажется, он всего лишь хотел, чтобы этот человек как следует подумал о том, что сказал. Параллельный эпизод в Евангелии от Матфея изложен несколько шире и не оставляет впечатления, будто Иисус принижает Свою божественность. По-моему, Он просто хотел сказать: «Погоди-ка! Почему ты называешь меня «благим»? Не слишком ли легко ты относишься к словам? Уж не пытаешься ли ты подольститься ко мне?» Да, если подходить серьезно, то благ один лишь Бог. Но, говоря это, Иисус не подразумевал: «...и потому не называйте Меня так». Он имел в виду совсем другое: «Понимаете ли вы, что говорите? Осознаете ли смысл

своих слов? Действительно ли относитесь ко Мне как к Богу?» Его слова можно воспринимать и так: «Я — Тот, о Ком ты говоришь; твои речи умнее тебя!» или «Не смей называть Меня так; в следующий раз ты вместе со всеми будешь кричать «этот грешник Иисус»». Так как же нам толковать эту фразу, учитывая все остальное, что говорит и делает Иисус?

В других стихах Нового Завета Иисус столько раз назван «безгрешным», «святым», «праведным», «чистым», «непорочным» и «отделенным от грешников», что ответ был очевиден.

БЫЛ ЛИ ИИСУС «ВТОРОСТЕПЕННЫМ» БОГОМ?

Но если Иисус Бог, то какой — равный Отцу или какой-то «нижестоящий» бог, обладающий атрибутами божества и все же не вполне соответствующий «словесному портрету» Бога, нарисованному в Ветхом Завете?

— В Евангелии от Иоанна 14:28 Иисус говорит: «Отец Мой более Меня». И некоторые делают из этого вывод, что Иисус был неким «второсортным» богом. Правы ли они? — спросил я Карсона.

Он вздохнул.

— Мой отец был проповедником, и дома у нас бытовала присказка: «Текст без контекста — тридцать три подтекста». Стих, приведенный вами, очень важно рассматривать в контексте. Иисус известил учеников, что скоро покинет их. Видя, как удручены и подавлены Его апостолы, Он сказал: «Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я сказал: иду к Отцу; ибо Отец Мой более Меня». Иными словами, Он дал понять, что возвращается к славе, по праву принадлежащей Ему; поэтому, если ученики понимают, Кто Он, и действительно любят Его, они должны радоваться, что Учитель вновь возвращается туда, где Он больше, чем на земле. В Евангелии от Иоанна 17:5 Иисус говорит: «И ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира». Фраза «Отец Мой более Меня» — о том же. Говоря, что кто-то больше нас — то есть более велик, — мы не подразумеваем превосходства в онтологическом смысле. Если, к примеру, я скажу, что президент США «более» меня, это не будет означать, что я считаю его высшим существом. Он значительнее меня во всем, что касается военной мощи, искусства политики, общественного признания, — но при всем при том он такой же человек, как и я.

Так что, когда Иисус говорит: «Отец Мой более Меня», следует вникнуть в контекст и задаться вопросом, подразумевает ли он: «Отец Мой более Меня, потому что Он — Бог, а Я — нет». Честно говоря, такая ситуация кажется мне смехотворной. Представьте: я поднимаюсь на кафедру и обращаюсь к прихожанам: «Торжественно заявляю вам: Бог более велик, чем я!» Глубокомысленное наблюдение, ничего не скажешь!

Подобное сравнение имеет смысл только в одном случае: когда оба стоят на одном уровне, и речь идет только об установлении каких-то границ. Иисус ограничен Воплощением, Ему предстоят крестная мука и гибель, но потом Он вернется к Отцу и к славе, которую имел у Отца прежде бытия мира. По сути, Он говорит ученикам: «Вы плачете по Мне, а должны бы радоваться, потому что Я возвращаюсь домой». Вот что означают слова «Отец Мой более Меня».

— Значит, — уточнил я, — в этом стихе не кроется отрицание Его божественной природы?

— Нет, — уверенно произнес он. — Безусловно, нет. Это со всей очевидностью вытекает из контекста.

МУЧИТЕЛЬНЫЙ ВОПРОС

Библия учит, что Отец добр и любит Своих детей. То же говорит Новый Завет об Иисусе. Но если Он добр, как же Он может отправлять людей в ад? К тому же в учении Иисуса об аде сказано больше, чем в остальном Писании. Не противоречит ли этот факт утверждениям о Его благости, кротости и милости?

Задав Карсону этот вопрос, я сопроводил его весьма резкими словами агностика Темплтона: «Как мог сострадательный и милосердный Отец Небесный сотворить бесконечный ад и веками посылать туда миллионы людей только за то, что они не могут или не хотят принять некие религиозные убеждения?»

Этот вызывающий вопрос ничуть не рассердил Карсона.

— Давайте-ка проясним, — сказал он. — Для начала, я вовсе не уверен, что Бог посылает людей в ад просто потому, что они не придерживаются определенных убеждений.

Он немного подумал и, стремясь дать максимально полный и подробный ответ, начал издалека — с темы, которую большинство современных людей считает нелепым анахронизмом. Он заговорил о грехе.

— Представьте себе Бога в начале Творения, с мужчиной и женщиной, которых Он сотворил по Своему образу и подобию. Первая их мысль, как только они просыпаются поутру, — мысль о Боге. Они искренне любят Его. Им радостно делать то, что Он им велит. Их отношения с Богом и между собой полны гармонии.

Но человек пал: он взбунтовался против Бога. Сотворенный по Его образу, он возомнил себя центром Вселенной. Не буквально, конечно, — но Адам и Ева мыслили именно так. И именно так мыслим мы с вами. Все, что мы называем «социальной патологией» — война, злоба, насилие, тайная зависть, гордыня, комплекс неполноценности, — связано в первую очередь с тем, что из наших отношений с Богом ушла гармония. Вслед за грехом в мир вошло страдание.

В глазах Бога это ужасно, это омерзительно. Что же Ему делать? Если Он скажет: «Ну и ладно, Мне это безразлично», — значит, Его не волнует зло. Это как если бы мы с вами сказали: «Ах, истребление евреев — ну, мне это безразлично». Разве не страшно подумать, что Бог может быть равнодушен к таким вещам?

Но если Он неравнодушен к таким вещам, значит, Он неравнодушен и к тому, что люди, которых Он сотворил по Своему образу и подобию, потрясают перед Его ликом жалкими кулачками и распевают вместе с Фрэнком Синатрой: «Я делаю то, что хочу». Такова подлинная природа греха.

Исходя из этого, люди приговариваются к аду не потому, что они верят не в то, что нужно, хотя в общем и целом они славные ребята. Люди приговариваются к аду, потому что отвергают своего Создателя и хотят быть «пупом земли». В аду содержатся не кающиеся грешники, которых недобрый Бог не желает выпускать оттуда, а те, кто, презрев вечную жизнь, стремится быть центром Вселенной и упорствует в своем бунте против Бога. Что же Богу остается делать? Если Он скажет, что Ему это безразлично, значит, это не тот Бог, которому мы служим, а какой-то другой, равнодушный и откровенно жестокий. Если бы Он поступал иначе с теми, кто дерзко Его отвергает, то тем самым свел бы на нет Свое божество.

— Да, — перебил я, — но, похоже, людей ужасает сама мысль о том, что Бог обрекает Свои создания на вечную муку. Ведь это жестоко, разве не так?

— Во-первых, — ответил Карсон, — Библия учит, что за разные грехи полагаются разные наказания, потому я не уверен, что все страдают в равной мере. Во-вторых, если Бог сложит руки и откажется от этого падшего мира, то все плохое, вся низость и жестокость, которая есть в человеке, вырвется на волю — и тогда ад настанет на земле. Мы сами его тут устроим. Если мы допустим мысль о том, что всех грешников следует собрать в одном месте, где они никому не сумеют причинить вреда, кроме как друг другу, — то что мы получим, как не идею ада? В каком-то смысле ад — то, что грешники творят сами для себя, и то, к чему они стремятся, отказываясь от покаяния.

Карсон умолк, и мне показалось, что он закончил; но он произнес еще одну очень важную вещь:

— Библия ясно утверждает, что в конце не просто свершится справедливость, но и все увидят, как она свершится, — и ни один человек не посетует, что с ним обошлись неправедно.

Я ухватился за последнюю фразу:

— Иными словами, в час Суда никто на свете не сможет сказать, что Бог был к нему несправедлив? Все признают, что Бог судит мир и человечество по законам высшей справедливости?

— Это так, — твердо сказал Карсон. — В этом мире мы каждый день сталкиваемся с несправедливостью. Но в Судный День справедливость свершится — и это увидит каждый. Никто не сможет сказать: «Это несправедливо!»

ИИСУС И РАБСТВО

У меня оставался один очень важный вопрос. Я глянул на часы и спросил:

— У вас найдется еще несколько минут?

Карсон уверил, что да, и я заговорил на тему, вызывающую множество споров.

— Если Иисус — Бог, Он должен быть совершенен с точки зрения нравственности. Однако некоторые критики христианства утверждают, что именно здесь Он «не дотягивает» до идеала, поскольку, по их мнению, молчаливо оправдывает такую отвратительную и позорную практику, как рабство. Мортон Смит (Morton Smith) пишет:

«Бессчетное число рабов было у римского государства и у самого императора; рабы были у Иерусалимского Храма; рабы были у первосвященника (один из них во время ареста Иисуса лишился уха); рабы были у всех богатых людей и почти у всех состоятельных. Насколько нам известно, Иисус никогда не выступал против этой практики... Во времена Его юности на территории Палестины и Иордании вспыхивали восстания рабов; будь предводителем такого восстания чудотворец — число восставших, несомненно, увеличилось бы во много крат. Если бы Иисус обличал рабство или обещал свободу, мы бы наверняка знали об этом. Однако об этом не сказано ни слова; следовательно, более чем резонно заключить, что ничего подобного Он не говорил»[86].

Выходит, Иисус ничего не делал для искоренения рабства. Как же примирить это с Божьей любовью ко всему человечеству?

— Почему Иисус не провозгласил в полный голос: «Рабство — это зло»? — спросил я Карсона. — Почему Он ничего не сделал для ниспровержения социального института, который принижал людей, сотворенных по образу Божьему? Не говорит ли это о Его нравственной ущербности?

Карсон выпрямился в кресле.

— Честно говоря, я думаю, что люди, высказывающие эту идею, упускают самое главное. Если позволите, я попытаюсь нарисовать картину рабства — древнего и современного, поскольку совершенно очевидно, что в нашем обществе это понятие приобрело оттенок, которого не было в древнем мире.

— Продолжайте, прошу вас, — произнес я.

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ РАБСТВА

— В своей книге «Раса и культура» (*“Race and Culture”*) исследователь Томас Соуэлл (Thomas Sowell), афроамериканец, подчеркивает, что вплоть до нашей эпохи рабство было присуще всем без исключения мировым культурам, — начал Карсон. — Хотя рабство и было связано с завоеваниями, роль его была в первую очередь экономической. Законов о финансовой несостоятельности в те времена не было, поэтому человек, который не мог расплатиться с долгами, продавал себя или свою семью в рабство. Становясь рабом, он избавлялся от обязанности выплачивать долг и получал работу, а, следовательно, и возможность выжить. Выходит, рабство не всегда было худшим выходом из положения.

Пожалуйста, поймите меня правильно: я совершенно не намерен романтизировать рабство. Однако во времена Древнего Рима рабы были очень разными: одни прислуживали и выполняли черную работу, другие же занимались преподаванием и имели примерно такое же образование, как у нынешних докторов философии. Кроме того, институт рабства не предполагал расовых различий. В Америке дело обстояло иначе: рабами были черные, только черные и все черные. Это было ужасно хотя бы потому, что на долгие годы породило несправедливую идею о превосходства белой расы — предрассудок, с которым многим из нас приходится бороться по сей день.

А теперь посмотрим, как обстояло дело в библейские времена. По еврейскому закону, каждый юбилейный год полагалось отпускать всех рабов. На практике это означало, что запрет на рабство вступал в силу раз в семь лет. Неизвестно, всегда ли и всеми ли выполнялся этот закон, но все знали: так повелел Бог. Иисус рос и воспитывался с этим знанием.

Но не будем забывать о Его миссии. Он пришел на землю не затем, чтобы свергнуть римское владычество и разрушить римскую экономику, включавшую в себя рабство. Он пришел освободить людей от их грехов, преобразить их, чтобы они полюбили Бога всем сердцем, всей душой, всем разумом и всей силой, чтобы они возлюбили ближнего своего, как себя. Могло ли это не повлиять на саму идею рабства?

Посмотрите, что пишет апостол Павел в Послании к Филимону о беглом рабе по имени Онисим. Павел не говорит, что рабство необходимо отменить, — за такие слова его бы просто казнили. Вместо этого он настойчиво просит Филимона отнестись к Онисиму не как к рабу, а как к самому Павлу, как к брату во Христе!

Итак, чтобы избавиться от рабства, мало изменить экономику — люди должны измениться сами, под действием преображающей силы Евангелия. Все мы видели, чем кончается насильственное разрушение экономической системы и навязывание нового порядка. На идее «нового человека» зиждились все коммунистические идеалы. Беда в том, что найти этого нового человека коммунистам так и не удалось. Они свергли тех, кто угнетал крестьян, но это не значит, что крестьяне стали свободными, — просто одно иго сменилось другим. Чтобы по-настоящему что-то изменить, сначала нужно преобразить человеческое сердце. Это закон. И в этом заключалась миссия Иисуса.

Соуэлл затрагивает еще один принципиально важный вопрос: как все-таки прекратилось рабство? Стимулом к этому, отмечает он, послужило евангельское пробуждение Англии. В начале девятнадцатого века англичане парламентскими средствами добились отмены рабства у себя дома — и постепенно, не без помощи военной силы, уничтожили работорговлю во всей Атлантике. В свое время одиннадцать миллионов африканцев были отправлены в Америку, и многие не пережили путешествия. Еще тринадцати миллионам предстояло стать рабами в арабском мире. И опять-таки англичане, под влиянием тех, чьи сердца преобразил Иисус, воспротивились этому, отправив свои канонерки в Персидский залив.

Ответ Карсона показался мне разумным не только с точки зрения исторической истины, но и в контексте моего жизненного опыта. Много лет назад я познакомился с одним бизнесменом — оголтелым расистом. На людей другого цвета кожи он

смотрел свысока и пренебрежительно. Он не скрывал своего презрения к афроамериканцам, выплескивая желчь в издевательских шутках и ядовитых замечаниях. Это был настоящий фанатик, на которого не действовал никакой здравый смысл, никакие аргументы.

Затем он уверовал в Иисуса. И я с изумлением наблюдал за тем, как вместе с преображенной Богом душой менялись его убеждения и ценности. Он начал понимать, что не вправе питать злобу к кому бы то ни было, ибо Библия учит нас, что каждый человек сотворен по образу и подобию Бога. И сегодня я могу положа руку на сердце сказать, что этот человек искренне заботится о других и принимает их такими, какие они есть, в том числе и людей иного цвета кожи.

Этого человека не изменили ни законы, ни доводы разума, ни попытки воззвать к его лучшим чувствам. Его изменил Бог — явно, всецело и навсегда. И это лишь один из примеров силы Евангелия, о которой говорил Карсон, — силы, преображающей мстительную ненависть в доброту, бессердечность — в милосердие, алчность — в щедрость, жажду власти — в бескорыстное служение, а стремление властвовать и порабощать — в человеколюбие. И это целиком и полностью согласуется со словами апостола Павла из Послания к Галатам 3:28: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе».

«СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ БОГА»: ПОЛНОЕ СООТВЕТСТВИЕ!

Наша беседа, временами достигавшая довольно высокого накала, длилась более двух часов — мне пришлось несколько раз менять пленку в диктофоне. Чтобы облечь все услышанное в письменную форму, понадобилось бы гораздо больше места, чем занимает эта глава. На все мои вопросы Карсон отвечал подробно и логично, со знанием дела, прекрасно аргументируя свои доводы. Однако главный вопрос — о том, что же такое Воплощение, — так и остался без ответа. Но сам факт Воплощения, согласно Библии, сомнению не подлежит, пусть даже мы и не знаем, как именно Дух облекается плотью. В Иисусе Христе, говорит Новый Завет, проявились все атрибуты Бога:

- Всеведение? В Евангелии от Иоанна 16:30 апостол обращается к Иисусу: «Теперь видим, что Ты знаешь все».
- Вездесущность? В Евангелии от Матфея 28:20 Иисус заверяет: «Се, Я с вами во все дни до скончания века», а в том же Евангелии 18:20 — «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них».
- Всемогущество?«Дана Мне всякая власть на небе и на земле», — утверждает Иисус в Евангелии от Матфея 28:18.
- Предвечность? В Евангелии от Иоанна 1:1 апостол говорит об Иисусе: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».
- Неизменность? В Послании к Евреям 13:8 сказано:«Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же».

Ветхий Завет, рисуя портрет Бога, называет Его Альфой и Омегой, Господом, Спасителем, Царем, Судией, Светом, Скалой, Искупителем, Пастырем, Творцом, дающим жизнь, прощающим грехи и обладающим высшей властью. Просто поразительно, до какой степени все это совпадает с новозаветным описанием Иисуса[87]! И Сам Иисус говорит в Евангелии от Иоанна 14:7: «Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего». Вот вольный перевод этого стиха: «Посмотрите на портрет Бога в Ветхом Завете и убедитесь, что Он как две капли воды похож на Меня».

Вопросы для размышления

1. Прочтите в Послании к Филиппийцам 2:5 — 8 о том, как Иисус «опустошил» Себя, «быв послушным даже до смерти, и смерти крестной», и подумайте, почему Он так поступил? Затем прочтите стихи 9 — 11. В чем состояла Его миссия? На основании чего в один прекрасный день весь мир поймет, что Иисус — Господь?
2. Не стала ли идея ада препятствием на вашем духовном пути? Какие мысли и чувства вызвала у вас позиция Карсона?
3. Карсон раскрыл смысл стихов Библии, на первый взгляд позволяющих предположить, что Иисус — творение Божье или «второстепенный бог», меньший, нежели Бог-Создатель. Находите ли вы его аргументы убедительными и почему? Согласны ли вы с тем, что для верного понимания стихов Писания необходим контекст, в том числе и исторический?

На ту же тему

Harris, Murray J. Jesus as God. Grand Rapids: Baker, 1993.

Martin, W. J. The Deity of Christ. Chicago: Moody Press, 1964.

McDowell, Josh, and Bart Larson. Jesus: A Biblical Defense of His Deity. San Bernardino, Calif.: Here's Life, 1983.

Stott, John. Basic Christianity. Grand Rapids: Eerdmans, 1986.

Zodhiates, Spiros. Was Christ God? Grand Rapids: Eerdmans, 1966.

10. ОТПЕЧАТКИ ПАЛЬЦЕВ. *Отождествляется ли личность Мессии с Иисусом — и только ли с Ним?*

Был ничем не примечательный субботний день. После обеда житель Чикаго Кларенс Хиллер красил перила в своем двухэтажном доме на 104-й Западной улице. Спать в этот вечер Хиллеры отправились довольно рано... Тому, что произошло в эту ночь — ночь на 19 сентября 1910 года, — суждено было навсегда изменить уголовное право Соединенных Штатов Америки.

Супруги Хиллеры проснулись задолго до рассвета и обнаружили, что газовая лампа возле комнаты дочери почему-то не горит. Это показалось им подозрительным. Кларенс вышел посмотреть, в чем дело. Его жена услышала звуки потасовки, грохот двух тел, катящихся с лестницы, два выстрела и хлопок входной двери. Она выбежала из спальни. Кларенс лежал у подножия лестницы — мертвый.

Меньше чем в миле от дома Хиллеров полиция задержала Томаса Дженнингса, ранее судимого за кражу со взломом. Одежда его была в крови, левая рука повреждена. То и другое он объяснил тем, что попал под трамвай. В его кармане полицейские обнаружили пистолет — точно такой же, как тот, из которого был застрелен Кларенс Хиллер. Для предъявления обвинения этого было явно недостаточно, и полиция начала обшаривать дом Хиллеров в поисках дополнительных улик. Вскоре выявился один бесспорный факт: убийца проник в дом с заднего двора, через окно кухни. Детективы вышли на улицу — и рядом с окном, на белоснежной краске, которую Кларенс любовно наносил на перила всего за несколько часов до смерти, обнаружили четкие отпечатки четырех пальцев левой руки.

Дактилоскопия тогда была в диковинку — мир впервые узнал о ней на международной полицейской выставке в Сент-Луисе. Еще ни один человек в Соединенных Штатах не был осужден за убийство на основании отпечатков пальцев.

Несмотря на протесты защитников, называвших это доказательство «ненаучным и недопустимым», четверо полицейских засвидетельствовали, что следы на белой краске идеально совпадали с отпечатками пальцев Томаса Дженнингса — и только его одного. Присяжные признали его виновным, Верховный Суд штата Иллинойс в своем эпохальном постановлении подтвердил приговор, и Дженнингс был повешен[88].

Дактилоскопия основана на одном простом факте: отпечатки пальцев каждого человека уникальны и неповторимы. И если отпечаток на том или ином предмете в точности повторяет узор на пальце того или иного человека, следователи могут с полной уверенностью утверждать, что этот человек прикасался к этому предмету.

Во многих уголовных делах именно отпечатки пальцев сыграли роль главного доказательства. Помню, как отпечаток большого пальца на целлофановой обертке пачки сигарет стал неоспоримой уликой, позволившей осудить 21-летнего взломщика за убийство студентки колледжа[89]. Один-единственный отпечаток пальца сыграл решающую роль в судебном процессе!

Каким образом все это связано с Иисусом? А вот каким. Существует доказательство, аналогичное отпечаткам пальцев и позволяющее с поразительной точностью установить, что Иисус и вправду Спаситель Израиля и мира.

В древнееврейских Писаниях, которые христиане называют Ветхим Заветом, содержится несколько десятков только наиболее существенных пророчеств о Мессии, которого Бог пошлет на землю ради искупления Своего народа. Вместе взятые, эти пророчества образуют своего рода «отпечатки пальцев», соответствовать которым может лишь Помазанник. С помощью этих «отпечатков» народ Израиля мог разоблачить самозванцев и подтвердить личность настоящего Мессии.

Мессия по-гречески — Христос. Был ли Иисус Христом? Исполнились ли в Нем чудесным образом пророчества, написанные за сотни лет до Его рождения? Как нам узнать, что Он — Тот единственный, Кому принадлежат пророческие «отпечатки пальцев»?

Я мог спросить об этом самых разных ученых, обремененных многочисленными степенями и званиями. Однако мне хотелось поговорить с кем-то, для кого эта тема означает нечто большее, нежели предмет сугубо исследовательского интереса. Так я оказался в довольно неожиданном месте на юге Калифорнии.

Интервью девятое: ЛУИС С. ЛАПИДЕС, магистр богословия и практического богословия

Куда разумнее всего отправиться тому, кто хочет задать вопрос на библейскую тему? Естественно, в церковь! Но, сидя с пастором Луисом Лапидесом (Louis Lapides) в его маленькой церквушке после воскресного богослужения, я испытывал какое-то особое, необычное ощущение. Церковные скамьи и витражи — не совсем та обстановка, в какой ожидаешь увидеть еврейского парня из Ньюарка, штат Нью-Джерси!

Для Лапидеса, выросшего в традиционной еврейской среде, вопрос о том, был ли Иисус долгожданным Мессией, явно выходит за рамки умозрительных построений. Это — личный вопрос, жгучий и животрепещущий. Я затем и разыскивал Лапидеса, чтобы узнать, как он пришел к своему выбору.

В Далласском баптистском университете Лапидес получил степень бакалавра богословия, а в семинарии Тальбота — степень богословия и магистра практиче-

ского богословия, специализируясь в Ветхом Завете и семитических исследованиях. В течение десяти лет его служение было связано с «Миссией избранного народа» (“Chosen People Ministries”) — он рассказывал студентам-евреям об Иисусе. Он преподавал на отделении библейских исследований в университете Биолы, семь лет вел семинары «Путешествие по Библии», был президентом всеамериканской организации, объединяющей более пятнадцати мессианских церквей.

Лапидес строен и худощав, он носит очки и говорит очень тихо, зато улыбчив и всегда готов от души посмеяться. Он радушно принял меня в братстве «Бет-Ариэль» в Шерман-Оукс, Калифорния. Мне не хотелось с места в карьер вдаваться в нюансы Священного Писания; вместо этого я попросил Лапидеса рассказать о его духовном пути.

Он сложил руки на коленях, окинул взглядом отделанные деревом панели, словно прикидывая, с чего начать... и я услышал удивительную историю — о пути из Ньюарка в Гринвич-Вилледж, затем во Вьетнам и, наконец, в Лос-Анджелес; о пути от сомнений — к вере, от иудаизма — к христианству, от «какого-то Иисуса» — к Иисусу-Мессии.

— Как вы знаете, я из еврейской семьи, — начал Лапидес. — Семь лет ходил в синагогу — готовился к бар-мицве. Эти занятия считались в семье очень важными, но все-таки вера не слишком затрагивала нашу повседневную жизнь. Мы работали по субботам, не придерживались правил кашрута... — Он улыбнулся. — Но все-таки в главные праздники мы ходили в другую, более ортодоксальную синагогу — отец каким-то образом чувствовал, что если серьезно относишься к Богу, то идти надо именно туда.

Я спросил, что говорили ему родители о Мессии.

— Ничего, — ответил Лапидес, столь же спокойно, сколь и лаконично.

Я был поражен. В первый миг мне даже показалось, что я его неправильно понял.

— То есть вы хотите сказать, что в семье об этом вообще не говорили?!

— Никогда, — подтвердил он. — И, насколько я помню, на занятиях в синагоге — тоже.

— А об Иисусе? — спросил я, изумленный донельзя. — Его Имя когда-нибудь упоминалось?

— Разве что пренебрежительно, — усмехнулся Лапидес. — Всерьез — никогда. Свои первые впечатления об Иисусе я получил в католических церквях: распятие, терновый венец, капли крови... Тогда все это казалось мне бессмысленным. С какой стати поклоняться человеку, пригвожденному к кресту? Мне ни разу не приходило в голову, что Иисус имеет какое-то отношение к еврейскому народу. Я воспринимал Его как языческого бога, бога неевреев.

Я подозревал, что отношение Лапидеса к христианам все-таки выходило за рамки простого непонимания.

— Скажите, — спросил я, — вы считали, что начало антисемитизму положили христиане?

— Слово «христианин» означало для меня то же, что «нееврей», «язычник»; а нас учили относиться к таким людям с осторожностью, потому что среди них встречаются антисемиты, — дипломатично ответил Лапидес.

— Вы хотите сказать, — не унимался я, — что христиане вызывали у вас неприязненное чувство?

На сей раз он не стал подбирать слова:

— По правде говоря, да. Когда мне впервые предложили почитать Новый Завет, я искренне полагал, что в руках у меня пособие по антисемитизму: как ненавидеть евреев, как их убивать, как их истреблять. Я думал, что это — настольная книга американских нацистов.

Я покачал головой, опечалившись мыслью о том, сколько еще еврейских детей считает христиан врагами.

НАЧАЛО ДУХОВНОГО СТРАНСТВИЯ

Лапидес сказал, что в юном возрасте он пережил несколько неприятных эпизодов, поколебавших его приверженность иудаизму. Заинтересовавшись, я принялся выспрашивать подробности. Начал он с истории, которая явно причинила ему самые большие страдания.

— Когда мне было семнадцать лет, родители развелись, — сказал он, и по его дрогнувшему голосу я понял, что даже по прошествии стольких лет ему больно говорить об этом. — И это сильно подействовало на веру, которая жила тогда в моем сердце. Я думал: «Где же Бог? Почему они не пойдут к раввину и не попросят совета? Что проку в религии, которая не способна помочь людям на деле? Что проку в вере, которая не может удержать моих родителей вместе?» Их брак распался — и вместе с ним откололся кусочек моего сердца.

А главное — в иудаизме я не ощущал личной связи с Богом. Было множество традиций, красивых ритуалов, но Бог был далеко, где-то там, на горе Синай, отстраненный и недоступный: «Вот вам Закон; соблюдайте его, и все будет хорошо, пока, увидимся позже!» А я был тут, на земле — подросток, в котором бушуют гормоны, — и думал: «Знает ли Бог о моих заботах? Нужен ли я Ему? Если да, то почему я этого не чувствую?»

С развода родителей у Лапидеса началась эпоха бунтарства. Он увлекся музыкой, был без ума от книг Джека Керуака и Тимоти Лири, в колледж поступать не стал, целыми днями торчал в кофейнях Гринвич-Вилледж. Тут подоспел армейский призыв, и в 1967 году он оказался на другом конце света, на грузовом судне с бомбами и ракетами на борту — лакомой цели для вьетконговцев.

— Помню, когда мы только прибыли во Вьетнам, нам объяснили: «Двадцать процентов из вас, скорее всего, будут убиты, а остальных ждут венерические болезни, алкоголизм и наркомания». Я подумал, что у меня нет даже одного шанса из ста вернуться домой нормальным человеком. Это было очень страшное время. Я видел страдания. Я видел мешки с солдатскими трупами. Я видел разруху и голод. И там, в солдатской среде, я столкнулся с антисемитизмом. Ребята с Юга однажды ночью даже соорудили горящий крест — по ку-клукс-клановской традиции. Мне тогда захотелось отдалиться от своего еврейства. Возможно, поэтому я с головой ушел в религии Востока.

Лапидес читал книги по восточной философии; оказавшись в Японии, ходил по буддистским храмам.

— Я насмотрелся на зло, и оно не давало мне покоя. Я пытался понять, как вера может преодолеть зло. Тогда я говорил: «Если Бог есть, мне все равно, на какой Он горе — на Синае или на Фудзи. Я приму Его в любом случае».

Лапидес уцелел во Вьетнаме и вернулся домой — с новообретенным пристрастием к марихуане и намерением стать буддийским монахом. Он пытался вести жизнь аскета, ограничивая себя во всем, дабы избавиться от плохой кармы прошлых перерождений, — но вскоре осознал, что никогда не расплатится за все свои грехи...

Лапидес замолчал.

— Я впал в уныние, — сказал он наконец. — Помню, как стоял в подземке и раздумывал: «Броситься под поезд? Может, это и есть ответ на все вопросы? Я избавлюсь от этого тела и сольюсь в единое целое с Богом». Я пребывал в полном смятении. Хуже того — я начал экспериментировать с ЛСД.

Решив начать все сначала, Лапидес перебрался в Калифорнию, где и продолжил свои духовные искания.

Я ходил на буддистские собрания, но находил там лишь пустоту, — рассказывал он. — Китайские буддисты были атеистами, японские поклонялись статуям Будды, суть дзен-буддизма от меня ускользала. Я ходил на собрания сайентологов, но там все было основано на жесткой иерархии и подавлении личности. А индуистские боги устраивали дикие оргии или вовсе оказывались синими слонами. Все это казалось мне бессмысленным и не наполняло душу покоем.

Лапидес даже бывал с приятелями на собраниях сатанистов:

— Я смотрел на это и думал: «Тут что-то происходит — но это «что-то» очень плохое». Что-то творилось в моем одурманенном наркотиками сознании. Я говорил друзьям, что зло реально, что оно живет в мире и может управлять людьми, что я чувствую его силу. В зло я поверил без труда — слишком уж много мне пришлось его повидать... — Он усмехнулся с грустной иронией. — Похоже, я признал существование дьявола задолго до того, как принял Бога.

«НЕ МОГУ ПОВЕРИТЬ В ИИСУСА!»

В 1969 году любопытство привело Лапидеса в Сансет-Стрип — поглазеть на проповедника, который цепями приковал себя к трехметровому кресту в знак протеста против владельцев местной таверны, выживавших его из помещения миссии. Там, на улице, Лапидес познакомился с христианами и самонадеянно попытался поразить их воображение восточной философией.

— Там, — указал он на небо, — нет никакого Бога. Бог — это мы все. Я — Бог. Ты — Бог. Вы просто этого еще не поняли.

— Если ты Бог, — ответил один христианин, — то почему бы тебе не создать, к примеру, камень? Бог — Творец; сотвори и ты что-нибудь!

В своем воспаленном наркотиками воображении Лапидес сотворил камень.

— Смотри! — воскликнул он, протягивая пустую ладонь.

Собеседник усмехнулся:

— Вот она, разница между тобой и Богом. То, что создано Богом, видят все. Его творение объективно, а не субъективно.

Это отложилось в голове у Лапидеса, и он подумал: «Если я найду Бога, то Он будет объективный. Хватит с меня восточных учений о том, что во мне живет целая Вселенная и я сам могу творить миры. Если Бог существует где-то еще, помимо моего сознания, Он обязан быть настоящим!» И когда собеседник-христианин произнес имя Иисуса, Лапидес парировал: «Я еврей! Я не могу верить в Иисуса!» Тут в разговор вступил еще один человек — пастор. Он спросил: «А ты знаешь пророчества о Мессии?»

«Пророчества о Мессии? — растерялся Лапидес. — Никогда о них не слышал!»

Служитель церкви перечислил несколько ветхозаветных пророчеств.

«Стоп! — подумал Лапидес. — Да это же иудейские Писания! Причем тут Иисус?»

Пастор предложил ему Библию. Лапидес скептически скривился: «Там небось и Новый Завет есть?» Пастор кивнул. «Ну ладно, Ветхий Завет я прочту, — заявил Лапидес, — а тот, второй, даже открывать не собираюсь».

Ответ священнослужителя поразил его. «Хорошо — сказал тот. — Прочти Ветхий Завет — и попроси Бога Авраама, Исаака и Иакова — Бога Израиля — дать тебе знак, что Иисус — Мессия. Потому что Он и есть твой Мессия. Сначала Он пришел спасти еврейский народ, а потом уже стал Спасителем всего мира».

Эта мысль изумила и потрясла Лапидеса. Он вернулся домой, открыл первую книгу Ветхого Завета — Бытие — и принялся искать Иисуса среди слов, написанных за много сотен лет до рождения плотника из Назарета.

«...ИЗЪЯЗВЛЕН БЫЛ ЗА ГРЕХИ НАШИ....»

— Вскоре, — продолжал Лапидес, — я стал читать Ветхий Завет ежедневно, и изо дня в день открывал для себя новые пророчества. Например, во Второзаконии сказано, что придет пророк, который будет больше Моисея, и все мы будем слушать его. Я читал и думал: «Кто же может быть больше Моисея? Только Мессия — такой же великий, как Моисей, и столь же почитаемый, но обладающий большей мудростью, величайший из учителей». Ухватившись за эту мысль, я продолжил поиск.

Лапидес жадно читал Ветхий Завет, пока не дошел до главы 53 Книги Пророка Исаии и не замер, пораженный. Перед ним была картина, ясная до прозрачности и идеально отшлифованная; пророчество, облаченное в строки высокой поэзии. То был портрет Мессии, явившегося пострадать и умереть за грехи Израиля и всего мира; портрет, написанный за семьсот лет до Рождества Иисуса.

Он был презрен и умален пред людьми,
муж скорбей и изведавший болезни,
и мы отвращали от Него лице свое;
Он был презираем, и мы ни во что ставили Его.
Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни;
а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом.
Но Он изъязвлен был за грехи наши
и мучим за беззакония наши;
наказание мира нашего было на Нем,
и ранами Его мы исцелились.
Все мы блуждали, как овцы,
совратились каждый на свою дорогу:
и Господь возложил на Него грехи всех нас.
Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих;
как овца, веден был Он на заклание,
и как агнец пред стригущим его безгласен,
так Он не отверзал уст Своих. От уз и суда Он был взят;
но род Его кто изъяснит? ибо Он отторгнут от земли живых;
за преступления народа Моего претерпел казнь. Ему назначали гроб со злодеями,
но Он погребен у богатого, потому что не сделал греха,
и не было лжи в устах Его...
...тогда как Он понес на Себе грех многих
и за преступников сделался ходатаем.

(Книга пророка Исаии 53:3 — 9, 12)

Лапидес узнал Его мгновенно: это был Иисус из Назарета! Теперь-то он понял смысл статуй, виденных им в детстве в католических храмах: Иисус страдающий, Иисус распятый, Иисус, Который, как он теперь понимал, «изъязвлен был за грехи наши», когда «понес на Себе грех многих».

Ветхозаветные евреи, желая искупить свои грехи, приносили в жертву животных; и вот пришел Иисус, жертвенный Агнец Божий, раз и навсегда заплативший Своей Кровью за грехи всех. В Нем сбылся Божий замысел об искуплении.

Это открытие было столь ошеломляющим, что Лапидес поначалу просто побоялся ему поверить. Ему проще было думать, что это фальшивка, что христиане подделали ветхозаветный текст и извратили слова Исаии, подгоняя их под пророчество об Иисусе Христе. И Лапидес вознамерился разоблачить обман.

— Я попросил мачеху выслать мне еврейское Писание. И что же я обнаружил, получив его? Я обнаружил, что там написано то же самое — слово в слово! Деваться было некуда. Пришлось посмотреть правде в глаза.

ЕВРЕЙСТВО ИИСУСА

Лапидес читал и перечитывал ветхозаветные пророчества о Мессии. Их оказалось более четырех сотен. Исаия раскрывал подробности Его рождения (непорочное зачатие); Михей указал место рождения (Вифлеем); Книга Бытия и пророк Иеремия проследили Его родословие (потомок Авраама, Исаака и Иакова, из колена Иудина, дома Давидова); Псалмы предсказали предательство и лжесвидетельство, особенности смерти (в те годы еще не было такой казни, как распятие, но в Псалтири сказано, что Его руки и ноги будут пронзены), Воскресения (Тело Его не подвергнется распаду, но высоко вознесется) и многое другое[90]. Каждое из этих свидетельств наступало на горло безверию Лапидеса — и в конце концов он решился...

— Я решил открыть Новый Завет и прочесть хотя бы страничку, — рассказывал он. — Я с трепетом открыл Евангелие от Матфея и устремил взгляд в небеса, ожидая, что грянет гром, и молния поразит меня на месте.

Но гром не грянул, а от первых же слов Евангелия от Матфея у меня перехватило дыхание: «Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова...»

Я по глазам видел, как взволновало Лапидеса это воспоминание.

— Вот это да! — подумал я. — Сын Давидов, Сын Авраамов... все подходит! Я перешел к повествованию о Его рождении и увидел, что Матфей цитирует из Книги Пророка Исаии 7:14: «Дева во чреве приимет и родит Сына», — а потом из Книги Пророка Иеремии. «Но это же о еврейском народе! — недоумевал я. — При чем тут язычники, не понимаю!» Я не мог оторваться от Евангелий. Дочитав их до конца, я понял, что в руках у меня вовсе не нацистский манифест, а связующее звено между Иисусом и еврейским миром. Я перешел к Книге Деяний — и, подумать только, там шла речь о том, как евреям донести весть Иисуса до язычников-эллинов! Все с точностью «до наоборот»!

Точность, с какой сбылись предсказания пророков, потрясла Лапидеса. Он начал говорить всем вокруг, что именно Иисус и есть долгожданный Мессия. В то время он понимал это лишь умом, не сердцем, но все равно это открытие перевернуло его жизнь.

Я осознал: чтобы принять Иисуса в свою жизнь, я должен буду в корне изменить ее: отказаться от наркотиков, пересмотреть свое отношение к сексу и так далее — объяснил он. — Но тогда я еще не понимал, что Бог поможет мне осуществить все эти перемены; я думал, что мне придется перестраивать судьбу в одиночку.

БОГОЯВЛЕНИЕ В ПУСТЫНЕ

Однажды Лапидес с компанией друзей отправился в пустыню Мохав. Дух его в то время был смятен и тревожен; снились кошмары — огромные псы, набросившись с разных сторон, раздирали его на части. Сидя в чахлых зарослях, он вспоминал слова, сказанные ему кем-то в Сансет-Стрип: «Ты либо с Богом, либо с дьяволом; третьего не дано».

Он видел воплощенное зло, верил в него — и на этой стороне ему быть не хотелось. «Боже, — взмолился Лапидес, — я изнемог от борьбы. Я должен уверовать в то, что Иисус — Мессия, так, чтобы не осталось и тени сомнений! Я знаю, что Ты, Бог Израиля, хочешь, чтобы я в это поверил!»

Рассказывая мне об этом, Лапидес замялся, затрудняясь облечь в слова то, что произошло с ним дальше. После нескольких секунд молчания он продолжил:

— Не знаю, как описать. Могу лишь сказать, что Бог воззвал к моему сердцу, и это была самая что ни на есть объективная реальность. Он показал мне, что Он существует. И тогда, там, в пустыне, я сказал со всей искренностью, на какую способен: «Боже, я впускаю Иисуса в мою жизнь. Я не понимаю, что мне с Ним делать, но хочу, чтобы Он был со мной. Я превратил свою жизнь в бедлам; прошу, преобрази меня!» И Бог внял моей молитве. Я начал преображаться, и этот процесс продолжается поныне. Мои друзья увидели, что жизнь моя изменилась, и никак не могли понять, почему. «Что случилось с тобой там, в пустыне? — спрашивали они. — Ты отказался от наркотиков; ты стал совсем другим!» Я отвечал им: «Не могу объяснить, что произошло. Я знаю только, что в мою жизнь вошел Некто, и этот Некто свят и праведен; благодаря Ему я с радостью смотрю в будущее и ощущаю себя целостным».

В этом последнем слове для Лапидеса, похоже, заключался главный смысл.

— Целостным, — повторил он мне, — как никогда прежде.

Несмотря на все перемены к лучшему, его не на шутку тревожила перспектива объяснения с родителями. Они восприняли новость со смешанным чувством.

— Поначалу, — вспоминал Лапидес, — они обрадовались, что я бросил наркотики и на душе у меня спокойно. Но причина этих перемен повергла их в изумление. На их лицах ясно было написано: «Иисус?! Почему вдруг Иисус, а не что-то другое?» Они не знали, как к этому отнестись. И, — голос его погрустнел, — похоже, по сей день не знают.

Лапидес молился, чтобы Бог послал ему жену, и цепь удивительных событий привела к встрече с Деборой. Дебора — тоже еврейка и тоже христианка — пригласила его в свою церковь. А пастором этой церкви оказался тот самый человек, который когда-то в Сансет-Стрип уговорил Лапидеса почитать Ветхий Завет!

Лапидес рассмеялся:

— Видели бы вы, как у него отпала челюсть, когда я появился на пороге церкви!

В этой церковной общине оказалось полным-полно бывших хиппи, бывших байкеров и бывших наркоманов с Сансет-Стрип. Была там и горстка переселенцев с Юга. На еврейского юношу из Ньюарка, который сторонился незнакомых и непохожих людей, опасаясь столкнуться с антисемитизмом, столь разношерстная компания «братьев и сестер» оказала самое благотворное воздействие.

Через год после знакомства Лапидес женился на Деборе. Они дали жизнь двоим сыновьям — и братству «Бет-Ариэль», которое стало домом для всех евреев и неевреев, ищущих целостности во Христе.

АРГУМЕНТЫ ПРОТИВ МЕССИАНСТВА ИИСУСА — И ИХ ОПРОВЕРЖЕНИЯ

Лапидес завершил свой рассказ и умиротворенно откинулся на спинку кресла. Я не решался прервать паузу. Церковь дышала покоем; витражи под калифорнийским солнцем переливались алым, синим и желтым. Я молча сидел, размышляя над услышанной только что историей обретения веры. Война и наркотики, Гринвич-Вилледж, Сансет-Стрип и пустыня... как все это не вязалось с благообразным и благополучным священнослужителем, сидевшим напротив!

Но история Лапидеса вызвала у меня целый ряд вопросов, которые я не мог обойти стороной. С его разрешения я начал с того, что особенно меня волновало:

— Вот вам было совершенно очевидно, что ветхозаветные пророчества сбылись именно в Иисусе. Почему же тогда евреи не признают Его Мессией?

Оказалось, что этот вопрос Лапидес сам задает себе уже добрых тридцать лет, с тех пор, как с подачи незнакомого христианина прочел еврейское Писание.

— Ну, я-то прочел… — вздохнул Лапидес. — Но удивительно, сколь невежественны в этом вопросе многие евреи, хотя еврейский народ и славится высоким интеллектом! А есть еще и разнообразные антимиссионерские организации, которые проводят в синагогах семинары, пытаясь доказать, что пророчества о Мессии не сбылись. Люди слушают их и уже не считают нужным самостоятельно читать эти пророчества и делать собственные выводы. «Наш раввин сказал, что это никакой не Мессия — и все тут!»

В таких случаях я говорю: «Неужели вы думаете, что ваш раввин сказал что-то новое, неслыханное в истории христианства? Ученые сотни лет исследуют этот вопрос; существуют горы книг — причем великих книг, — где содержатся христианские ответы на все подобные возражения». Если людям интересно, я подсказываю им следующий шаг.

Я поинтересовался, не подвергается ли еврей, обратившийся ко Христу, остракизму, не становится ли изгоем в своей среде.

— Этот фактор, безусловно, существует, и его нельзя сбрасывать со счетов, — ответил Лапидес. — Некоторые люди отказываются верить в исполнение мессианских пророчеств только потому, что боятся быть отвергнутыми своей семьей и своим кругом. А это тяжкое испытание, поверьте, уж я-то знаю.

И все-таки некоторые, наиболее распространенные аргументы против мессианства Иисуса поначалу могут казаться вполне убедительными. Их-то я и перечислял Лапидесу один за другим, в ожидании его возражений.

1. Просто совпадение

Во-первых, спросил я Лапидеса, могло ли быть так, что исполнение пророчеств в Иисусе — просто совпадение? Вдруг Иисус — всего лишь один из множества людей, чьи «отпечатки пальцев» случайно совпали с «отпечатками» Мессии?

— Исключено, — прозвучало в ответ. — Шансы на это столь ничтожны, что ими можно пренебречь. Как кто-то подсчитал, вероятность исполнения хотя бы восьми пророчеств — один к ста миллионам миллиардов. Это число в миллионы раз больше общего числа людей, населявших нашу планету за всю ее историю! А если взять такое количество серебряных долларов, то они покрыли бы всю площадь штата Техас слоем в два фута! Теперь представьте, что один из этих долларов помечен, и вам завязывают глаза и предлагают найти его на территории штата. Каковы шансы, что вам это удастся? — Он помолчал и сам себе ответил: — Примерно таковы же, как на то, что в ком-то по чистой случайности исполнились хотя бы восемь пророчеств.

Пытаясь разобраться в пророчествах о Мессии, я читал исследование, о котором говорил Лапидес. Математик Питер У. Стоунер (Peter W. Stoner) подсчитал также, что вероятность осуществления сорока восьми пророчеств — один к триллиону триллионов триллионов триллионов триллионов триллионов триллионов триллионов триллионов триллионов триллионов триллионов[91]!

Столь огромное число не укладывается в человеческом сознании. Оно сравнимо с количеством атомов в триллионе триллионов триллионов триллионов миллиардов вселенных размером с нашу вселенную!

— Отсюда следует, — заключил Лапидес, — что исполнение ветхозаветных пророчеств невозможно. Но Иисусу это удалось — и только Ему одному, за всю историю!

На ум мне пришли слова апостола Петра: «Бог же, как предвозвестил устами всех Своих пророков пострадать Христу, так и исполнил» (Деяния Святых Апостолов 3:18)

2. Переделанные Евангелия

— А не может ли быть, — спросил я Лапидеса, — что авторы Евангелий нарочно изменили в них кое-какие подробности, чтобы казалось, будто Иисус исполнил пророчества? Вот, например, пророчество гласит, что кости Мессии не сокрушатся. Может быть, Иоанн нарочно выдумал историю о том, как римские солдаты перебили голени у разбойников, распятых с Иисусом, а Его не тронули? Далее: в пророчествах сказано о предательстве за тридцать сребреников; что, если Матфей слишком вольно обошелся с фактами, утверждая, что Иуда предал Иисуса именно за эту сумму?

Это возражение подействовало на моего собеседника не сильнее, чем предыдущее.

— Бог в Своей мудрости устроил так, что и внутри, и вне христианского сообщества действует система взаимно уравновешивающих и сдерживающих факторов, — пояснил он. — Когда Евангелия пошли в мир, еще были живы очевидцы описанных событий. Наверняка кто-то сказал бы Матфею: «Ты же знаешь, что дело было не так. Если хочешь поведать историю праведности и истины, не пятнай ее ложью!»

К тому же, заметил Лапидес, если Матфей солгал, выходит, он добровольно пошел на смерть ради того, кого не считал Мессией? Нелепость! Более того, будь в Евангелиях явные подтасовки, евреи не преминули бы разоблачить их.

— Кто-нибудь наверняка заявил бы, — сказал Лапидес, — что он был там и видел, как римские солдаты перебили кости Иисусу на кресте. Но, хотя в Талмуде Иисус упоминается только пренебрежительно, там нет ни слова о том, что исполнение пророчеств было сфальсифицировано. Ни единого слова!

3. Нарочно исполненные пророчества

Некоторые скептики утверждают, что Иисус нарочно построил свою жизнь так, чтобы она соответствовала пророчествам.

— Ведь можно же было прочесть у пророка Захарии, что Мессия въедет в Иерусалим на осле, и сделать именно так? — спросил я.

— Ну, по отношению к некоторым пророчествам такое и впрямь можно допустить, — уступил Лапидес. — Но со многими другими ничего подобного не получилось бы. Как, к примеру, Иисус мог подстроить, чтобы синедрион предложил Иуде за предательство ровно тридцать сребреников? Как мог Он подстроить Свое родословие, место рождения или способ собственной казни? Как мог Он предусмотреть, что Его голени на кресте останутся целыми, или что солдаты разыграют в кости Его одежду? Как мог Он подстроить Свое Воскресение, а главное — родиться именно в такой момент?

Последний довод подстегнул мое любопытство.

— В какой — «в такой»?

— Книга Пророка Даниила 9:24 — 26 предсказывает, что Мессия придет через некоторое время после того, как царь Артаксеркс I издаст указ, повелевающий всем евреям вернуться из Персии и восстановить стены Иерусалима, — объяснил Лапидес.

Лапидес подался вперед:

— То есть Мессию с волнением и надеждами ожидали именно в тот момент истории, когда родился Иисус, — сказал он. — Тут уж ничего нельзя было подстроить заранее.

4. Контекст

Существует еще одно распространенное возражение. Те фрагменты Священного Писания, которые христиане считают пророчествами о Мессии, — действительно ли они указывают на пришествие Помазанника, или христиане вырывают их из контекста и искажают смысл?

Лапидес вздохнул.

— Знаете... я читаю книги, авторы которых не оставляют камня на камне от того, во что мы верим. Не самое приятное времяпрепровождение — но я их читаю, изучаю каждое возражение, а затем исследую контекст и лексику оригинала. И всякий раз пророчества выдерживают испытание и оказываются истиной!

Вот что я скажу скептикам: не верьте мне на слово, но не верьте на слово и вашим учителям! Не пожалейте времени, проведите собственное расследование! Сегодня уже никто не может сказать: «Мало информации». Существует великое множество книг в помощь вдумчивому исследователю.

И еще одно: искренне попросите Бога разъяснить вам, вправду ли Иисус — Мессия. Именно так поступил я — и без всяких «учителей» мне стало ясно, Кто идеально соответствует «отпечаткам» Мессии.

«НАДЛЕЖИТ ИСПОЛНИТЬСЯ ВСЕМУ»

На мой взгляд, Лапидес вполне убедительно опроверг аргументы против мессианства Иисуса. И все же особенно сильное впечатление на меня произвела история его духовного пути. О ней-то я и размышлял в самолете, возвращаясь в Чикаго. Я вспоминал, сколько подобных историй мне доводилось слышать, в особенности из уст умных и преуспевающих евреев, которые изначально намеревались доказать себе и другим, что Иисус не был Мессией.

Я вспомнил Стена Телчина, бизнесмена с Восточного побережья. Его дочь, поступив в колледж, признала Иешуа (Иисуса) своим Спасителем и Христом — и отец решительно вознамерился развенчать «культ» христианства. Каково же было его изумление, когда предпринятое им исследование привело — причем не только его самого, но и жену, и вторую дочь — все к тому же Мессии! Впоследствии Телчин стал пастором, а его книга «Предательство» (*“Betrayed!”*) была переведена на двадцать с лишним языков[92].

Еще мне вспомнился Джек Штернберг, выдающийся хирург-онколог из Литтл-Рока, штат Арканзас. Выводы, к которым он пришел, читая Ветхий Завет, потрясли его настолько, что он обратился к трем раввинам и попросил их опровергнуть мессианство Иисуса. Но они не сумели этого сделать — и тогда он тоже во всеуслышание объявил, что обрел целостность во Христе[93].

Наконец, я вспомнил Питера Гринспена, акушера-гинеколога из Канзас-сити, доцента медицинского факультета Университета штата Миссури. У него, как и у Лапидеса, духовный поиск начался с иудаизма. Собственные открытия привели его в смятение, и он обратился к Торе и Талмуду, желая найти опровержение того факта, что Иисус — подлинный Мессия. Вместо этого он окончательно убедился, что Иисус чудесным образом исполнил все пророчества.

Чем больше Гринспен читал книг, авторы которых стремились развенчать доказательства мессианства Иисуса, тем больше изъянов и слабых мест находил он в их

аргументах. Как ни парадоксально, пишет он, «я уверовал в Иешуа благодаря тем, кто своими книгами пытался увести меня прочь от этой веры»[94].

Как и Лапидес и многие другие, Гринспен убедился в истине слов Евангелия от Луки: «надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом и в пророках и псалмах» (Лук. 24:44). Все исполнилось; исполнилось в Иисусе и только в Нем — единственном за всю историю, чьи «отпечатки пальцев» идеально совпали с отпечатками Божьего Помазанника.

Вопросы для размышления

1. Независимо от того, еврей вы или нет, — не доводилось ли вам на пути к Богу проходить какие-то из этапов, которые проходил Лапидес? Научил ли вас чему-то его духовный опыт?
2. Лапидес считает, что камнями преткновения на его дороге к Иисусу стали неверные представления о собственном еврействе и образ жизни, далекий от библейских заповедей. Было ли в вашей жизни нечто такое, что мешало вам стать христианином? От чего вам пришлось отказаться, и чего все-таки оказалось больше — потерь или приобретений?
3. Лапидес считал христиан антисемитами. Ассоциативный тест, проведенный недавно в Университете Восточного побережья, показал, что со словом «христианин» чаще всего ассоциируется слово «нетерпимость». Испытываете ли вы какие-то предубеждения по отношению к христианам? Если да, то где, по-вашему, они коренятся — и как влияют на ваше восприятие Благой Вести?

На ту же тему

Fruchtenbaum, Arnold. Jesus Was a Jew. Tustin, Calif.: Ariel Ministries, 1981.

Frydland, Rachmiel. What the Rabbis Know about the Messiah. Cincinnati: Messianic, 1993.

Kaiser, Walter C., Jr. The Messiah in the Old Testament. Grand Rapids: Zondervan, 1995.

Rosen, Moishe. Y'shua, the Jewish Way to Say Jesus. Chicago: Moody Press, 1982.

Rosen, Ruth, ed. Jewish Doctors Meet the Great Physician. San Francisco: Purple Pomegranate, 1997.

Telchin, Stan. Betrayed! Grand Rapids: Chosen, 1982.

ЧАСТЬ 3. Расследование Воскресения

11. МЕДИЦИНСКИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА. *Может быть, смерть Иисуса была притворной, а Воскресение — мистификацией?*

Я остановился перед табличкой на двери приемной перед кабинетом врача: «Пусть стихнет разговор. Пусть прекратится смех. Здесь смерть почтет за честь помочь живому».

Это был необычный врач. Я снова приехал к доктору Роберту Стайну, всемирно известному патологоанатому, работающему в области судебной медицины. Стайн — большой, шумный, с хриплым голосом — вечно потчевал меня историями

о неожиданных уликах, которые ему удавалось найти во время вскрытий. Этот человек умел услышать голос мертвеца, и часто благодаря ему «рассказы» покойников помогали вершить правосудие в мире живых.

За долгие годы работы судебно-медицинским экспертом округа Кук (штат Иллинойс) доктор Стайн произвел более двадцати тысяч вскрытий, дотошно выискивая факты, позволяющие судить об обстоятельствах смерти. Благодаря зоркому взгляду, глубочайшим познаниям в анатомии человека и сверхъестественной интуиции этот детектив со скальпелем в руках раз за разом восстанавливал картины человеческой смерти.

Иногда результаты его работы помогали оправдать невиновных. Но чаще они оказывались приговором подсудимому — как это было в случае с Джоном Уэйном Гейси, казненным после того, как Стайн помог уличить его в тридцати трех зверских убийствах.

Вот насколько важны бывают медицинские доказательства. С помощью медицины можно определить, был ли ребенок убит или погиб от несчастного случая, скончался ли человек от естественных причин или кто-то отравил его, подсыпав в кофе мышьяк. По концентрации калия в глазах покойного медики могут точно определить время его смерти и подтвердить или опровергнуть алиби подозреваемого.

И даже когда речь идет о жестокой древнеримской казни — распятии, свершившемся две тысячи лет назад, медицинское расследование способно сыграть очень важную роль — и опровергнуть доводы тех, кто считает Воскресение Христово — наивысшее доказательство Его божественности — всего-навсего остроумной мистификацией.

ВОССТАЛ ИЗ МЕРТВЫХ ИЛИ ПРОСТО ПРИШЕЛ В СОЗНАНИЕ?

Мысль о том, что Иисус на самом деле не умер на кресте, впервые встречается в Коране (VII век)[95]. Мусульмане-ахмадиты считают, что Он избежал казни и бежал в Индию. До наших дней сохранилась гробница в кашмирском городе Сринагар, которую называют «могилой Иисуса»[96].

На заре девятнадцатого столетия Карл Бардт, Карл Вентурини и другие пытались доказать, что Воскресения не было — Иисус не умер на кресте, а лишь потерял сознание, или Ему дали какое-то наркотическое средство, вызвавшее видимость смерти, а позже, в холодной сырой гробнице, Он пришел в себя[97].

Эту идею поддержали сторонники «теории заговора»; они подчеркивали, что Иисусу на кресте дали губку с какой-то жидкостью (Мар. 15:36), а Пилат удивлялся, как быстро умер Иисус (Мар. 15:44). Следовательно, утверждали они, явления Иисуса были не следствием чудесного Воскресения, а лишь свидетельством того, что Он пришел в себя; гробница же была пуста, потому что Он из нее ушел.

Ученые давно отвергли эту «теорию обморока», но она до сих пор тиражируется в научно-популярной и художественной литературе. В 1929 году даже Д. Г. Лоуренс написал рассказ о том, как Иисус после казни бежал в Египет и влюбился в жрицу Изиды[98].

В бестселлере Хью Шонфилда (*Hugh Schonfield*) «Пасхальный заговор» (*“The Passover Plot”*), опубликованном в 1965 году, сюжет заключается в том, что только неожиданный удар копьем, нанесенный Иисусу римским солдатом, сорвал изощренный план бегства Иисуса с креста. Правда, сам Шонфилд потом писал: «Мы никогда не говорили… что книга повествует о реальных событиях»[99].

Донован Джойс (Donovan Joyce) в 1972 году снова поднял на щит «теорию обморока» в книге «Свиток Иисуса» (*“The Jesus Scroll”*), содержащей, по словам Гэри Хабермаса — большого специалиста по Воскресению — «еще более немыслимую

цепочку несуразностей, чем у Шонфилда»[100]. А в книге «Святая кровь, Святой грааль» (*“Holy Blood, Holy Grail”*) (1982 г.) появляется еще один лихой поворот сюжета: Понтию Пилату дают взятку, и он разрешает снять Иисуса с креста еще живым. Но и тут авторы делают оговорку: «Мы не могли и не можем доказать свои выводы»[101].

И вот недавно, в 1992 году, мало известная до того в научном мире австралийка Барбара Тиринг опубликовала вызвавшую настоящий ажиотаж книгу «Иисус и тайна свитков Мертвого моря» (*“Jesus and the Riddle of the Dead Sea Scrolls”*). В книге, с восторгом принятой одним уважаемым американским издательством, вновь вытаскивалась на свет «теория обморока». Однако Люк Тимоти Джонсон, ученый из Университета Эмори, не оставил от этого опуса камня на камне. Он писал, что эта книга — «чистейшей воды чушь; бред лихорадочного воображения, а не научная работа»[102].

Тем не менее, «теория обморока» оказалась живучей, как «городские легенды». Обсуждая тему Воскресения с людьми, пребывающими в духовном поиске, я всякий раз слышу эту историю. Так о чем же говорят факты? Что на самом деле происходило при Распятии? Что стало причиной смерти Иисуса? Возможно ли, что Он каким-то образом выжил после казни? На эти вопросы, я надеялся, должна ответить медицинская экспертиза.

Вот почему я приехал в Южную Калифорнию и постучался в двери выдающегося врача, подробно изучившего исторические, археологические и медицинские факты о смерти Иисуса из Назарета. Не удалось провести лишь вскрытие — Тело казненного таинственным образом исчезло.

Интервью десятое: АЛЕКСАНДЕР МЕТЕРЕЛЛ, д-р медицины и д-р философии

Обстановка являла собой разительный контраст с предметом нашей беседы. Мы сидели в уютной гостиной калифорнийского дома Александера Метерелла (Alexander Metherell), был теплый весенний вечер, нас овевал легкий океанский бриз, а мы разговаривали о неописуемой жестокости: о варварском бичевании, не укладывающемся в сознании своей дикостью, об отвратительной казни, служащей омерзительным примером того, как человек может поступить с человеком.

Я разыскал Метерелла, зная, что он располагает научными и медицинскими фактами, относящимися к Распятию. Но была еще одна причина, по которой я хотел встретиться именно с ним. Мне говорили, что Метерелл способен обсуждать эту тему корректно и беспристрастно, а мне как раз и хотелось, чтобы факты говорили сами за себя, чтобы не было преувеличений и восклицаний, апеллирующих к эмоциям.

Речь Метерелла отличалась научной точностью, чего и следовало ожидать от человека с медицинским образованием (университет Майами, Флорида) и докторской степенью в технических науках (Бристольский университет, Англия). Он прошел аттестацию по диагностике в Американском радиологическом совете и был консультантом Национального института болезней сердца, легких и крови, входящего в комплекс медицинских научно-исследовательских центров Национального института здравоохранения в Бетезде, штат Мэриленд.

В прошлом ученый и преподаватель Калифорнийского университета, Метерелл выпустил под своей редакцией пять научных монографий и опубликовал многочисленные работы в самых разных изданиях — от *“Aerospace Medicine”* до *“Scientific American”*. Его исследования мышечного сокращения были опубликованы в журналах *“The Physiologist”* и *“Biophysics Journal”*. Метереллу к лицу его научные регалии: он элегантный, седой, вежливый и деловитый.

Скажу откровенно — в какие-то моменты я диву давался, пытаясь представить себе, что происходит в голове у этого человека. Он медленно и методично, с чисто научной сдержанностью, без тени внутреннего трепета говорил о леденящих душу подробностях смерти Иисуса. Вся боль, которую он, будучи христианином, не мог не испытывать, рассказывая о крестной муке Иисуса, была скрыта за непроницаемой маской профессионала, проведшего десятилетия в научных лабораториях.

Он изложил голые факты — и именно ради этого я проехал через полстраны.

ПЫТКА ПЕРЕД РАСПЯТИЕМ

Прежде всего я хотел услышать от Метерелла общее описание событий, приведших к смерти Иисуса. Поэтому после традиционного обмена любезностями я отставил стакан чая со льдом, выпрямился на стуле, чтобы оказаться лицом к лицу с собеседником, и спросил:

— Не могли бы вы описать, что именно происходило с Иисусом? Метерелл прокашлялся.

— Все началось после Тайной вечери, — сказал он. — Иисус пошел с апостолами к Масличной горе, а именно — в Гефсиманский сад, и там, как вы помните, молился всю ночь. В течение молитвы он предчувствовал все предстоящие Ему страдания следующего дня, и, конечно, переживал сильнейший психологический стресс.

Я прервал доктора, подняв руку.

— Вот благодатная тема для скептиков! Евангелия говорят нам, что на челе Иисуса выступил кровавый пот. Может быть, это плод взбудораженного воображения евангелистов? Не ставит ли это под сомнение достоверность их рассказа?

Метерелл спокойно покачал головой:

— Вовсе нет. Известно медицинское состояние под названием «гематидроз». Это — необычное явление, связанное как раз с высокой степенью психологического стресса. Сильный стресс вызывает выброс химических веществ, разрушающих капилляры потовых желез. Немного крови попадает в железы, и пот выходит окрашенный кровью. Речь не идет об обильном кровотечении — для этого достаточно совсем небольшого количества крови.

Я немного успокоился, но не сдавался:

— А в чем еще проявилось это состояние?

— Прежде всего оно сказалось на коже, — ответил Метерелл. — На следующий день при бичевании Его кожа наверняка была крайне чувствительной.

Вот оно что, подумал я и напрягся, стараясь не впустить в сознание зловещие видения. Я — журналист, и мне пришлось повидать немало трупов — жертв автокатастроф, пожаров, мафиозных «разборок»... Однако в жестокой пытке, намеренно призванной доставить сильнейшие страдания, было что-то особенно страшное.

— Расскажите мне о бичевании, — попросил я.

— Известно, что римское бичевание было крайне жестоким, — начал Метерелл, не сводя с меня глаз. — Обычно наносилось тридцать девять ударов, но часто бывало и много больше — в зависимости от расположения духа солдата-экзекутора. Обычно солдаты использовали кнут из кожаных ремней, в которые были вплетены металлические шары. Во время удара эти шары создавали глубокие кровоподтеки, которые при последующих ударах превращались в открытые раны. В кнут вплетали еще и острые обломки кости, которые рассекали кожу и мясо. Бичевалось все тело сзади — плечи, спина, бедра, голени. Это было ужасно.

Метерелл сделал паузу.

— Продолжайте, — попросил я.

— Один врач, изучавший древнеримское бичевание, писал: «В ходе бичевания кнут врезался все глубже, в скелетные мышцы, превращая их в трепещущую окровавленную бахрому». А историк III века Евсевий описывал бичевание такими словами: «Обнажались вены страдальца, и взору становились доступны даже мышцы, жилы и внутренности». Известно, что многие умирали от такого бичевания даже до распятия. По крайней мере, жертва наверняка испытывала ужасную боль и впадала в гиповолемический шок.

Метерелл перешел на язык медицинских терминов, которых я не знал.

— А что это значит — гиповолемический шок? — спросил я.

— *«Гипо»* значит «низкий», *«воль»* — объем, а «эмис» — кровь, то есть человек страдает от последствий большой кровопотери, — объяснил доктор. — Это означает четыре вещи. Во-первых, сердце начинает сильно биться, пытаясь перекачивать кровь, которой на самом деле нет. Во-вторых, падает кровяное давление, и человек слабеет или теряет сознание. В-третьих, почки перестают вырабатывать мочу, чтобы сохранить имеющийся объем воды. И, в-четвертых, человек испытывает сильнейшую жажду — организм требует жидкости, чтобы восполнить потерю крови.

— И вы видите в Евангелиях свидетельства этого шока? — спросил я.

— Да, — кивнул Метерелл, — более чем достаточно. Иисус был в состоянии гиповолемического шока на пути к месту казни, на Голгофу, когда Он нес горизонтальную перекладину креста. В конце концов Он потерял сознание, и римский солдат приказал Симону нести крест за Него. А ниже мы читаем, что Иисус сказал: «Я жажду», — и Ему дали глоток винного уксуса. Из-за жутких последствий бичевания Иисус находился в состоянии, близком к критическому, еще до того, как в Его руки и ноги вонзились гвозди.

КРЕСТНАЯ МУКА

Я выслушал душераздирающий рассказ о бичевании, но понимал, что главное еще впереди. Все летописцы единодушно свидетельствуют, что Иисус выжил после бичевания и пошел на крест — и именно это убило Его.

В наши дни, когда осужденных преступников связывают и делают им смертельную инъекцию яда или сажают на деревянный стул и пропускают электрический ток, все обстоятельства смерти очевидны и находятся под контролем. Смерть наступает быстро и предсказуемо. Врачи внимательно констатируют смерть. Свидетели с близкого расстояния наблюдают от начала до конца все, что происходит с осужденным.

А можно ли сказать что-то определенное о распятии — жестокой и медленной казни с неясным исходом? В самом деле, большинство людей не представляет себе, от чего умирает распятый. Ведь во времена Иисуса не было судебно-медицинских экспертов, которые могли бы официально заявить, что казненный скончался. А значит, есть вероятность, что Иисус мог остаться в живых после распятия?

Я приступил к расспросам:

— Что произошло, когда Он дошел до места казни?

— Должно быть, Он лег, и Его вытянутые руки пригвоздили к перекладине креста, — объяснил Метерелл. — Эту перекладину, *patibulum*, только потом соединяли с вертикальным столбом, который устанавливался на месте казни стационарно.

Мне трудно было представить себе эту картину; я хотел уточнить подробности:

— Как пригвоздили? — спросил я. — Чем? В каких местах?

— Римляне использовали для распятия острые штыри длиной в пять-семь дюймов. Их вбивали в запястья, — проговорил Метерелл и указал это место на своей руке.

— Подождите, — прервал его я. — Я думал, что гвозди вбивали в ладони. Так изображено на всех картинах. Именно так все представляют себе Распятие!

— В запястья, — подтвердил доктор. — Только так можно было прочно удержать руку. Если бы пробивали ладони, то под тяжестью веса тела кожа быстро разошлась бы, и осужденный упал бы с креста. Пробивали именно запястье. Правда, в те времена запястье считалось частью кисти. Важно понять, что гвоздь, проходя через запястье, разрывал срединный нерв — это важнейший нерв, идущий в кисть руки.

Мои познания в анатомии человека весьма скромны, поэтому я попросил пояснений:

— Какого рода боль человек при этом испытывает?

— Попробую объяснить, — ответил Метерелл. — Вам знакома боль, которая возникает, если ударишься локтем? Там проходит другой нерв — локтевой. Это очень болезненное место. И вот, представьте себе, что Вам раздавливают и разрывают этот нерв клещами. — Он подчеркнул слово «раздавливают», как будто сжимал воображаемые клещи. — Примерно это же испытывал и Иисус.

Я вздрогнул и передернулся.

— Это невыносимая боль, — продолжал доктор. — Она действительно неописуема. Римляне даже придумали для ее описания новое слово; в английский язык оно вошло как прилагательное *excruciating* — то есть «после креста». Только подумайте: пришлось специально изобретать слово, которого прежде не было в языке, чтобы описать ощущения распятого! Затем Иисуса подняли, прибили перекладину к столбу и пронзили ноги. Нервы на ногах тоже разорвались; снова дикая боль.

Нервы — это само по себе звучало жутко; но мне нужно было понять все до конца, и я спросил:

— Что именно происходило при этом с Его организмом?

— Прежде всего, Его руки сразу же растянулись приблизительно на шесть дюймов, и сразу же вывернулись оба плеча — это легко рассчитать с помощью простых уравнений. Так исполнилось ветхозаветное пророчество из Псалма 21, в котором за много столетий было предсказано Распятие, и было сказано: «Кости мои рассыпались».

ПРИЧИНА СМЕРТИ

Метерелл наглядно описал боль, которую терпел Иисус с начала казни. Но мне нужно было понять, что непосредственно прерывает жизнь жертвы распятия — ведь именно это главный вопрос, от ответа на который зависит, можно ли инсценировать смерть на кресте или остаться живым после казни. И я прямо спросил Метерелла о причине смерти при распятии.

— Когда человека подвешивают в вертикальном положении, как при распятии, — ответил он, — это означает неминуемую медленную мучительную смерть от удушья. Причина ее состоит в том, что вдох производится благодаря усилиям мышц и диафрагмы — они приводят грудную клетку в нужное положение. Чтобы сделать выдох, человек должен опереться на ноги — это облегчает мышечное усилие. Но когда распятый делает это движение, гвоздь впивается еще глубже в ногу, упираясь в кости предплюсны.

После выдоха человек должен расслабиться и сделать новый вдох. Для этого ему опять нужно выгнуться, раздирая окровавленную спину о дерево креста, и так далее — до полного истощения, пока он уже не сможет снова оттолкнуться и сделать вдох.

Когда частота дыхания замедляется, человек впадает в так называемый респираторный ацидоз — углекислый газ растворяется в крови в виде карбонат-иона,

и кислотность крови повышается. Из-за этого постепенно нарушается ритм сердцебиения. По-видимому, когда сердце Иисуса стало биться неравномерно, Он понял, что умирает, и сумел произнести: «Отче! в руки Твои предаю дух Мой». После этого Он умер от остановки сердца.

Это было наиболее понятное объяснение причины смерти при распятии, которое мне доводилось слышать; но Метерелл на этом не остановился:

— А перед смертью — и это тоже важно — гиповолемический шок, по-видимому, вызвал устойчивое повышение сердцебиения, и это на фоне сердечной недостаточности привело к накоплению жидкости в околосердечной сумке — так называемому экссудативному перикардиту, и в плевральной полости вокруг легких — экссудативному плевриту.

— Почему это тоже важно? — спросил я.

— Вспомните, что произошло, когда римский солдат обошел крест и, удостоверившись, что Иисус мертв, подтвердил его смерть, пробив копьем правый бок. Вероятно, это был именно правый бок; это не вполне понятно, но, судя по описанию, это было правое межреберье. Копье пронзило насквозь правое легкое, вошло в сердце, и когда солдат вынул его, наружу выступила какая-то жидкость — это как раз была жидкость из перикарда и плевральной полости. Это описал очевидец Распятия — апостол Иоанн: сначала хлынула прозрачная, как вода, жидкость, а затем — много крови.

Вряд ли Иоанн понимал, почему вместе с кровью течет прозрачная жидкость, — и вряд ли несведущий в медицине человек мог ожидать чего-то подобного. Однако описание Иоанна хорошо соответствует тому, что должно было произойти, — исходя из современных медицинских знаний. Это значит, что Иоанн заслуживает доверия как очевидец; однако мне вдруг показалось, что в его свидетельстве проступает серьезный изъян. Я открыл Библию и нашел страницу со стихом Евангелия от Иоанна 19:34.

— Подождите-ка, доктор, — возразил я, — вот, смотрите, что на самом деле написал Иоанн — «истекла кровь и вода»; он поставил слова именно в этом порядке. А вы говорите, что сначала должна была потечь прозрачная жидкость. Тут явное противоречие.

Метерелл слегка улыбнулся:

— Я не знаток древнегреческого, но специалисты утверждают, что в этом языке порядок слов мог определяться не последовательностью, а значимостью действий. Это значит, что если крови вытекло больше, чем воды, то и во фразе упоминание о ней должно стоять на первом месте.

Я согласился с доктором, но про себя отметил, что это еще надо доказать.

— Итак, — спросил я, — что же можно после всего этого сказать о состоянии Иисуса?

Мы пристально поглядели друг на друга. Метерелл уверенно сказал:

— Вне всякого сомнения, Иисус умер.

ОТВЕТ СКЕПТИКАМ

Казалось бы, уверенность доктора Метерелла вполне оправданна и основана на достоверных фактах. Однако оставались некоторые подробности, которые я хотел уточнить; к тому же, в рассуждениях доктора скрывалось по крайней мере одно слабое место, которое могло серьезно подорвать доверие к библейскому повествованию.

— Евангелия говорят, что солдаты перебили ноги двум преступникам, распятым рядом с Иисусом, — сказал я. — Зачем они это сделали?

— Они хотели таким образом ускорить их смерть. Иудейские старейшины, несомненно, хотели покончить с казнью до захода солнца, до начала субботы и пасхи. Римляне использовали в таких случаях стальные прутья или короткие копья: они перебивали кости ног жертвы. После этого приговоренный не мог больше оттолкнуться ногами, чтобы сделать вдох, и смерть наступала в течение нескольких минут. В Новом Завете сказано, что Иисусу не перебили ног, так как солдаты увидели, что Он уже мертв. Его просто ударили копьем, чтобы подтвердить факт смерти. Так исполнилось еще одно пророчество Ветхого Завета о Мессии — о том, что кости Его не будут разбиты.

Я снова вмешался:

— Кое-кто пытается посеять сомнения в достоверности Евангелий, упирая именно на повествование о распятии. Например, много лет назад в *"Harvard Theological Review"* была опубликована статья, где утверждалось, что во все века распятых привязывали к кресту веревками, а не прибивали гвоздями[103]. Не думаете ли вы, что это говорит о недостоверности Нового Завета?

Доктор Метерелл сдвинулся на краешек стула.

— Да нет же, — вздохнул он. — Современная археология уже давно открыла, что распятых и прибивали, и иногда привязывали.

— Расскажите подробнее, — попросил я.

— К примеру, в 1968 году в Иерусалиме археологи обнаружили останки тридцати евреев, казненных римлянами во время Иудейской войны, около 70 года, — начал Метерелл. — Один из них, предположительно, по имени Иоханан, был распят. Кости его ног были пробиты семидюймовым гвоздем, на котором сохранились даже щепки оливкового дерева от креста. И это явное археологическое подтверждение важнейшей подробности евангельского рассказа о распятии.

Вот оно, подумал я и задал еще один вопрос:

— Но есть и другой повод для сомнений — верно ли определили римские солдаты, что Иисус мертв? Эти люди вряд ли разбирались в анатомии и медицине. Может быть, они ошиблись, и Иисус не умер на кресте?

— Да уж, — кивнул доктор, — эти солдаты не ходили в медицинский институт. Но не забывайте, что они знали толк в убийствах, — это была их работа, и они усердно ее выполняли. Они наверняка знали, чем отличается мертвый человек от живого, — да и нехитрое это дело. И потом: если заключенный каким-то образом совершал побег, виновные солдаты должны были покончить с собой. Так что у них была более чем веская причина тщательно следить за тем, чтобы с креста снимали только мертвых.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ДОВОД

Итак, Иисуса не могли снять с креста живым. Метерелл убедительно доказал это с помощью истории и медицины, археологии и римского военного дела. Однако я снова приступил с расспросами:

— И все-таки, могло ли что-нибудь — хоть что-нибудь — дать Иисусу шанс остаться в живых?

Доктор покачал головой:

— Нет! Вспомните: Он уже перед распятием потерял очень много крови и был в гиповолемическом шоке. Он не мог симулировать смерть, потому что остановку дыхания симулировать невозможно! Не говоря уже о том, что Ему пробили сердце копьем, и этого уже достаточно, чтобы закрыть эту тему. И никакой римлянин не стал бы рисковать собственной жизнью и не позволил бы снять тело с креста, не удостоверившись, что это тело мертво.

— То есть, — спросил я, — если кто-нибудь скажет вам, что Иисус просто потерял сознание на кресте...

Метерелл не дал мне закончить:

— Я отвечу, что это невозможно. Невозможно. Это — высосанная из пальца гипотеза, не имеющая под собой никаких оснований. Но я хотел исчерпать тему до конца. Рискуя вызвать гнев доктора, я спросил:

— Ну давайте предположим, что случилось невозможное, и Иисус каким-то образом остался в живых. Допустим, Он высвободился из савана, выбрался из гробницы, скрылся от охранявших гробницу римских солдат. Говоря языком медицины, в каком состоянии Он должен был находиться после того, как апостолы сняли Его с креста?

Метерелл явно не хотел развивать эту тему.

— Ну вот опять, — простонал он. — Я уже сказал вам, что никто не может остаться в живых после распятия. Но если бы Он и смог — как ходить с гвоздями в ногах? Как бы Он преодолевал в краткий срок большие расстояния — скажем, до Еммауса? Что бы Он мог делать вывернутыми и раздробленными руками? И, наконец, вся спина у Него была тяжко изранена, а грудь пробита копьем!

Доктор на секунду задумался, и по глазам его стало ясно, что он готов поставить точку в этой истории и вбить последний кол в сердце живучей «теории обморока». До него еще никому не удавалось опровергнуть аргумент, впервые выдвинутый немецким богословом Давидом Штраусом в 1835 году.

— Послушайте, — сказал Метерелл, — человек в таком состоянии никогда бы не смог убедить своим видом апостолов в том, что они должны идти в мир и прославлять его как Живого Бога, восставшего из мертвых. Вы понимаете, что я имею в виду? После пережитых страданий, с такими травмами и такой кровопотерей, Он мог внушить апостолам только жалость. Они бы скорее бросились лечить Его, нежели провозглашать Его победу над смертью. Абсурдно предполагать, что апостолы, увидев Его в таком плачевном состоянии, ринулись бы проповедовать, что однажды все воскреснут во плоти, подобно Ему. Это просто не пришло бы им в голову. Так не могло быть!

ВОПРОС, ОБРАЩЕННЫЙ К ДУШЕ

Метерелл мастерски сформулировал свою точку зрения, не оставив и тени сомнения в своей правоте. В основном он отвечал на вопрос «как»: как был казнен Иисус, и мог ли Он при этом выжить? Но, когда он окончил, я почувствовал, что чего-то все же не хватает. Я выудил у доктора информацию, но не заглянул в его сердце. И когда мы уже стояли на пороге, я понял, что мне просто необходимо задать ему вопрос «почему».

— Алекс, я хочу задать вам еще один, последний вопрос, — сказал я, — не как ученому или медику, а просто как человеку.

— Ладно, — ответил он, и я почувствовал, как тает его сдержанность.

— Иисус намеренно отдал себя в руки предателя, Он не сопротивлялся аресту, Он не защищал Себя в суде — очевидно, что Он намеренно пошел на то, что Вы описали как унизительную и медленную муку. И я хочу понять, почему. Что могло подвигнуть человека согласиться на такую казнь?

Александер Метерелл — человек, а не врач, — задумался, подыскивая верные слова.

— Откровенно говоря, я думаю, что обычный человек на такое не способен, — наконец произнес он. — Но Иисус знал, на что Он идет, и Он желал пройти через это, потому что только так Он мог искупить наши грехи, расплатиться за наш бунт против Бога. В этом заключалась цель, ради которой Он пришел на землю.

Я чувствовал, как рационально-логический ум Метерелла стремится свести мой вопрос к твердому и однозначному ответу.

— Если говорить о том, что Им двигало, — заключил Метерелл, — я думаю, что ответить можно одним словом, и это слово — *любовь*.

Когда я ехал домой, это слово вновь и вновь звучало у меня в голове.

Да, моя поездка в Калифорнию оказалась более чем полезной. Метерелл убедительно объяснил, что Иисус не мог выжить после распятия — казни настолько отвратительной, что римляне подвергали ей своих полноправных граждан разве что за особо тяжкие преступления.

Выводы Метерелла согласуются с мнениями других врачей, изучавших этот вопрос. Среди них — доктор Уильям Д. Эдвардс (William D. Edwards), чья статья была опубликована в 1986 году в журнале *"Journal of American Medical Association"*. Вывод статьи гласил: «Все медицинские и исторические факты определенно говорят о том, что к тому моменту, когда Иисусу была нанесена рана копьем в бок, Он уже был мертв... Мнение, будто Иисус не умер на кресте, противоречит современной медицинской науке»[104].

Скептикам, которые отрицают Воскресение Иисуса на том основании, что Он якобы избежал каким-то образом смерти на Голгофе, придется поискать другую, более убедительную теорию. И пусть они придут к тому же жгучему вопросу: что заставило Иисуса сознательно и добровольно пойти на распятие?

Вопросы для размышления

1. Что вы думаете о «теории обморока» теперь, услышав мнение Метерелла? Обоснуйте свой ответ.
2. Крест был символом христиан на протяжении двух тысяч лет. Что вы теперь думаете об этом символе?
3. Способны ли вы пострадать во благо другого человека? Ради кого и почему? Что могло бы вас к этому побудить?
4. Как бы вы отнеслись к людям, которые бы оскорбляли, унижали и мучили вас, как солдаты — Иисуса? Что побудило Иисуса сказать во время распятия: «Отче! прости им»?

На ту же тему

Edwards, William D., et al. "On the Physical Death of Jesus Christ." Journal of the American Medical Association (March 21, 1986), 1455 — 63.

Foreman, Dale. Crucify Him. Grand Rapids: Zondervan, 1990.

Hengel, M. Crucifixion in the Ancient World. Philadelphia: Fortress, 1977.

McDowell, Josh. The Resurrection Factor. San Bernardino, Calif.: Here's Life, 1981.

12. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ТЕЛА КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО. *Действительно ли гробница Иисуса оказалась пуста?*

Хелен Уорис Брак, наследница огромного состояния, ясным осенним утром вышла из самолета, приземлившегося в самом большом аэропорту мира, смешалась с толпой и… бесследно исчезла. Вот уже двадцать с лишним лет полиция и журналисты тщетно пытаются выяснить, что же произошло с огненно-рыжей активисткой-благотворительницей и любительницей животных?

У следствия нет сомнений в том, что Хелен убита, однако конкретные обстоятельства убийства остаются тайной — в первую очередь потому, что тело Хелен так и не было найдено. Полиция поделилась с прессой леденящими душу соображениями, а судья высказал версию, что в исчезновении Хелен замешан некий мошенник. Но тело не обнаружили, а потому официально убийство Хелен Брак осталось нераскрытым, и обвинение не было предъявлено никому.

Дело Хелен Брак — одна из загадок, годами не дающих мне покоя. Время от времени я перебираю в памяти скудные свидетельства и складываю их то так, то этак, силясь понять, что же произошло. Однако эти попытки безрезультатны — я хочу не гадать, а знать, но для этого мне явно не хватает фактического материала.

«Тело исчезло» — знакомая ситуация; такое случается и в детективных романах, и в реальной жизни. Но чтобы тело исчезло из гроба? В отличие от истории Хелен Брак, в истории Иисуса загадка не в том, что Его больше никто и никогда не увидел ни живым, ни мертвым. Его видели живым; Его видели мертвым; и Его снова видели живым. Если верить Евангелиям, то дело не в пропаже Тела. Дело в том, что Иисус жив, жив по сей день, после всех ужасов распятия, подробно описанных в предыдущей главе.

Пустая гробница как вечный символ Воскресения — главнейшее из доказательств божественной природы Иисуса, о которой говорил Он Сам. Апостол Павел в 1-ом послании к Коринфянам 15:17 писал, что Воскресение — стержень христианской веры: «А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших».

Богослов Джералд О'Коллинз (Gerald O'Collins) выразил эту мысль такими словами: «В высшем смысле, христианство без Воскресения — это христианство без последней, заключительной главы. Это вообще не христианство»[105].

Воскресение Иисуса — главное подтверждение Его божественности и боговдохновенности Его учения, доказательство Его победы над грехом и смертью. Его Воскресение — предзнаменование воскресения Его последователей, основа христианской веры, чудо из чудес…

…если, конечно, Он действительно воскрес. Скептики полагают, что исчезновение Тела Иисуса — история, аналогичная исчезновению Хелен Брак: слишком мало свидетельств, говорят они, для того, чтобы прийти к твердым выводам.

Однако есть люди, утверждающие, что дело об исчезновении Тела Иисуса следует считать закрытым, поскольку имеются убедительные доказательства того, что в пасхальное утро Его гробница была пуста. И если вы хотите подробно ознакомиться с этими доказательствами, то лучшее, что вы можете сделать, — это обратиться к Уильяму Лейну Крэгу, одному из наиболее выдающихся специалистов в мире по вопросам, связанным с Воскресением Иисуса.

Интервью одиннадцатое: УИЛЬЯМ ЛЕЙН КРЭГ, д-р философии, д-р богословия

В первый раз я увидел Билла Крэга в несколько необычном ракурсе: я сидел позади него, в то время как он выступал с речью в защиту христианства перед аудиторией, состоявшей почти из восьми тысяч человек; кроме того, ему внимало бессчетное число слушателей по всей стране — выступление Крэга транслировали более ста радиостанций.

Будучи ведущим дискуссии между Крэгом и представителем Ассоциации атеистов Америки, я не мог не восхищаться тем, как вежливо, корректно, но твердо Крэг отстаивал позиции христианства, развенчивая при этом доводы в пользу атеизма. Я видел лица людей, впервые в жизни увидевших, что христианство поддается рациональному исследованию.

Этот вечер закончился полной победой христианства. 82% тех, кто вошел в этот зал ярым атеистом, агностиком или скептиком, вышли оттуда в полной уверенности, что аргументы в пользу христианства оказались наиболее убедительными. Сорок семь человек пришли туда неверующими, а ушли христианами — настолько впечатлили их аргументы Крэга, особенно в сравнении со скудными свидетельствами в пользу атеизма. Атеистом же после этой дискуссии не стал никто[106].

Я летел в Атланту на встречу с Крэгом, и мне не терпелось узнать, что же он ответит на утверждения неверующих о гробнице Иисуса.

За несколько лет, минувших с той нашей встречи, Крэг совсем не изменился. Коротко подстриженная черная бородка, резкие черты лица, завораживающий взгляд — казалось бы, нетипичная для мужа науки внешность; и все-таки стоит Крэгу заговорить, как становится ясно: перед вами настоящий ученый. Его речь стройна и логична, он никогда не сбивается, не теряет мысли, на вопросы отвечает последовательно, шаг за шагом, факт за фактом.

И все-таки Крэг — не «книжный червь»; в его богословии бьется и пульсирует живая мысль. Она светится в его глазах, когда он связывает в единую цепь гипотезы и теории; его жесты призывают к согласию и пониманию; в его голосе слышится то неприкрытый восторг от головокружительно сложного богословского открытия, то искренняя горечь и недоумение: ну почему же некоторые ученые упорно закрывают глаза на столь очевидные свидетельства? Короче говоря, богословие для него — дело не только разума, но и сердца. О своих оппонентах-атеистах он говорит без тени высокомерия или враждебности, при этом всячески старается подчеркнуть их достоинства: этот — прекрасный оратор, тот — чудный собеседник...

Во всех хитросплетениях нашего диалога меня не покидало ощущение, что он не лезет вон из кожи, чтобы выбить у оппонента почву из-под ног; он искренне пытается привести людей к истине, потому что, по его мнению, они дороги Богу. И он по-настоящему огорчен и озадачен, когда кто-то не может — или не хочет — осознать, что опустевшая гробница Иисуса — объективный факт.

ПУСТАЯ ГРОБНИЦА: ДОВОДЫ «ЗА»

Крэг угнездился на диване в своей гостиной. Он был в голубых джинсах, белых носках и темно-синем свитере с высоким воротом. За спиной у него висела большая картина — пейзаж Мюнхена.

Именно там, в Мюнхене, работая над докторской диссертацией по богословию, Крэг начал заниматься темой Воскресения. К тому времени у него уже была степень магистра искусств после окончания Евангельской богословской школы Святой Троицы, а также степень доктора философии, полученная в Англии, в университете Бирмингема. Позже он преподавал в школе Святой Троицы и — в качестве приглашенного ученого — в Высшем институте философии при университете Левена близ Брюсселя.

В числе его книг — «Обоснованная вера»; «Непростые ответы» (*“No Easy Answers”*); «Правда о Воскресении» (*“Knowing the Truth about the Resurrection”*); «Единственный мудрый Бог» *(“The Only Wise God”*); «Существование Бога и начало Вселенной» (*“The Existence of God and the Beginning of the Universe”*); и, в соавторстве с Квентином Смитом (*Quentin Smith*), «Теизм, атеизм и космология Большого

Взрыва» (*“Theism, Atheism and Big Bang Cosmology”*), опубликованная издательством “Oxford University Press”. Крэг выступил в качестве одного из авторов таких работ, как «Что интеллектуалы говорят о Боге» (*“The Intellectuals Speak Out about God”*); «Иисус под обстрелом»; «В защиту чудес» (*“In Defense of Miracles”*) и «Существует ли Бог?» (*“Does God Exist”*). Его научные статьи опубликованы в журналах *“New Testament Studies”*, *“Journal for the Study of the New Testament”, “Gospel Perspectives”, “Journal of the American Scientific Affiliation”, “Philosophy”*. Крэг — член пяти профессиональных обществ, в том числе Американской академии религии и Американской философской ассоциации.

Всемирно известный ученый, прославившийся работами о взаимосвязи естественных наук, философии и богословия, Крэг без лишних просьб с моей стороны приступил к теме, по сей день вызывающей у него учащенное сердцебиение, — к теме Воскресения Иисуса.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ИИСУС БЫЛ ПОХОРОНЕН В ГРОБНИЦЕ?

Прежде чем выяснять, опустела ли гробница Иисуса, нужно было узнать, действительно ли Он был похоронен в гробнице. Согласно историческим данным, распятых преступников оставляли на крестах на растерзание хищным птицам или же бросали в общую могилу. Именно поэтому Джон Доминик Кроссан из «Семинара Иисуса» утверждает, что Тело Иисуса, скорее всего, раскопали и сгрызли дикие собаки.

— Но если такова была общепринятая практика, — спросил я Крэга, — не резонно ли предположить, что именно это произошло с Иисусом?

— Если исходить только из общепринятой практики — да, — незамедлительно ответил он. — Но в нашем случае это означало бы пренебречь особыми обстоятельствами.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда давайте поговорим об особых обстоятельствах.

Я начал с самой явной проблемы. Евангелия гласят, что Тело было отдано Иосифу из Аримафеи — члену того самого синедриона, который приговорил Иисуса к смерти.

— Но ведь это совершенно неправдоподобно! — голос мой прозвучал резче, чем мне хотелось бы.

Готовясь отвечать, Крэг устроился поуютней.

— Это вполне правдоподобно, — начал он, — если рассмотреть все свидетельства в пользу захоронения. С них и начнем. Во-первых, о погребении Иисуса говорит апостол Павел в 1-ом послании к Коринфянам 15:3 — 7, в контексте самого раннего символа веры.

Я кивнул, поскольку об этом мне подробно рассказывал доктор Бломберг. Крэг, как и Бломберг, полагал, что этот символ веры появился через несколько лет после Распятия Иисуса; он был дан апостолу Павлу после его обращения, либо в Дамаске, либо позже, в Иерусалиме, при встрече с апостолами Иаковом и Петром.

Как только Крэг заговорил о раннем символе веры, я открыл Библию и быстро перечитал этот фрагмент: «Ибо я первоначально преподал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию…» Далее апостол упоминал о явлениях воскресшего Иисуса.

— Этот символ веры — немыслимо ранний и, следовательно, достойный доверия документ, — произнес Крэг. — По сути, это догмат, состоящий из четырех строк. Первая строка относится к Распятию, вторая к погребению, третья к Воскресению, четвертая — к явлениям Христа. Как видите, вторая строка недвусмысленно сообщает нам о том, что Иисус был погребен.

— Погодите, — перебил я. — Допустим, Он был погребен — но откуда следует, что именно в гробнице? И какова тут роль Иосифа Аримафейского, этой загадочной личности, которая как будто только для того и возникает ниоткуда, чтобы забрать тело?

— Этот символ веры — краткое и точное изложение евангельского учения, — спокойно пояснил Крэг. — В Евангелиях мы находим четыре независимые рассказа о погребении — и в каждом упомянут Иосиф из Аримафеи. Больше того: свидетельство Марка является настолько ранним, что оно даже теоретически не могло исказиться под влиянием устных легенд.

— Откуда вам известно, что оно такое раннее? — спросил я.

— Тому есть два доказательства. Во-первых, Евангелие от Марка вообще самое раннее. Во-вторых, оно состоит преимущественно из кратких историй об Иисусе и походит скорее на нитку жемчуга, нежели на непрерывное и гладкое повествование. Однако когда дело доходит до последней недели жизни Иисуса, до так называемых Страстей Господних, — рассказ преображается, становится последовательным и связным. Здесь Марк явно прибегнул к еще более раннему источнику, включавшему в себя историю погребения Иисуса.

ИОСИФ ИЗ АРИМАФЕИ — ЛИЦО ИСТОРИЧЕСКОЕ?

Все это звучало вполне достоверно, но все же я углядел в Евангелии от Марка одну неувязку.

— Марк пишет, что Иисуса приговорил к смерти весь синедрион, — сказал я. — Выходит, в число осудивших Его входил и Иосиф Аримафейский. С какой же стати ему потом было хоронить Иисуса с почестями? Как-то мало похоже на правду...

Высказав это сомнение, я, сам того не ведая, оказался в хорошей компании!

— Похоже, что это смущало не только вас, но и евангелиста Луку, — сказал Крэг. — Возможно, именно поэтому он добавил в свое Евангелие немаловажную деталь: когда вершился приговор синедриона, Иосиф отсутствовал. И это многое объясняет. Но главное — Иосиф из Аримафеи совсем не та фигура, какая могла бы возникнуть в христианских легендах или стать плодом фантазии христианских авторов.

— Но почему? — Я ждал обоснований.

— Ранние христиане ненавидели еврейских старейшин, приговоривших Иисуса к распятию, — пояснил Крэг, — и потому совершенно невероятно, чтобы они выдумали «хорошего» старейшину, который с почестями похоронил Иисуса, в то время как Его покинули даже ученики! Да и кто рискнул бы дать вымышленному персонажу реальное имя и поместить его в реально существующий круг, когда это так легко было проверить и опровергнуть? Таким образом, нет ни малейших сомнений, что Иосиф из Аримафеи — фигура историческая. Добавлю еще, — продолжил Крэг, предугадав мой вопрос, — что если бы история погребения Иисуса Иосифом Аримафейским была более поздней легендой, то в ней фигурировали бы иные похоронные обряды. Однако ничего подобного мы не наблюдаем!

В итоге, большинство современных исследователей Нового Завета склоняется к мысли, что свидетельство о погребении Иисуса достойно доверия. Покойный Джон Э. Т. Робинсон (John A. T. Robinson), специалист по Новому Завету из Кембриджского университета, называл погребение Иисуса одним из наиболее ранних и наилучшим образом доказанных исторических фактов, связанных с Его жизнью.

Аргументы Крэга убедили меня, что Тело Иисуса действительно было похоронено в гробнице Иосифа Аримафейского. Однако упомянутый выше символ веры оставлял место для разночтений: возможно, в нем подразумевалось, что Тело по-прежнему находится там, где было погребено?

— В раннем символе веры говорится, что Иисус был распят и погребен, а затем воскрес, — подчеркнул я. — О пустой гробнице там не сказано ни слова. Не дает ли это нам основания предположить, что Воскресение было сугубо духовным, а Тело по-прежнему находилось в гробнице?

— Напротив, — возразил Крэг, — этот символ веры со всей определенностью предполагает, что гробница была пуста! Дело в том, что для евреев была характерна как раз концепция физического воскресения, предметом которого были кости — даже не плоть, считавшаяся бренной. После того, как плоть истлевала, евреи собирали кости своих покойных и укладывали в особые ящики — в ожидании конца времен, когда Бог воскресит всех праведников Израиля и соберет в Своем Царстве. В свете этого евреи тех времен попросту не могли считать, что тело воскресшего из мертвых по-прежнему пребывает в могиле; это было бы логической несообразностью. Вот почему, когда раннехристианский символ веры провозглашает, что Иисус был погребен и в третий день воскрес, это может означать только одно: Его Тело покинуло гробницу!

НАДЕЖНО ЛИ БЫЛА ЗАЩИЩЕНА ГРОБНИЦА?

Крэг убедил меня, что Иисус был погребен, но отсюда неизбежно вытекает второй вопрос: хорошо ли была защищена гробница? Ведь Тело могли украсть!

— Насколько надежной была гробница? — спросил я.

И Крэг приступил к описанию гробницы I века, основанному на данных археологических раскопок.

— К низкому входу в гробницу был прорыт наклонный желоб; по этому желобу скатывали большой плоский камень в форме диска, который прикрывал вход. — Он подкреплял свой рассказ жестами. — Этот диск подпирали камнем поменьше. Скатить диск вниз не составляло особого труда, зато, чтобы поднять его наверх и, следовательно, открыть гробницу, понадобилось бы несколько мужчин. В этом смысле гробница была защищена более чем хорошо.

Да, но сторожил ли ее кто-нибудь? Я знал: некоторые неверующие пытаются бросить тень на общепринятое мнение, что гробницу Иисуса день и ночь охраняли римские солдаты, и если бы они покинули свой пост, то поплатились бы за это жизнью.

— Вы уверены, что римляне охраняли гробницу? — спросил я.

— Из всех евангелистов об этом упоминает только Матфей, — ответил Крэг. — Но, в любом случае, я не считаю этот факт важным аспектом свидетельства о Воскресении. В современной науке этот вопрос вызывает много споров, а я предпочитаю строить свои аргументы на тех доказательствах, которые признаны большинством ученых. Поэтому мы лучше не будем говорить о том, стояли ли у гробницы стражники.

Этот подход удивил меня:

— Разве вы тем самым не ослабляете свои позиции?

Крэг покачал головой.

— Честно говоря, эта тема была важна разве что в XVIII веке, когда критики Библии предполагали, что апостолы выкрали Тело Иисуса из могилы; сегодня же в это никто не верит. Когда читаешь Новый Завет, — продолжил он, — не возникает ни малейших сомнений в том, что апостолы искренне верили в Его Воскресение. Каждый из них до самой смерти проповедовал эту истину. В наши дни идея, будто гробница опустела в результате мистификации, заговора или кражи, отвергнута целиком и полностью. Поэтому тема охраны имеет лишь второстепенное значение.

И ВСЕ-ТАКИ: БЫЛА ЛИ СТРАЖА?

Тем не менее, мне было интересно, существуют ли доказательства в пользу утверждения Матфея о том, что место захоронения Иисуса охраняли римские солдаты. Прекрасно понимая позицию Крэга, я все же попытался узнать у него, подтверждаются ли слова евангелиста историческими фактами.

— Да, — ответил он. — Возьмем хотя бы споры о Воскресении, которые вели между собой иудеи и христиане в I веке. «Иисус воскрес!» — таково было изначальное утверждение христиан. «Нет, просто ученики выкрали Его Тело!» — отвечали иудеи. «Но ведь у гробницы были стражники, — возражали на это христиане, — они бы не допустили кражи!» «А стражники уснули!» — парировали иудеи. «Нет, — отвечали христиане, — это иудеи их подкупили, чтобы они всем говорили, будто уснули!»

Рассудите сами: если бы никакой охраны у гробницы не было, спор пошел бы по другой колее. В ответ на христианское: «Иисус воскрес!» иудеи заявили бы: «Нет, ученики выкрали Его Тело!», христиане бы ответили: «Но ведь у гробницы были стражники», а иудеи возмутились бы: «Какие стражники? Да вы с ума сошли! Никаких стражников там и в помине не было!» Однако ничего подобного иудеи не говорили. Отсюда следует, что охрана гробницы Иисуса — исторический факт, хорошо известный иудеям тех времен; именно поэтому они и вынуждены были выдумать нелепую историю о стражниках, которые уснули и позволили апостолам выкрасть Тело.

Но мне не давал покоя еще один вопрос.

— По-моему, тут есть одна проблема... Зачем вообще иудейским властям было выставлять у гробницы стражу? Если они предчувствовали Воскресение — или подозревали, что ученики захотят инсценировать Воскресение, — то, получается, они понимали Его пророчества лучше апостолов! Ведь апостолов Воскресение изумило!

— Тут вы попали в точку, — сдался Крэг. — Возможно, власти поставили охрану, чтобы на время Пасхи предотвратить ограбление могилы или другие беспорядки. Этого мы не знаем. Признаю, что в вашем доводе есть рациональное зерно. Однако непреодолимым я его не считаю.

Тем не менее, вопрос оставался вопросом, и к нему прибавился еще один.

— Матфей говорит, что римские стражи доложили обо всем, что произошло, иудейским старейшинам. Но это неправдоподобно — ведь они были подотчетны Пилату!

Губы Крэга тронула улыбка.

— Обратите внимание, — начал он, — ведь Матфей нигде не говорит, что стражники были римлянами. Иудеи пришли к Пилату и попросили охрану для гробницы; Пилат ответил им: «Имеете стражу». Вопрос в том, что он имел в виду: «Вот вам взвод римских солдат» или «У вас есть своя храмовая стража»? Ученые много спорили об этом. Поначалу я склонялся к мысли, что стражники были евреями — по той же причине, которую вы упоминали. Однако потом я изменил свое мнение. Дело в том, что слово, употребленное Матфеем, часто употребляется по отношению к римским солдатам, а не к служителям Храма. И вспомните: Иоанн повествует о римском тысяченачальнике, который под руководством иудейских служителей привел римских солдат арестовать Иисуса. Вот прецедент: римские воины подотчетны иудейским руководителям. Вполне вероятно, что так же решался и вопрос об охране гробницы.

Обдумав все услышанное, я уверился в том, что гробница охранялась; и, поскольку Крэг не считал свидетельства о страже безупречными и принципиально важными, я решил больше не задавать вопросов на эту тему. Меня больше волновал другой и, как мне казалось, чрезвычайно убедительный аргумент против того, что в пасхальное утро гробница Иисуса была пуста.

ПРОТИВОРЕЧИЯ?

Вот уже много столетий критики христианства выискивают расхождения между разными евангельскими повествованиями о гробнице Иисуса, опустевшей наутро в Пасху. Так, Чарльз Темплтон недавно сказал: «Эти четыре описания… расходятся по стольким пунктам, что мы просто не можем примирить между собой все противоречия, как бы ни старались»[107].

Если принять это высказывание за чистую монету, можно решить, что евангельские повествования о пустой гробнице недостойны доверия. В то утро я прочел Крэгу выводы доктора Майкла Мартина из Бостонского университета:

«В Евангелии от Матфея, когда Мария Магдалина и другая Мария перед рассветом приходят к гробу, начинается страшное землетрясение, «ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба». В Евангелии от Марка женщины приходят к гробу «при восходе солнца», и камень уже отвален от двери. В Евангелии от Луки женщины приходят очень рано и тоже находят камень отваленным от гроба.

В Евангелии от Матфея Ангел сидит на камне перед входом в гробницу. В Евангелии от Марка юноша сидит прямо в гробнице. В Евангелии от Луки — в гробнице перед женщинами предстают двое мужчин в блистающих одеждах.

В Евангелии от Матфея к гробу приходят Мария Магдалина и другая Мария. В Евангелии от Марка — две Марии и

Саломия. В Евангелии от Луки — Мария Магдалина, Мария — мать Иакова, Иоанна и другие женщины.

В Евангелии от Матфея две Марии, «выйдя поспешно из гроба, они со страхом и радостью великою побежали возвестить ученикам Его» — и по пути встретили Иисуса. В Евангелии от Марка они в страхе покидают гробницу и никому ничего не говорят. В Евангелии от Луки женщины говорят обо всем этом апостолам, но те им не верят, а на встречу с Иисусом нет и намека»[108].

— И еще, — добавил я, — Мартин отмечает, что Евангелие от Иоанна расходится со всеми тремя. Он заключает: «Таким образом, рассказы о том, что случилось наутро у гроба, не согласуются между собой — а если согласуются, то лишь при условии неправдоподобных истолкований»[109].

Я прекратил читать, поднял глаза, встретился взглядом с Крэгом и напрямую спросил:

— Как же вы, в свете всего этого, можете верить в историю об опустевшей гробнице?

Манера поведения и речи моего собеседника заметно изменились. Пока мы говорили на общие темы или обсуждали не самые острые проблемы, тон его был спокойно-добродушным. Но чем каверзнее становились мои вопросы, тем сильнее он оживлялся. Видно было, как ему не терпится глубже нырнуть в эти бурные и опасные воды.

Крэг прокашлялся и начал:

— При всем моем уважении к Майклу Мартину, он все же философ, а не историк. С точки зрения философа, когда где-то что-то не сходится, в действие вступает закон о противоречии, который подсказывает: «Это не может быть верно!» Историк же, сравнив эти повествования, скажет: «Да, я вижу расхождения, но при этом

вижу главное: все они касаются второстепенных деталей». Суть остается неизменной: Иосиф из Аримафеи забирает тело Иисуса и кладет в гробницу; наутро после распятия, в воскресенье, туда приходят несколько женщин — последовательниц, и обнаруживают, что гробница пуста; им являются Ангелы и говорят, что Иисус восстал из мертвых. Дотошный историк, в отличие от философа, не выплеснет вместе с водой ребенка. Он скажет: «Значит, в основе этих рассказов лежит историческая истина, и мы можем с уверенностью положиться на нее, каковы бы ни были расхождения во второстепенных подробностях». Таким образом, мы испытываем полное доверие к историческому факту, лежащему в основе всех четырех повествований. В этом сходится большинство современных исследователей Нового Завета — несмотря на различия, касающиеся имен женщин, точного времени суток, числа Ангелов и так далее. Все это — мелкие разночтения, не вызывающие беспокойства у профессиональных историков.

Даже скептически настроенный историк Майкл Грант (Michael Grant), научный сотрудник Кембриджского колледжа Святой Троицы и преподаватель Эдинбургского университета, в своей книге «Иисус: взгляд историка на Евангелия» (*"Jesus: An Historian's Review of the Gospels"*) признается: «Да, в разных Евангелиях по-разному повествуется о том, как была обнаружена пустая гробница; однако если подойти к этим повествованиям с теми же критериями, с какими мы подходим к другим литературным источникам древности, мы обнаружим надежные доказательства того, что последователи Иисуса утром увидели опустевший гроб»[110].

ПРИМИРИМЫ ЛИ РАСХОЖДЕНИЯ?

Готовя репортажи об уголовных делах, я не раз видел, как два свидетеля давали одни и те же показания, совпадавшие до мельчайших подробностей, тютелька в тютельку. И что же? Адвокат подсудимого обвинял их в том, что они сговорились заранее!

— Наверное, — сказал я Крэгу, — если бы все четыре Евангелия совпадали до мелочей, это непременно вызвало бы подозрения в сговоре или плагиате.

— Верное наблюдение, — отозвался он. — Разногласия в свидетельствах о том, как гробницу увидели пустой, говорят о том, что это — независимые свидетельства. Порой приходится слышать: «Матфей и Лука все списали у Марка»; но, внимательно прочитав и сравнив Евангелия, нетрудно заметить расхождения, явно показывающие, что даже если Матфей и Лука были знакомы с вариантом Марка, у каждого из них были и свои, отдельные, независимые источники. Итак, когда речь идет о независимых свидетельствах, ни один историк не отвергнет их из-за расхождений в деталях. Вот вам пример из светской истории. У нас есть два повествования о том, как Ганнибал переходил Альпы, идя походом на Рим, и они категорически несовместимы. Однако ни один античный историк не усомнился в том, что этот поход имел место! Расхождения во второстепенных деталях не затмевают сути подлинного исторического события.

С этим я не мог не согласиться. Противоречия, упомянутые Мартином, больше не казались мне непримиримыми. Я признался в этом Крэгу и спросил:

— А есть ли способы примирить эти расхождения?

— Безусловно, — кивнул он. — Возьмем, к примеру, время прихода женщин к гробнице. Один автор говорит, что было еще темно, другой — что уже светало; но это же как пресловутый спор оптимиста и пессимиста, когда оптимист говорит, что стакан наполовину полон, а пессимист — что он наполовину пуст. Дело шло к рассвету, о чем и говорят оба автора, только разными словами. Что же касается того, сколько было женщин и как их звали, — ни одно из Евангелий не претендует на полный список. Везде упоминается Мария Магдалина и несколько других женщин.

Возможно, к гробу пришла целая группа последовательниц Иисуса, а авторы перечислили лишь часть из них. По-моему, называть это противоречием — большая натяжка.

— А то, что произошло потом? — не унимался я. — Марк говорит, что женщины ничего никому не сказали, а другие евангелисты утверждают обратное!

— Это связано с особенностями богословия Марка, — пояснил Крэг. — Он любил подчеркивать благоговейный трепет, охватывающий человека в присутствии Божества. Именно такая реакция — бежали в страхе и никому ничего не сказали — более чем характерна для его богословия и литературного стиля. К тому же, возможно, женщины недолго хранили молчание; потом они могли вернуться и поведали людям об увиденном. — Он усмехнулся: — Да что там «могли»! Именно так они и поступили, иначе откуда бы Марк об этом узнал?

Мне хотелось спросить его еще об одном расхождении, часто цитируемом критиками.

— В Евангелии от Матфея 12:40 Иисус говорит: «...ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи». Однако, согласно Евангелиям, Он пробыл в гробнице всего один полный день, две полных ночи и еще два неполных дня. Разве это не означает, что Иисус не исполнил Своего же пророчества?

— Некоторые христиане из благих побуждений предполагают, исходя из этого стиха, что Иисус был распят не в пятницу, а в среду! — сказал Крэг. — Однако большинство ученых сходится в том, что, согласно древнееврейской концепции счета времени, любая часть дня считалась полным днем. Иисус пробыл в гробу часть пятницы, всю субботу и часть воскресного утра — и традиционно это воспринималось как три дня. Вот, — заключил он, — еще один пример того, как можно разъяснить или свести к минимуму эти расхождения. Нужно лишь немного базовых знаний — и открытое сердце!

МОЖНО ЛИ ДОВЕРЯТЬ ОЧЕВИДЦАМ?

Евангелия сходятся в том, что пустую гробницу обнаружили женщины — ученицы Иисуса. С точки зрения Мартина, это бросает тень на их свидетельства, поскольку друзей и последователей «вряд ли можно назвать объективными наблюдателями». Поэтому я спросил Крэга:

— Как вы полагаете, отношения этих женщин с Иисусом не ставят под сомнение надежность их рассказа?

Сам того не ведая, я сыграл на руку собеседнику.

— Вот довод, который бьет рикошетом по своим сторонникам, — ответил Крэг. — Разумеется, эти женщины были друзьями Иисуса. Но тем, кто представляет себе роль женщины в иудейском обществе I века, остается лишь удивляться, что в этой истории именно женщины первыми обнаружили пустую гробницу! Дело в том, что в те времена в Палестине женщины стояли на чрезвычайно низкой ступени социальной лестницы. Известны раввинистические поговорки тех времен: «Лучше пусть слова Закона сгорят, чем будут препоручены женщинам» и «Блажен породивший сыновей, но горе породившему дочерей!» Показания женщин не имели никакой цены; им даже не разрешалось свидетельствовать в суде. В свете этого особенно важно, что главными очевидцами опустевшей гробницы стали именно эти женщины, дружившие с Иисусом. Если бы свидетельства о Воскресении были вымыслом, то честь такого открытия непременно приписали бы апостолам-мужчинам — Петру, например, или Иоанну. Поэтому, раз первыми свидетелями названы женщины, это может означать только одно: *так оно и было*! Отсюда следует, что

евангелисты верно и непредвзято описали даже обескураживающие события. Их рассказы — не легенда, а точная историческая летопись!

ЗАЧЕМ ЖЕНЩИНЫ ОТПРАВИЛИСЬ К ГРОБНИЦЕ?

Крэг объяснил все, кроме одного: зачем женщины направились умащивать Тело Иисуса, если они знали, что вход в гробницу завален камнем?

— Какой смысл в этом поступке? — спросил я.

Крэг немного подумал.

— Ли, я искренне считаю, — тон его, прежде оживленный и напористый, потеплел, — что ученые сухари, не понимающие, как эти женщины любили Иисуса, не имеют права судить о том, был смысл в их действиях или не было! Скорбящие и осиротевшие, потерявшие Того, Кого они отчаянно любили и за Кем готовы были следовать, они пришли умастить Его Тело — в отчаянной надежде хоть что-то сделать для Него... а критики с высоты минувших веков разглядывают их как бездушных роботов: «Они не должны были идти туда, поскольку знали, что...». — Крэг пожал плечами. — Может быть, женщины надеялись, что поблизости будут мужчины, которые помогут им откатить камень. Например, те же стражники. Не знаю. Очевидно лишь, что приход к гробу и умащение тела умершего благовониями — практика, традиционная для иудеев тех времен; вопрос только в том, кто сдвинул с места камень. И я считаю, что мы не вправе судить, нужно ли им было идти к гробу или оставаться дома!

ПОЧЕМУ ХРИСТИАНЕ НЕ ССЫЛАЛИСЬ НА ОПУСТЕВШУЮ ГРОБНИЦУ?

Готовясь к беседе с Крэгом, я побывал на интернет-сайтах нескольких атеистических организаций. Меня интересовало, какие аргументы против Воскресения приводят неверующие. Надо сказать, что по этой теме я почти ничего не нашел; но один критик все же выдвинул возражение, которым мне не терпелось поделиться с Крэгом. По словам этого критика, главный довод против опустевшей гробницы Иисуса таков: ни апостолы, ни более поздние христианские проповедники не указывают на этот факт! Он пишет: «Казалось бы, ранние христиане должны были говорить: «Вы нам не верите? Так пойдите и убедитесь сами!». Но, продолжает он, апостол Петр в своей проповеди во второй главе Книги Деяний ни слова не говорит о пустой гробнице. «Если даже апостолы не верили, что гробница была пуста, — заключает этот человек, — то почему мы должны в это верить?»

При этих словах глаза Крэга расширились.

— Но это же не так! — в голосе его звучало изумление. Он раскрыл Библию и принялся листать ее, ища вторую главу Деяний Святых Апостолов — проповедь Петра в Пятидесятницу. — Петр *говорит* о том, что гробница опустела! Вот, стих 24: «Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти». Дальше апостол цитирует псалом Давида — о том, что Бог не даст Своему Святому увидеть тления, — и доверительно сообщает: «...да будет позволено с дерзновением сказать вам о праотце Давиде, что он и умер и погребен, и гроб его у нас до сего дня». Но, продолжает он, с Христом все иначе — «не оставлена душа Его в аде, и плоть Его не видела тления. Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели». — Крэг поднял глаза. — Видите, в этой проповеди гроб, в котором покоится тело Давида, противопоставлен пророчеству Давида о том, что Мессия воскреснет из мертвых, и Тело Его избежит тления. Отсюда ясно следует, что гробница Мессии опустела.

Крэг перелистнул несколько страниц Книги Деяний Святых Апостолов:

— В Деяниях 13:29 — 31 Павел говорит: «Когда же исполнили все написанное о Нем, то, сняв с древа, положили Его во гроб. Но Бог воскресил Его из мертвых. Он в продолжение многих дней являлся тем, которые вышли с Ним из Галилеи в Иерусалим». Здесь тоже явно подразумевается опустевший гроб!

Крэг закрыл Библию и добавил:

— Утверждать, будто ранние проповедники не говорили о пустой гробнице, только потому, что они не употребляли слов «пустая гробница» — это, с моей точки зрения, просто неумно. Несомненно, эти люди — а вслед за ними и их слушатели — понимали, что гроб Иисуса опустел!

ГДЕ АРГУМЕНТЫ «ЗА»?

Я обрушил на Крэга всевозможные возражения и аргументы *против* того, что гробница Иисуса была пуста, — и вдруг осознал, что до сих пор не дал ему возможности привести доводы «за». Он лишь вскользь упомянул несколько причин, по которым сам в это верит.

— Сразите меня наповал! — предложил я. — Приведите четыре-пять основных доказательств того, что опустевшая гробница — исторический факт.

Крэг не заставил себя долго упрашивать — он четко и убедительно изложил свои доводы.

— Во-первых, тема пустой гробницы явно подразумевается преданием, на которое ссылается апостол Павел в пятнадцатой главе 1-го послания к Коринфянам; а предание — очень древний и надежный источник исторических сведений об Иисусе.

Во-вторых, местоположение гробницы Иисуса было известно и христианам, и иудеям. И если бы она не была пуста, движение, основанное на вере в Воскресение, не возникло бы в том же городе, где этот Человек был публично распят и похоронен.

В-третьих, по языку, грамматике и стилю евангелиста Марка видно, что он почерпнул историю об опустевшей гробнице — да и все свое пылкое и страстное повествование — из более раннего источника. Есть свидетельства, что Евангелие от Марка было написано до 37 года, когда устное предание еще не могло исказиться. Последнюю мысль поддерживает и А. Н. Шервин-Уайт (A. N. Sherwin-White), выдающийся историк из Оксфордского университета, специалист по Древней Греции и Древнему Риму.

В-четвертых, Марк рассказывает эту историю очень-очень просто. Вымышленные апокрифические повествования II века расцвечены множеством высокопарных подробностей: Иисус восстает из гроба в силе и славе, Его видят все, включая первосвященников, иудейских старейшин и римских стражников. Так гласят легенды; но они возникли несколько поколений спустя после смерти очевидцев реальных событий. Евангелие же от Марка, напротив, поражает своей простотой и отсутствием богословских толкований.

В-пятых, все евангелисты свидетельствуют, что пустой гроб обнаружили женщины, и это — безусловное доказательство подлинности истории. Будь это легенда, честь этого открытия почти наверняка была бы приписана апостолам.

В-шестых, полемика между иудеями и ранними христианами позволяет предположить, что опустевшая гробница — исторический факт. Иными словами, никто из спорщиков не утверждал, что Тело Иисуса до сих пор находится в гробу. Вопрос ставился иначе: «Что произошло с Телом?» Пытаясь ухватиться за соломинку, иудеи выдумали смехотворную историю про уснувшую стражу. Но исходили они все равно из того, что гробница была пуста. Почему? Да потому что прекрасно знали, что так оно и было!

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ТЕОРИИ

Я внимательно слушал Крэга и ощущал, как его шесть аргументов сливаются в один неопровержимый довод. И все же я хотел проверить, не осталось ли лазеек, через которые под него можно подкопаться.

— А вот Кирсоп Лейк в 1907 году предположил, что женщины просто пришли не к тому гробу, — сказал я. — По его словам, женщины заблудились, а какой-то человек у открытой гробницы сказал им: «Вы ищете Иисуса из Назарета? Его здесь нет!» — и они в страхе убежали. Вам это не кажется правдоподобным?

Крэг вздохнул.

— Вряд ли у Лейка нашлось много сторонников. Дело в том, что иудейским начальникам было хорошо известно местоположение гроба Иисуса. Даже если бы женщины ошиблись, им бы показали нужную гробницу; а когда апостолы возвестили, что Иисус восстал из мертвых, их бы исправили, причем не без злорадства. Я не знаю ни одного человека, который в наши дни придерживался бы теории Лейка.

Честно говоря, остальные альтернативные теории тоже не внушали мне доверия. Очевидно, что у апостолов не было резона красть Тело, а потом гибнуть не за истину, а за ложь. Очевидно и то, что иудейские власти не стали бы выносить тело из гробницы...

— Есть и еще теория, — сказал я, — что опустевшая гробница — это более поздний вымысел, и к тому времени, как он принял форму предания, его уже невозможно было опровергнуть, потому что местоположение гробницы давно забылось.

— Этот вопрос обсуждается с 1835 года, когда Дэвид Штраус провозгласил историю о Воскресении легендой, — ответил Крэг. — Вот почему мы уделили этому столько времени в нашей беседе — и убедились, что история об опустевшей гробнице Иисуса всего на несколько лет «моложе» самого события. Таким образом, теорию о легенде можно спокойно сбросить со счетов. Даже если во второстепенных деталях повествования и возникли элементы легенды, историческая его основа прочна и незыблема.

Да, Крэгу было что ответить на альтернативные теории. Каждая из них с треском рушилась под тяжестью свидетельств. Оставалось только одно — поверить, что распятый Иисус воскрес из мертвых. Но именно в это многим людям особенно трудно поверить... Тщательно подбирая слова, я обратился к Крэгу:

— Хорошо, допустим, у альтернативных теорий есть уязвимые места. Но даже так — разве они не правдоподобней той совсем уж немыслимой идеи, что Иисус — Бог во плоти, воскресший из мертвых?

— В том-то и дело. — Крэг подался вперед. — Мне кажется, те, кто выдвигает эти теории, могли бы с чистой совестью признаться: «Да, наши вымыслы невероятны — но все-таки не так невероятны, как чудо Воскресения». Однако тут мы уже переходим от истории к философскому вопросу о том, насколько вообще вероятны чудеса.

— А вы-то сами как считаете? — спросил я.

— Я не считаю гипотезу о том, что Бог воскресил Иисуса из мертвых, неправдоподобной, — ответил Крэг. — В конце концов, это лучшее объяснение событий, да еще и подкрепленное доказательствами! А вот гипотеза, будто Тело Иисуса воскресло само по себе, действительно весьма экстравагантна. Тут я согласен. Любое объяснение правдоподобней той идеи, что тело ни с того ни с сего ожило. Но, повторюсь, гипотеза о том, что Бог воскресил Иисуса, не противоречит ни науке, ни истории. Единственная предпосылка, которой она требует, — вера в существование Бога; но этому, я полагаю, есть великое множество независимых доказательств. А если существование Бога в принципе возможно, — с воодушевлением заключил Крэг, — то возможно и то, что Он воскресил Иисуса из мертвых!

ВЫВОД: ГРОБНИЦА БЫЛА ПУСТА!

Доводы Крэга были убедительны донельзя: все факты указывают на то, что гробница Иисуса наутро после погребения опустела — и это величайшее чудо! Но пустая гробница — всего лишь одно из многочисленных доказательств Воскресения. Из Атланты я собирался лететь в Виргинию, к прославленному знатоку в области явлений воскресшего Иисуса, а оттуда — в Калифорнию, к другому ученому, от которого рассчитывал получить важные косвенные доказательства.

Говоря Крэгу и его жене Джен спасибо за гостеприимство, я в который раз подумал: до чего же этот человек, в своих голубых джинсах и белых носках, не похож на пламенного оратора, который сумел уложить на обе лопатки знаменитых атеистов! Но я своими ушами слышал эти дебаты...

Противникам христианства, несмотря на все их старания, так и не удалось «вернуть» Тело Иисуса в гробницу. Они лезут вон из кожи, хватаются за любые соломинки, противоречат сами себе, прибегают к самым невероятным теориям — но гробница остается пустой.

Я вспомнил слова одного из величайших юристов всех времен, сэра Нормана Андерсона (Norman Anderson), который учился в Кембридже, преподавал в Принстоне, получил пожизненный пост профессора в Гарварде и служил деканом факультета права Лондонского университета. Этот человек всю жизнь исследовал вопрос о Воскресении с юридической точки зрения — и подвел итог своим изысканиям в одном предложении: «Пустая гробница — подлинная твердыня, о которую разбиваются все рационалистические теории Воскресения»[111].

Вопросы для размышления

1. А как вы сами полагаете: оказалась ли гробница Иисуса в пасхальное утро пуста? Какие факты привели вас к этому умозаключению?
2. Как подчеркивает Крэг, в древности никто не сомневался, что гробница Иисуса к утру опустела, — вопрос состоял лишь в том, каким образом. Можете ли вы привести разумные и логичные объяснения этому факту, иные, нежели Воскресение Иисуса? Если да, то что, по-вашему, ответил бы на вашу гипотезу Уильям Крэг?
3. Прочтите Евангелие от Марка 15:42 — 16:8 — самое раннее свидетельство о том, как был похоронен Иисус и как Его гробница оказалась пустой. Согласны ли вы с Крэгом в том, что это описание «поражает своей простотой и отсутствием богословских толкований»? Почему?

На ту же тему

Craig, William Lane. “Did Jesus Rise from the Dead?” In Jesus under Fire, edited by Michael J. Wilkins and J. P. Moreland, 147 — 82. Grand Rapids: Zondervan, 1995.

_____. “The Empty Tomb of Jesus.” In In Defense of Miracles, edited by R. Douglas Geivett and Gary R. Habermas, 247 — 61. Downers Grove, Ill.: InterVarsity Press, 1997.

_____. Knowing the Truth about the Resurrection. Ann Arbor, Mich.: Servant, 1988.

_____. Reasonable Faith. Westchester, Ill.: Crossway, 1994.

Craig, William Lane, and Frank Zindler. Atheism vs. Christianity: Where Does the Evidence Point? Grand Rapids: Zondervan, 1993. Videocassete.

Harris, Murray J. Three Crucial Questions about Jesus. Grand Rapids: Baker, 1994.

13. ЯВЛЕНИЯ ИИСУСА КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО. *Видели ли Иисуса живым после Его смерти на кресте?*

В 1963 году четырнадцатилетнюю Эдди Мэй Коллинз — одну из четырех чернокожих девочек, трагически погибших в позорной бойне, устроенной расистами в церкви, — похоронили в Бирмингеме, штат Алабама. Члены семьи много лет приходили на могилу, молились, приносили цветы. В 1998 году они решили перезахоронить тело на другом кладбище. Однако кладбищенские рабочие, которым поручили выкопать гроб, пришли с леденящей кровь вестью: могила пуста!

Родные пришли в смятение и ужас. Выяснилось, что записи велись неаккуратно, и сотрудники кладбища сбились с ног, пытаясь выяснить, что же произошло. Первая и основная версия состояла в том, что могильный памятник Эдди поставили не на том месте[112]. Рассматривался и ряд других вариантов. Однако никому из участников событий и на миг не пришло в голову, что Эдди Мэй воскресла и вернулась на землю. Почему? Да потому, что опустевшая могила сама по себе вовсе не предполагает воскресения.

Доктор Уильям Лейн Крэг убедительно доказал мне, что наутро после распятия гробница Иисуса опустела. Я знал, что это важное и необходимое свидетельство Его Воскресения, но при этом осознавал: исчезновение тела еще не есть неопровержимое доказательство. Чтобы окончательно установить, действительно ли Иисус восстал из мертвых, требуются и другие факты.

Именно за этими фактами я и летел в Виргинию. Самолет плавно заходил на посадку над лесистыми холмами, а я дочитывал книгу Майкла Мартина, преподавателя Бостонского университета, ярого противника христианства. Я улыбнулся, дойдя до слов: «Пожалуй, на сегодняшний день самые сложные и хитроумные доводы в защиту идеи Воскресения выдвинул Гэри Хабермас»[113].

Я глянул на часы. Встреча с Хабермасом назначена на два пополудни. Как раз хватит времени доехать от аэропорта до Линчберга.

Интервью двенадцатое: Гэри Хабермас, д-р философии, д-р практического богословия

Кабинет Хабермаса был обставлен по-спартански просто, однако на стене красовались две фотографии хоккеистов в момент яростной схватки на льду. На одной был бессмертный Бобби Халл из «Чикаго Блэк Хоукс», на другой — Дейв «Молоток» Шульц, дерзкий и жестокий форвард «Филадельфия Флайерс».

— Халл — мой любимый хоккеист, а Шульц — любимый боец, — усмехнулся Хабермас. — В этом вся разница.

Крепкий, бородатый и прямодушный, Хабермас и сам выглядит весьма бойцово. Он похож скорей на вышибалу ночного клуба, чем на высоколобого интеллектуала. Вооруженный историческими фактами и острыми, как бритва, аргументами, он не боится ударов и сам с готовностью лезет в драку.

Энтони Флю (Antony Flew), один из известнейших в мире философов-атеистов, ощутил это на себе, вступив в дискуссию с Хабермасом на тему: «Восстал ли Иисус из мертвых?» В качестве арбитров выступали пять независимых философов из разных колледжей и университетов. Четверо из них признали полную победу Хабермаса, один высказался за ничью. Вот воспоминания одного из арбитров: «Я был удивлен (а скорей — потрясен) тем, насколько слабыми и уязвимыми оказались аргументы Флю… И я подумал: если против Воскресения нет более веских доводов,

чем те, что представил Энтони Флю, — тогда, пожалуй, мне стоит отнестись к этой идее всерьез»[114].

Другой арбитр, оценивавший логичность и обоснованность аргументации спорящих сторон (в этом соревновании тоже победил Хабермас), впоследствии писал: «Я пришел к выводу, что исторические доказательства хоть и небезупречны, но все же достаточно вески для того, чтобы здравомыслящий человек признал факт Воскресения Христа… Хабермас завершил свою речь «в высшей степени достойными доверия свидетельствами» в защиту Воскресения как исторического факта — при отсутствии «правдоподобных аргументов против». Таким образом, с моей точки зрения, Хабермас выиграл спор»[115].

Защитив диссертацию по теме Воскресения в университете штата Мичиган, Хабермас на этом не остановился и получил вторую степень — доктора практического богословия — в Англии, в Оксфордском колледже Эммануила. Он — автор семи книг о Воскресении Иисуса, в том числе: «Воскресение Иисуса. Рациональное исследование» (*“The Resurrection of Jesus: A Rational Inquiry”*); «Воскресение Иисуса. Попытка апологетики» (*“The Resurrection of Jesus: An Apologetic”*); «Иисус как историческая личность» (*“The Historical Jesus”*) и «Правда ли, что Иисус восстал из мертвых? Дебаты о Воскресении» (*“Did Jesus Rise from the Dead? The Resurrection Debate”*) (последняя работа написана под влиянием дискуссии с Энтони Флю). В числе других книг Хабермаса — «Как преодолеть сомнения» (*“Dealing with Doubt”)* и «За пределами смерти. Свидетельства в защиту бессмертия» *(“Beyond Death: Exploring the Evidence for Immortality”*) (в соавторстве с Дж. П. Морлэндом).

Кроме того, Хабермас выступал соредактором «В защиту чудес» и участвовал в создании книг «Иисус под обстрелом» и «Жить по вере: как сократить пропасть между разумом и сердцем» (*“Living Your Faith: Closing the Gap between Mind and Heart”*). Около ста его статей опубликовано в популярных изданиях (таких, как *“Saturday Evening Post”*), научных журналах (в том числе *“Faith and Philosophy”, “Religious Studies”*) и справочниках (например, *“The Baker’s Dictionary of Theology”*). Хабермас — бывший президент Евангельского философского общества.

Описывая Хабермаса в начале этой главы, я вовсе не хотел сказать, что он агрессивен или задирист; нет, в обычной беседе этот человек вполне любезен, но я не хотел бы оказаться его противником на хоккейном поле — или в философском споре. Внутри у него словно встроенный радар, который выискивает слабые звенья в позиции собеседников, после чего Хабермас обрушивается на них всей своей мощью. Но при этом, как я совершенно неожиданно выяснил, ему не чужда нежность и даже сентиментальность.

Я нашел Хабермаса в его кабинете в университете Либерти, где он преподает, возглавляет отделение философии и богословия и руководит магистерской программой по апологетике. Кабинет выглядел довольно сурово: черные картотечные шкафы, металлический стол со столешницей «под дерево», потертые ковры, складные стулья для гостей. Деловито и без претензий — под стать хозяину.

«МЕРТВЫЕ ТАК СЕБЯ НЕ ВЕДУТ!»

Хабермас устроился за столом, закатав рукава синей рубашки. Я включил магнитофон и начал с прокурорской безапелляционностью:

— Верно ли, что у Воскресения Иисуса не было ни единого очевидца?

— Совершенно верно. Это событие никто не описывал.

Спокойный ответ Хабермаса наверняка удивил бы тех, кто знаком с темой лишь поверхностно. В молодости я прочел у К. С. Льюиса, что в Новом Завете о Воскресении не сказано ни слова, — и огромными буквами написал на полях: «НЕТ!»

И лишь много позже до меня дошло, что он имел в виду. Никто не видел, как умерший вздрогнул, зашевелился, поднялся на ноги, сорвал с себя саван, откатил камень в сторону и на глазах у остолбеневшей стражи покинул гробницу.

— Не означает ли это, — спросил я, — что все ваши попытки объявить Воскресение историческим фактом обречены на провал?

— Ни в коей мере. Наука имеет дело с причинами и следствиями. Мы же не видим динозавров — мы исследуем окаменелости. Мы можем не знать, как и отчего возникает болезнь, — мы изучаем ее симптомы. Преступления чаще всего совершаются без свидетелей, но полиция собирает улики и выстраивает цепь умозаключений. Поэтому я делю вопрос о Воскресении на две части: во-первых, умер ли Иисус на кресте, и во-вторых, являлся ли Он потом людям? Ответив на эти два вопроса положительно, мы доказываем факт Воскресения, потому что мертвые не ведут себя так, как вел Себя Иисус после распятия.

Сам факт распятия доказан и признан историками. В прошлой главе доктор Александр Метерелл убедительно показал, что пережить эту мучительную казнь Иисус не мог. Таким образом, остается один вопрос — о явлениях Иисуса.

— А какие существуют доказательства того, что люди видели Иисуса после Его смерти? — спросил я.

— Начну с доказательств, признанных практически всеми специалистами, — ответил Хабермас, открывая Библию. — Никто не ставит под сомнение тот факт, что 1-ое послание к Коринфянам написано Павлом; и в этом послании Павел дважды упоминает, что видел воскресшего Христа. Глава 9, стих 1: «Не Апостол ли я?.. Не видел ли я Иисуса Христа, Господа нашего?» И глава 15, стих 8: «...а после всех явился и мне».

Я знал, что последняя цитата относится к символу веры ранней церкви — об этом мы беседовали с Крэгом Бломбергом. И, как позже указал Уильям Лейн Крэг, начало этого вероучения (стихи 3 — 4) говорит о казни, погребении и воскресении Иисуса; заключительная же часть (стихи 5 — 8) — о Его явлениях после Воскресения: «...и что явился [Христос] Кифе, потом двенадцати; потом явился более нежели пятистам братий в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили; потом явился Иакову, также всем Апостолам; а после всех явился и мне, как некоему извергу».

На первый взгляд, это чрезвычайно весомое доказательство того, что Иисуса видели живым после смерти. Здесь приведены имена конкретных людей, видевших его, перечислены целые группы — и все это в то время, когда еще было кому подтвердить или опровергнуть правдивость этих сведений. Зная, что этот символ веры считается основополагающим аргументом в пользу Воскресения, я решил подойти к нему особенно пристрастно. Почему историки так уверены, что это именно символ веры? Заслуживает ли он доверия? Когда именно он написан?

— Вы не будете возражать, если я устрою вам по поводу этого символа веры что-то вроде перекрестного допроса? — спросил я.

Хабермас широко развел руками:

— Сделайте одолжение!

«УБЕДИТЕ МЕНЯ, ЧТО ЭТО СИМВОЛ ВЕРЫ!»

Для начала я хотел выяснить, почему Хабермас, Крэг, Бломберг и другие так уверены, что этот текст — символ веры ранней церкви, а не просто отрывок из послания Павла коринфянам. Поэтому я, не мудрствуя лукаво, произнес:

— Убедите меня, что это действительно символ веры!

— Ну что же. Тому есть веские доказательства. Во-первых, апостол Павел предваряет этот текст словами «преподал» и «принял». Это — раввинистические термины, показывающие, что речь идет о проповеди вероучения. Во-вторых, о том, что перед нами символ веры, свидетельствуют стилистические особенности текста и синтаксический параллелизм. В-третьих, Петр назван Кифой, это арамейский вариант имени, а использование арамейского уже говорит о древности текста. В-четвертых, здесь употреблен ряд фраз, не свойственных Павлу, зато характерных для раннего христианства: «двенадцать», «в третий день», «воскрес» и так далее. В-пятых, употребление некоторых слов указывает на сходство с приемами повествования в арамейском и иврите эпохи Мишны… Продолжать?

— Ладно, ладно, — сдался я. — То есть вас как консервативного евангельского христианина все эти факты убеждают в том, что перед вами — ранний символ веры?

Хабермас, похоже, обиделся на мою шпильку.

— Эти факты убеждают не только консервативных христиан! — возмущенно произнес он. — Эту оценку разделяет широкий круг историков самых разных богословских воззрений. Прославленный ученый Иоаким Иеремия называет этот символ веры «древнейшим из преданий», а Ульрих Уилкенс пишет, что он, «несомненно, восходит к древнейшему периоду истории раннего христианства».

— А можно поточнее? — заинтересовался я.

— Известно, что Павел написал 1-ое послание к Коринфянам между 55-м и 57-м годами. В 15 главе, стихи 1 — 4, он подчеркивает, что прежде уже проповедовал это учение Коринфской церкви — то есть до своего посещения Коринфа в 51-м году. Таким образом, этот символ веры сложился в первые два десятка лет после Воскресения. Однако я согласен с теми исследователями, которые полагают, что это произошло еще раньше — через 2 — 8 лет после Воскресения, то есть в 32 — 38 годах, когда сам Павел получил это учение в Дамаске или Иерусалиме. Таким образом, перед нами действительно очень ранний документ, прямо и безыскусно подтверждающий, что Иисус являлся не только Петру и остальным апостолам, но и неверующим — таким, как Павел или Иаков.

— Но все-таки, — возразил я, — это информация не из первых рук, а из вторых или даже третьих; разве это не умаляет ее ценность?

Оказалось, для Хабермаса — нисколько.

— Не забывайте, — подчеркнул он, — Павел пишет, что Иисус являлся и ему лично; стало быть, перед нами все-таки свидетельство из первых рук. К тому же, эти сведения Павел получил не от первого встречного, а, как считает большинство специалистов, от очевидцев событий — Петра или Иакова; поэтому он стремился передать их как можно точнее.

Сильно сказано, подумал я.

— Откуда вы знаете?

— Я склонен согласиться с теми учеными, которые считают, что

Павел получил этот символ веры через три года после своего обращения, когда он отправился в Иерусалим и встретил Петра и Иакова. Это путешествие описано в Послании к Галатам 1:18 — 19. Павел употребляет там очень интересное греческое слово — historeo.

Слово это мне ни о чем не говорило.

— А чем оно так примечательно? — спросил я.

— Это слово, — ответил Хабермас, — показывает, что, встретившись с этими людьми, Павел не болтал с ними о чем ни попадя, а целенаправленно расспрашивал. Он в каком-то смысле играл роль строгого экзаменатора, исследователя, тщательно выверяющего факты. Таким образом, Павел обсуждал вопросы доктрины с двумя очевидцами событий, особо упомянутыми в символе веры, — Петром и Иаковом, что придает тексту дополнительный вес. Как утверждает Пинхас Лапиде, один из

немногих евреев — специалистов по Новому Завету, аргументы в пользу этого символа веры настолько сильны, что его «можно приравнять к свидетельству очевидцев». А чуть ниже, в 1-ом послании к Коринфянам 15:11, — продолжил Хабермас, предвосхищая мой вопрос, — Павел подчеркивает, что все апостолы проповедуют одно и то же Евангелие, одну и ту же Благую Весть о Воскресении. А это значит, что очевидец Павел говорит то же, что и очевидцы Петр и Иаков.

Признаюсь честно: доводы Хабермаса меня убедили. Однако вопросы относительно символа веры еще оставались, и я спешил их задать, пока спокойная уверенность моего собеседника не обескуражила меня окончательно.

ТАЙНА ПЯТИСОТ ОЧЕВИДЦЕВ

В символе веры в пятнадцатой главе 1-го послания к Коринфянам мы находим единственное во всей древней литературе упоминание о том, что Иисус «явился более нежели пятистам братий в одно время». Подтверждения этому факту не найти ни в Евангелиях, ни у светских историков. Я воспринимал это как сигнал тревоги.

— Если такое было, почему никто об этом не пишет? — спросил я. — По идее, апостолы должны были повсеместно нести свидетельство об этом событии. Как пишет атеист Майкл Мартин, «трудно не прийти к выводу, что событие такого масштаба крайне маловероятно», и это «косвенно бросает тень на апостола Павла, вынуждая нас усомниться в надежности его свидетельств»[116].

Хабермаса эти слова явно задели за живое.

— Какая нелепость — говорить, что это бросает тень на Павла! — В голосе его звучали одновременно изумление и обида. — Во-первых, хотя об этом событии говорится только в одном источнике, зато этот источник самый ранний, и подлинность его удостоверена наилучшим образом, а это о чем-то да говорит! Во-вторых, Павел явно знал этих людей не понаслышке. Он пишет: «...из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили». То есть он либо был знаком с некоторыми из этих пятисот, либо знал от общих знакомых, что они живы и готовы поделиться воспоминаниями. А теперь подумайте: стали бы вы писать такую фразу, не будь вы полностью уверены, что люди, о которых вы говорите, могут подтвердить, что видели живого Иисуса? По сути дела, Павел предлагает своим адресатам проверить и убедиться! В-третьих, если у вас имеется всего один источник информации, вы, конечно, вправе спросить: «А почему так мало? Где еще?» Но вы не вправе забраковать этот источник на том лишь основании, что он один. Так что надежность нашего источника никаких сомнений не вызывает. Поверьте, этот Мартин сам был бы рад бросить тень на апостола Павла, да только у него нет на то законных оснований. Это, кстати, типичный пример критика, который пытается усидеть на двух стульях сразу. Как правило, критики ставят авторитет Павла довольно высоко и за счет его посланий пытаются очернить евангельские рассказы о Воскресении. Однако в нашем случае они сомневаются в достоверности свидетельства Павла и противопоставляют ему тексты, которым сами же не доверяют. Ну, и что после этого прикажете думать об их методах?

Однако я по-прежнему не мог представить явление Иисуса огромной толпе народа.

— А где, по-вашему, Он явился сразу пятистам человекам? — спросил я.

— Наверное, где-то на открытой местности, в Галилее, — предположил Хабермас. — Если Иисус сумел накормить пять тысяч человек, так почему Он не мог проповедовать пятистам? Да и Матфей пишет, что Иисус явился в Галилее на горе; возможно, Его видели не только одиннадцать учеников?

Я вообразил эту картину, но по-прежнему не понимал, почему следов ее в истории практически не осталось.

— Но ведь о событии такого масштаба непременно должен быть упомянуть кто-нибудь из историков — например, Иосиф Флавий?

— Вовсе не обязательно, — возразил Хабермас. — Иосиф Флавий писал свои труды шестьдесят лет спустя. Сколько нужно времени, чтобы местное предание выветрилось из людской памяти? Так что Иосиф Флавий либо не знал об этом явлении, либо предпочел умолчать о нем, что более вероятно — как известно, он не относился к числу последователей Иисуса и вряд ли стал писать что-то в Его защиту.

Я молчал, и Хабермас продолжил:

— Понимаете, я бы тоже хотел, чтобы источников было по меньшей мере пять. Но источник всего один, зато заслуживающий всякого доверия, — символ веры, столь прекрасный, что немецкий историк Ганс фон Кампенхаузен писал о нем: «Это повествование обладает всеми признаками исторического документа, какие только могут быть у текста». Кроме того, чтобы подтвердить факт Воскресения, нам совсем не обязательно ссылаться на пятьсот человек, видевших Иисуса. Я, например, вообще не пользуюсь этим аргументом.

В ответе Хабермаса, несомненно, присутствовала логика. Однако на меня тяжким грузом давила еще одна несообразность. В символе веры сказано, что первым, кому явился Иисус, был Петр, а в Евангелии от Иоанна — что это была Мария Магдалина. Вообще, в этом символе веры, в отличие от Евангелий, не упомянута ни одна женщина.

— Разве эти противоречия не имеют значения? — спросил я.

— Никакого, — последовал ответ. — Во-первых, внимательней вчитайтесь в символ веры. Там вовсе не сказано, что Петр первым увидел воскресшего Иисуса. Просто Петр стоит первым в списке. Что же касается женщин — не удивительно, что они здесь не упомянуты, поскольку в иудейском обществе I века женщин не воспринимали в качестве очевидцев, и их свидетельства не имели никакой ценности. Имя Петра стоит первым по значению, а не по хронологии. И опять-таки, — повторил он, — надежность источника нисколько не страдает. Да, кое-какие проблемы есть; но при этом нельзя не признать, что этот символ веры написан вскоре после Воскресения, что он не искажен более поздними преданиями, что он ясен, недвусмыслен и основан на свидетельствах очевидцев.

Волей-неволей я вынужден был заключить, что Хабермас прав, и раннехристианский символ веры — действительно мощное доказательство Воскресения.

Настолько мощное, что, по словам Уильяма Лейна Крэга, с которым я беседовал в предыдущей главе, Вольфхарт Панненберг — наверное, самый выдающийся в мире специалист в области систематического богословия — «перевернул современную скептическую немецкую теологию, полностью построив свою богословскую систему на исторических свидетельствах Воскресения Иисуса — в том порядке, в каком Его явления перечислены у Павла»[117].

Я окончательно убедился, что раннехристианский символ веры из пятнадцатой главы 1-ого послания к Коринфянам — источник, заслуживающий доверия. Настало время обратиться к Евангелиям, где много и подробно говорится о явлениях Иисуса.

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Для начала я попросил Хабермаса описать явления воскресшего Христа в Евангелиях от Матфея, Марка, Луки и Иоанна.

— В Евангелиях и Деяниях, — начал он, — упомянуто множество явлений Иисуса самым разным людям и в самых разных местах. Он является то одному человеку,

то целой группе, то в доме, то на открытом воздухе; Он является и горячо верующим в Него, например, Иоанну, и маловерам, таким, как Фома. Иногда эти люди прикасаются к Иисусу или едят вместе с Ним, и текст говорит о Его физическом присутствии. Эти явления длятся несколько недель. И у нас имеются основания верить рассказам о них, поскольку они лишены признаков, типичных для мифов и легенд.

— А вы можете сейчас их припомнить?

Хабермас по памяти перечислил явления Иисуса. Он являлся:

- Марии Магдалине (Иоан.20:10–18);
- остальным женщинам (Мат.28:8–10);
- Клеопе и еще одному ученику по дороге в Еммаус (Лук. 24:13 — 32);
- одиннадцатиученикамидругимлюдям (Лук.24:33–49);
- десяти апостолам и другим, в отсутствие Фомы (Иоан. 20:19 — 23);
- Фоме и остальным апостолам (Иоан.20:26–30);
- семерым апостолам (Иоан.21:1–14);
- ученикам (Мат.28:16–20).
- И еще Он был с апостолами на Масличной горе перед Своим Вознесением (Лук. 24:50 — 52; Деян. 1:4 — 9).

— И что особенно любопытно, — добавил Хабермас, — Додд, ученый из Кембриджского университета, тщательно проанализировал эти явления и заключил, что некоторые из них основаны на чрезвычайно ранних источниках. В числе таких явлений — встреча Иисуса с женщинами в Евангелии от Матфея 28:8 — 10; встреча с апостолами, когда Он дает им Великое поручение, в Евангелии от Матфея 28:16 — 20; встреча с учениками в Евангелии от Иоанна 20:19 — 23, когда Он показывает им Свои руки, ноги и ребра. При этом явления Иисуса не были мимолетны. Не то чтобы некая туманная фигура мелькнула вдали и тут же скрылась, замеченная только одним-двумя посвященными. Он являл Себя много раз, самым разным людям, и некоторые из этих явлений оставили след в Евангелиях и в символе веры из 1-го послания к Коринфянам.

— А другие подтверждения есть? — спросил я.

— Да взять хотя бы Деяния!

Хабермас, конечно же, имел в виду Деяния Святых Апостолов, новозаветную книгу о зарождении и формировании Церкви. В Деяниях многократно и с многочисленными подробностями описываются явления Иисуса Его ученикам.

— Главное, — сказал Хабермас, — что главы с первой по пятую, десятая и тринадцатая тоже включают в себя определенные кредо, которые, подобно символу веры из 1-го послания к Коринфянам, позволяют предположить, что написаны они были вскоре после смерти и Воскресения Христа.

С этими словами Хабермас раскрыл книгу и прочел вывод ученого-библеиста Джона Дрейна (John Drane):

«Самое раннее из имеющихся у нас свидетельств о Воскресении почти наверняка восходит к периоду времени, непосредственно следовавшему за этим предполагаемым событием. Это свидетельство содержится в проповедях Деяний Святых Апостолов… и нет сомнений, что в первых пяти главах Деяний их автор передает материал из очень ранних источников»[118].

Действительно, Книга Деяний густо пересыпана упоминаниями о явлениях Иисуса. Особенно упорно говорит о них апостол Петр. Вот, Деяния 2:32: «Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели». В Деяниях 3:15 он повторяет:

«...а Начальника жизни убили. Сего Бог воскресил из мертвых, чему мы свидетели». Далее, в 10:31, Петр подтверждает Корнилию, что сам он и другие «с Ним ели и пили, по воскресении Его из мертвых».

А вот непревзойденное свидетельство апостола Павла в 13:31: «Он в продолжение многих дней являлся тем, которые вышли с Ним из Галилеи в Иерусалим и которые ныне суть свидетели Его перед народом».

— Воскресение, несомненно, было центральным постулатом ранней церкви с первых ее дней, — убежденно произнес Хабермас. — Первые христиане не просто признали учение Иисуса; они видели Его живым после распятия. Именно это изменило их жизни и дало начало церкви.

Да, свидетельства Воскресения из Евангелий и Деяний — факт за фактом, доказательство за доказательством, подробность за подробностью, подтверждение на подтверждении — звучали чрезвычайно убедительно. Как я ни старался, мне так и не удалось припомнить событие древней истории, которое было бы так же хорошо удостоверено.

Но я намеревался задать Хабермасу еще один вопрос. Этот вопрос касался одного из Евангелий, которое специалисты считают первым повествованием об Иисусе.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКА: ГДЕ ЖЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ?

Начав расследовать вопрос о Воскресении, я с тревогой прочел на полях Библии следующий комментарий: «Стихи 16:9 — 20 Евангелия от Марка не входят в наиболее надежные ранние рукописи и другие древние свидетельства». Иными словами, большинство ученых считает, что Евангелие от Марка заканчивается стихом 16:8: женщины видят гробницу пустой, но живой Иисус никому не является. Эта мысль не давала мне покоя.

— Вас не беспокоит тот факт, что в первом из Евангелий нет упоминаний о явлениях Иисуса после Воскресения? — спросил я Хабермаса.

Похоже было, что ничуть не беспокоит.

— Не вижу проблемы, — ответил он. — Конечно, было бы неплохо, если бы Марк написал еще и о явлениях; но вот вам пища для размышления. Даже если Евангелие от Марка действительно заканчивается 8-м стихом — в чем, кстати сказать, уверены далеко не все, — то в этом стихе мы все равно читаем, что гробница была пуста, а юноша в белой одежде провозгласил Воскресение Иисуса и сказал женщинам, что они Его еще увидят. Таким образом, здесь мы видим и возвещение Воскресения, и пророчество о явлениях. Закрыв любимую книгу, вы, конечно, можете воскликнуть: «Автор не рассказал конец истории!»; но сказать что автор не верит в конец истории, вы никак не можете. Очевидно, что Марк верил в Воскресение Иисуса. Юноша говорит, что Иисус явит Себя в Галилее, и из других источников мы знаем, что так и было.

Согласно церковному преданию, Марк был другом и спутником Петра, который своими глазами видел воскресшего Иисуса.

— Но если Иисус являлся Петру, то не странно ли, что Марк об этом не пишет? — спросил я.

— Если Марк вообще не пишет о явлениях Иисуса, то что же странного в том, что он не пишет о явлениях Иисуса Петру? Однако заметьте, что Марк все-таки особо выделяет Петра. В его Евангелии 16:7 сказано: «Но идите, скажите ученикам Его и Петру, что Он предваряет вас в Галилее; там Его увидите, как Он сказал вам». Это полностью согласуется с 1-ым посланием к Коринфянам 15:5, где подтверждается, что Иисус явился Петру, и с Евангелием от Луки 24:34, еще одним ранним символом веры, гласящим: «Господь истинно воскрес и явился Симону», то есть Петру.

Итак, пророчество Марка о явлении Иисуса Петру исполнилось, и это подтверждается двумя кредо ранней церкви, равно как и свидетельством самого апостола Петра в Книге Деяний.

ДРУГИЕ ВАРИАНТЫ?

Количество свидетельств и подкрепляющих доказательств того, что воскресший Иисус многократно являл Себя самым разным людям, поистине поразительно. Для наглядности: если бы каждого из очевидцев пригласили в зал суда и подвергли пятнадцатиминутному перекрестному допросу, то в общей сложности дача показаний продолжалась бы — круглосуточно, без перерывов! — с утра понедельника до вечера пятницы. У кого остались бы хоть какие-то сомнения после ста двадцати девяти часов непрерывных свидетельских показаний?

Как журналист, освещавший в печати десятки судебных процессов, гражданских и уголовных, я не мог не согласиться с сэром Эдвардом Кларком (Edward Clarke), судьей английского Высокого суда и автором подробного юридического исследования, посвященного дню Воскресения: «С моей точки зрения, доказательства неопровержимы. Не сосчитать, сколько раз в Высоком суде я выносил вердикт на основании куда менее убедительных свидетельских показаний. Я как юрист не сомневаюсь, что показания очевидцев, звучащие в Евангелии, правдивы и обоснованны»[119].

И все-таки: возможны ли иные правдоподобные объяснения явлений воскресшего Иисуса? Вдруг это лишь легенды? Вдруг те, кто видел Его, страдали галлюцинациями? Мне очень хотелось узнать мнение Хабермаса на этот счет.

Версия первая: явления Иисуса — не более чем миф

Если Евангелие от Марка изначально заканчивалось стихом 16:8, то можно предположить определенную «эволюцию Евангелий»: Марк вообще не упоминает о явлениях Иисуса, у Матфея таких упоминаний совсем немного, у Луки — больше, а у Иоанна — больше всех.

— Не означает ли это, что явления Иисуса — легенда, которая со временем набирала силу? — спросил я у Хабермаса.

— Нет, — и на то есть много причин, — заверил меня он. — Во-первых, далеко не все считают Евангелие от Марка самым ранним. Есть и ученые — правда, их меньшинство — которые полагают, что первым было написано Евангелие от Матфея. Во-вторых, даже если признать правомерность вашего тезиса, он говорит лишь о том, что легенды постепенно разрастались, но вовсе не объясняет, откуда появилась вера в Воскресение Иисуса. Произошло *нечто*, из-за чего апостолы на самом раннем этапе истории церкви провозгласили Воскресение Христа ее главным догматом. Миф не объясняет, откуда взялись свидетельства очевидцев. Иными словами, можно допустить, что рассказы о Воскресении множились и обрастали подробностями; но непонятно, откуда, собственно, взялись эти рассказы! В-третьих, вы забываете, что кредо из пятнадцатой главы 1-ого послания к Коринфянам сформировалось раньше, чем были написаны Евангелия, — а в нем со всей определенностью говорится о явлениях! Более того, в этом, самом раннем источнике приведено самое большое число — пятьсот: именно столько человек одновременно видели Иисуса живым. Так что у гипотезы о мифе большие проблемы. Самые серьезные основания отвергнуть ее — символы веры в 1-ом послании к Коринфянам и Деяниях, написанные раньше Евангелий. И, наконец, в-четвертых: опустевшая гробница

Иисуса. Будь Его явления всего лишь мифом — Тело оставалось бы в гробнице; однако в первый день Пасхи она оказалась пуста! Таким образом, гипотеза обнаруживает свою несостоятельность.

Версия вторая: явления Иисуса — галлюцинации

— А может быть, люди, утверждавшие, что встречали воскресшего Иисуса, не кривили душой и честно говорили о том, что видели, — просто их видения были галлюцинациями?

Это предположение вызвало у Хабермаса усмешку.

— Вы знаете Гэри Коллинза? — неожиданно спросил он.

Вопрос застал меня врасплох.

— Разумеется, — ответил я. — Я же совсем недавно брал у него интервью!

— Как по-вашему, он хороший психолог?

— Ну да, — растерянно ответил я, не в силах угадать, какую ловушку готовит мне Хабермас. — Доктор наук, профессор с двадцатилетним стажем, автор десятков книг по специальности, президент ассоциации психологов — конечно же, он профессионал высокого класса!

Хабермас протянул мне лист бумаги:

— Я спрашивал у Гэри, не были ли явления Иисуса галлюцинациями. Вот его профессиональное заключение.

Документ гласил: «Галлюцинации — явление индивидуальное. Природа их такова, что конкретную галлюцинацию в конкретный момент времени может видеть только один человек. Групповые галлюцинации невозможны; невозможна и ситуация, когда один человек внушает галлюцинацию другому. Поскольку галлюцинации глубоко личностны и субъективны, у них не может быть очевидцев и свидетелей»[120].

— В этом, — сказал Хабермас, — и заключается слабое место вашей гипотезы. Документально засвидетельствовано, что Иисус являлся целым группам людей, и все они впоследствии описывали эти явления одинаково. Есть и целый ряд других аргументов, опровергающих гипотезу о галлюцинациях. После Распятия апостолы испытывали отчаяние, страх, смятение; галлюцинации же предполагают сознание, чреватое ожиданием или предчувствием. Петр, слава Богу, был человеком расчетливым и практичным, Иаков — и вовсе скептиком; трудно представить, чтобы они были склонны к галлюцинациям. Еще нужно отметить, что галлюцинации — явление сравнительно редкое. Обычно они бывают вызваны действием наркотиков или сенсорной депривацией. Готов спорить, вы никогда не встречали человека, у которого были бы галлюцинации, не обусловленные какой-то из этих двух причин. Однако нам предлагают поверить, что люди самых разных судеб и темпераментов, жившие в разных местах, на протяжении двух недель ни с того ни с сего испытывали галлюцинации! Вам не кажется, что эта гипотеза не выдерживает критики?

Кроме того, мы считаем Евангелия источником, достойным доверия, а в них сказано, что апостолы ели с Иисусом и прикасались к Нему. Чем это объяснить? Если Он был всего лишь галлюцинацией, то как Он мог идти с двумя апостолами по дороге в Еммаус? И, наконец, что вы скажете про опустевшую гробницу? Если бы людям просто казалось, что они видели Иисуса, Его Тело оставалось бы погребенным!

Хорошо, подумал я, допустим, речь идет не о галлюцинациях, а о гораздо более тонком феномене.

— А вдруг, — спросил я, — это пример шаблонного мышления, своего рода массовый психоз, когда люди убеждают друг друга, будто видели нечто, чего на самом деле никто из них не видел? Вот что пишет Майкл Мартин: «В пылу религиозного рвения человек нередко видит то, что хочет видеть, а не то, что есть на самом деле»[121].

Хабермас рассмеялся:

— Знаете, Энтони Флю, с которым я дискутировал, не любит, когда атеисты прибегают к этому аргументу, поскольку он обоюдоострый. Флю говорит: «Христиане верят в то, во что хотят верить; атеисты не верят в то, во что не хотят верить». Апостолы никак не могли внушать друг другу идею Воскресения — ведь эта идея была стержнем их веры, за нее они шли на смерть. Будь это, как вы говорите, внушением, они могли бы впоследствии отречься или тихо отойти от былых убеждений. И потом, Иаков вообще не верил в Иисуса, а Павел преследовал христиан — ну, как можно было внушить таким людям, что они видели Христа? Опять же, вспомним о пустом гробе. И, наконец, эта идея никак не согласуется с прямым и недвусмысленным языком 1-ого послания к Коринфянам 15 и других новозаветных текстов. Очевидцы были убеждены в том, что видели Иисуса живым. Этот факт трудно объяснить коллективным психозом.

Хабермас снял с полки книгу и подкрепил свои аргументы цитатой из выдающегося богослова и историка Карла Браатена (Carl Braaten): *«Даже наиболее скептически настроенные историки… полагают, что в раннем христианстве… воскресение Иисуса из мертвых было реальным историческим событием, а не мифом, порожденным фантазией верующих»*[122].

— За какие только соломинки не хватаются люди, — подытожил Хабермас, — пытаясь найти объяснение явлениям Иисуса! Но лишь одно объяснение идеально согласуется с фактами — а именно то, что Иисус действительно восстал из мертвых!

«НЕТ ОСНОВАНИЙ СОМНЕВАТЬСЯ…»

Иисус умер на кресте — это наглядно показал Александер Метерелл. В пасхальное утро Его гробница опустела — тут нам не оставил сомнений Уильям Лейн Крэг. Апостолы и другие люди видели Иисуса, прикасались к Нему и делили с Ним трапезу — об этом более чем убедительно свидетельствует Гэри Хабермас. Как выразился известный английский богослов Майкл Грин (Michael Green), *«явления Иисуса доказаны и подтверждены не хуже, чем любые другие факты древней истории… У нас нет оснований сомневаться в них, равно как и в том, что именно благодаря этим явлениям ранние христиане твердо уверовали в Воскресение. Они могли со всей убежденностью сказать: «Мы видели Господа». Они знали, что это был Он»*[123].

Но доказательства Воскресения этим не исчерпывались. Я уже заказал билеты на самолет и собирался лететь на другой конец страны — беседовать с еще одним экспертом, от которого рассчитывал получить заключительную порцию доказательств. Но прежде чем попрощаться с Хабермасом, я намеревался задать ему еще один вопрос. Точнее, я сомневался, стоит ли его задавать, потому что ответ был слишком уж предсказуем и вполне мог оказаться шаблонным.

Вопрос мой был таков: насколько вообще важна идея Воскресения? Я не зря ожидал стандартного ответа: что Воскресение — сердцевина учения о Христе, ось, вокруг которой вращается христианская вера. Хабермас действительно сказал мне все это — но не только это. Он добавил кое-что еще, совершенно неожиданное, поразившее и растрогавшее меня. Этот буквоед, поклонник фактов, яростный спорщик и непримиримый защитник веры внезапно подпустил меня настолько близко

к себе, что позволил заглянуть к нему в душу — и понять, что ответ его пророс из бездны самого черного отчаяния.

ВОСКРЕСЕНИЕ ДЕББИ

Хабермас потер седеющую бородку. Голос его стал тише и глуше, пыл угас. Он больше не цитировал знаменитых ученых и тексты Писания, не выстраивал аргументы, не развенчивал несостоятельные теории. Я спросил, насколько важен факт Воскресения, — и Хабермас рискнул перенестись мыслями в 1995 год, когда его жена Дебби медленно умирала от рака желудка. Смущенный и растроганный, я мог лишь молча слушать...

— Я сидел на крыльце... — начал он, уставившись в пространство; затем замолчал и со вздохом продолжил: — А наверху, в спальне, умирала моя жена. Она провела в больнице всего несколько недель, остальное время страдала дома. Это было ужасно. Ничего страшнее я не мог представить. Но знаете, что поразительно? — Он поднял глаза на меня. — Мне звонили мои студенты — заметьте, не кто-то один, а разные! — и говорили: «В это трудное время вас, наверное, утешает мысль о Воскресении?» Слыша эти слова, я улыбался, несмотря на горечь и отчаяние. Во-первых, ребята пытались утешить и подбодрить меня с помощью моего же учения; а во-вторых — им это удавалось! Я сидел на крыльце и думал об Иове. Пережив все, что ему было суждено, он обращается с вопросами к Богу — но Бог упорно отвечает ему вопросом на вопрос. Я знал, что если бы Бог явился ко мне, я спросил бы Его только об одном: «Господи, почему Дебби умирает?» И, думаю, в ответ Он бы тихо спросил меня: «Гэри, воскресил ли Я Моего Сына из мертвых?» А я бы воскликнул: «Господи! Да я семь книг об этом написал! Я знаю, что Он восстал из мертвых! Но я-то спрашиваю о Дебби!»

А Он повторял бы вновь и вновь: «Воскресил ли Я Моего Сына из мертвых? Воскресил ли Я Моего Сына из мертвых?», пока до меня не дошло бы, что Он хочет мне сказать. Воскресение Иисуса две тысячи лет назад — это и есть ответ на мой вопрос о Дебби, умершей в 1995 году. Я понял это тогда, сидя на крыльце, и утешаюсь этой мыслью по сей день. Это было мучительное время, но я все равно знал, что Воскресение — единственный ответ на ее страдания. Конечно, я все равно терзался, я не представлял, как буду в одиночку поднимать четверых детей. Смерть Дебби стала для меня самой страшной трагедией, но не было дня, когда бы истина о Воскресении не придавала мне сил. Я знал, что, раз эта истина помогла мне смириться со смертью Дебби, значит, она поможет пережить и все остальное. Она несла надежду и утешение в 30 году, и в 1995 году, и будет нести всегда.

Хабермас посмотрел мне прямо в глаза.

— Не думайте, что я читаю вам проповедь, — тихо произнес он. — Я верю в то, что говорю, всем сердцем. Если Воскресение — правда, то и рай — правда. Если Иисус воскрес, то воскреснет и Дебби, а когда-нибудь потом — я; и я увижусь с ними обоими!

Вопросы для размышления

1. Хабермас свел проблему Воскресения к двум основным вопросам: «Умер ли Иисус?» и «Видели ли Его после смерти?» Как бы вы ответили на эти вопросы теперь, когда узнали столько нового?
2. Связано ли ваше мнение о явлениях Иисуса с символом веры в 1-ом послании к Коринфянам 15? Если да, то каким образом, если нет — почему?

3. Обратитесь к тем евангельским эпизодам явлений Иисуса, на которые ссылается Хабермас. Воспринимаете ли вы их как истину, как доказательство Воскресения?
4. Хабермас рассказал о том, какую роль Воскресение сыграло в его жизни. Знакома ли вам боль утрат? Как может вера в Воскресение повлиять на ваше отношение к ним?

На ту же тему

Ankerberg, John, and John Weldon. Ready with an Answer. Eugene, Ore.: Harvest House, 1997.

Geivett, R. Douglas, and Gary R. Habermas, eds. In Defense of Miracles. Downers Grove, Ill.: InterVarsity Press, 1997.

Habermas, Gary, and Antony Flew. Did Jesus Rise from the Dead? The Resurrection Debate. San Francisco: Harper & Row, 1987.

Habermas, Gary, and J. P. Moreland. Beyond Death: Exploring the Evidence for Immortality. Westchester, Ill.: Crossway, 1998.

Morison, Frank. Who Moved the Stone? Grand Rapids: Zondervan, 1987.

Proctor, William. The Resurrection Report. Nashville: Broadman & Holman, 1998.

14. КОСВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА. *Существуют ли доказательства, косвенно подтверждающие Воскресение?*

Никто не видел, как Тимоти Маквей погрузил в грузовик «Райдер» две тонны взрывчатки. Никто не видел, как он припарковал этот грузовик у федерального здания Оклахома-Сити и взорвал бомбу, унесшую сто шестьдесят восемь жизней. Ни одна видеокамера не зафиксировала, как Маквей покидает место преступления. Однако суд присяжных заключил, что именно Маквей и никто другой виновен в самом страшном за всю историю Америки террористическом акте, совершенном гражданином этой страны. Как же судьям удалось прийти к этому выводу? На основе косвенных доказательств!

Ни один из ста тридцати семи человек, выступавших свидетелями на суде, не видел, как Маквей совершал свое преступление; однако их показания позволили выстроить цепочку косвенных доказательств его виновности. Предприниматель засвидетельствовал, что Маквей арендовал грузовик «Райдер»; знакомый Маквея показал, что тот не раз говорил о своей злости на правительство и грозился взорвать федеральное здание; криминалист сообщил, что на одежде арестованного были обнаружены мельчайшие частицы взрывчатого вещества...

К этим показаниям обвинение добавило более семисот «вещдоков» — счета мотелей, такси, ресторана, расшифровку телефонных звонков, ключ от грузовика и так далее. Более восемнадцати дней плелась сложная сеть доказательств и улик — сеть, из которой Маквею уже не удалось выпутаться.

Показания очевидцев называют прямыми, или непосредственными, свидетельствами: люди под присягой рассказывают, как своими глазами видели совершаемое подсудимым преступление. Обычно такие показания весьма и весьма убедительны, но порой в дело вмешиваются аберрация памяти, предрассудки, а то и просто измышления. Косвенные же свидетельства выстраиваются на основе косвенных

фактов, из которых выводятся логические умозаключения[124]. Вместе взятые, эти свидетельства производят не менее, а зачастую и более сильный эффект, нежели показания очевидцев.

Возьмем, например, Тимоти Маквея. Возможно, он гордился своим «идеальным» преступлением, совершенным без единого свидетеля; однако косвенные доказательства, не менее убедительные и неопровержимые, чем показания очевидцев, все равно привели его в камеру смертников.

Мы уже рассмотрели доказательства того, что гробница Иисуса опустела. Мы выслушали свидетельства тех, кто воочию видел воскресшего Иисуса. Пришла пора ознакомиться с косвенными свидетельствами Воскресения. Я не сомневался в том, что если Он действительно воскрес, то история не могла не сохранить фактов, непрямым образом подтверждающих столь невероятное событие! Именно эта уверенность привела меня на юг Калифорнии, к человеку, известному блестящими познаниями в истории, философии и естественных науках.

Интервью тринадцатое: ДЖ. П. МОРЛЭНД, д-р философии

Морлэнд (J. P. Moreland) выглядел несколько старше своих пятидесяти лет — густая проседь в волосах, седые усы, очки в тонкой золотой оправе, — однако его энергия буквально била через край! Говорил он оживленно, страстно, то и дело подаваясь вперед в такт речи, а временами и подпрыгивая на месте, словно собирался выскочить из плетеного кресла и наповал сразить меня своими аргументами.

Стройность его мышления поражает. Ум Морлэнда организован так, что в разговоре он с легкостью выдает «на-гора» целые параграфы — на удивление связные, без единого лишнего слова, словно готовые к печати и не требующие ни редактора, ни корректора. Когда мне нужно было перевернуть кассету, он делал паузу и затем начинал с того же места, где остановился, без заминки и запинки.

Морлэнд — известный философ, защитивший докторскую диссертацию в университете Южной Калифорнии. В концептуальных мирах Канта и Кьеркегора он чувствует себя как рыба в воде, однако ему свойственно не только абстрактное мышление. Его обширные познания в естественных науках (диссертация по химии в Университете штата Миссури) и истории (о чем свидетельствует его прекрасная книга «Штурм мирского града» *(“Scaling the Secular City”)*) крепко привязывают его к современности и не позволяют всецело предаться мыслям о вечном.

Кроме того, Морлэнд получил степень магистра богословия в Далласской богословской семинарии. Сейчас он преподает в богословской школе Талбота — готовит будущих магистров в области философии и этики.

Статьи Морлэнда опубликованы в тридцати с лишним профессиональных журналах, таких, как *“American Philosophical Quarterly”*, *“Metaphilosophy”*, *“Philosophy and Phenomenological Research”*. Он выступил в качестве автора, соавтора или редактора дюжины книг; в их числе — «Христианство и природа науки» *(“Christianity and the Nature of Science”)*; «Существует ли Бог?»; «Спор о жизни и смерти» *(“The Life and Death Debate”)*; «Гипотеза творения» (*“The Creation Hypothesis”*); «За пределами смерти. Свидетельства в защиту бессмертия» (*“Beyond Death: Exploring the Evidence for Immortality”*); «Иисус под обстрелом»; «Возлюби Бога твоего всем разумением твоим» (*“Love Your God with All Your Mind”*).

Встретившись с Морлэндом в его маленьком уютном кабинете, я уже знал, что выражение «косвенные доказательства», как правило, встречается во множественном числе. Иными словами, они собираются «по кирпичику», до тех пор, пока не будет построено прочное основание для уверенных выводов. Вот почему я начал нашу беседу с вопроса «в лоб»:

— Вы можете привести мне пять косвенных доказательств того, что Иисус восстал из мертвых?

— Пять примеров? — переспросил Морлэнд. — Бесспорных?

Я кивнул.

Морлэнд на своем вращающемся стуле отъехал от стола и с места в карьер приступил к доказательству номер один: о том, как преобразилась жизнь апостолов, об их готовности погибнуть за веру в Воскресение Иисуса.

Пример номер один: АПОСТОЛЫ БЫЛИ ГОТОВЫ УМЕРЕТЬ ЗА СВОЮ ВЕРУ

— После распятия Иисуса, — начал Морлэнд, — Его последователи были удручены и подавлены. Они уже не были уверены, что Он — Посланник Божий, так как считали, что тех, кто распят, Бог проклинает. Кроме того, их всегда учили, что Мессии Бог не позволит умереть. Движение распалось, ученики разбрелись.

Но проходит совсем немного времени — и что мы видим? Люди бросают привычные занятия, снова собираются и полностью посвящают себя проповеди Благой Вести о том, что Иисус Христос — Мессия, Посланник Божий, Который умер на кресте, воскрес и явил им Себя — Бога Живого! Они готовы посвятить остаток жизни распространению этой вести — бесплатно, без расчета на благодарность — разумеется, с земной, человеческой точки зрения. За это их ждали не дворцы на побережье Средиземного моря, а жизнь, полная лишений. Они голодали, спали на голой земле в дождь и ветер, над ними потешались, их избивали, их кидали в застенок. А главное, большинство этих людей погибло мученической смертью! Ради чего? Из благих намерений? Конечно, нет! Просто они были твердо убеждены в том, что Иисус Христос являлся им, восстав из мертвых. Попробуйте объяснить, откуда у стольких людей взялась такая уверенность, если они не видели воскресшего Иисуса?

Я перебил его очередным «да, но...»:

— Да, они были готовы умереть за свои убеждения. Но то же можно сказать о мусульманах и мормонах, о последователях Джим Джонса и Дэвида Кореша. Обо всех этих людях можно с уверенностью сказать одно: они фанатично преданы своей вере. Но разве это означает, что их вера истинна?

— Подождите! — Морлэнд развернулся на стуле лицом ко мне — глаза в глаза. — Допустим, мусульмане готовы умереть за веру в то, что Аллах явил себя Мухаммеду; но кто из них это видел? Вероятно, они искренне верят в это, но не знают наверняка, поскольку не были очевидцами события. Значит, они могут и ошибаться. Апостолы же с готовностью шли на смерть, поскольку собственными глазами видели воскресшего Христа и прикасались к Нему. Они не просто верили, что Иисус восстал из мертвых, — они это знали. Одиннадцать человек, чьи честность и бескорыстие не вызывают сомнений, одновременно утверждают, что видели нечто своими глазами. Вы можете придумать этому какое-нибудь «постороннее» объяснение?

Я улыбнулся, осознав, что выбранная мною роль напоминает роль «адвоката дьявола». На самом деле я не сомневался, что Морлэнд прав. В этот момент я понял главное — то, ради чего начал это духовное путешествие. Вот что я понял: люди идут на смерть за свои религиозные убеждения, только если всецело уверены в их истинности. Никто не станет погибать за то, во что не верит.

Обычно люди, веря во что-то, могут лишь *надеяться*, что вера их истинна и то, во что они верят, — правда. Апостолы же точно *знали*, что Иисус восстал из мертвых. Они видели Его, говорили с Ним, ели с Ним. Не будь они уверены в этом целиком и полностью, они не пошли бы на мученическую смерть за возвещение Воскресения[125].

— Убедительно, — согласился я. — А другие примеры?

Пример номер два: ОБРАЩЕНИЕ НЕВЕРУЮЩИХ

— Вот вам еще одно косвенное доказательство: закоренелые скептики, не верившие в Иисуса при Его земной жизни и довольно резко настроенные против христиан, после Его смерти внезапно обратились в христианство. Эта странная метаморфоза может иметь только одно объяснение: они видели воскресшего Христа!

— Насколько я понимаю, вы говорите об Иакове, брате Иисуса, и Савле Тарсянине — будущем апостоле Павле, — сказал я. — А есть у вас доказательства, что Иаков прежде не верил в Иисуса?

— Есть, — кивнул Морлэнд. — Евангелия сообщают, что все родные Иисуса, включая Иакова, были растеряны и чувствовали себя неловко, когда Он начал Свое земное служение. Они не верили в Него, они противостояли Ему. Семья учителя не приемлет его учение — для иудеев тех времен это была ситуация из ряда вон выходящая. Евангелистам просто не было никакого смысла выдумывать такое! Позже Иосиф Флавий писал, что Иаков, брат Иисуса и руководитель Иерусалимской церкви, был приговорен к побиванию камнями из-за веры в своего Брата. Почему изменилась жизнь Иакова? Павел объясняет: Иакову явился воскресший Иисус. Других объяснений нет.

Действительно, ничего другого на ум не приходило.

— А Савл? — спросил я.

— Савл был фарисеем, и ему было ненавистно все, что нарушало традиции еврейского народа. В его глазах это новомодное течение, называемое христианством, было верхом предательства, и он даже принимал участие в казнях христиан. И вдруг этот человек не только меняет гнев на милость, но и сам становится христианином! Как это произошло? В Послании к Галатам Павел сам объясняет, что побудило его совершить этот «поворот на 180 градусов» и стать главным поборником христианской веры. Он пишет, что видел восставшего Христа, Который призвал его к служению.

Я ждал, когда Морлэнд заговорит об этом, чтобы познакомить его с мнением критика христианства Майкла Мартина. С точки зрения Мартина, тот, кто считает обращение Павла доказательством Воскресения, с тем же успехом может считать обращение пророка Мухаммеда в ислам доказательством того, что Иисус не воскресал — ведь ислам отрицает Его Воскресение!

— По сути, Мартин утверждает, что обращение Павла и обращение Мухаммеда — взаимоисключающие свидетельства, — сказал я Морлэнду. — И, честно говоря, похоже, что в этом есть рациональное зерно. Что вы скажете?

Морлэнд и не думал глотать наживку.

— Ну что ж, — невозмутимо произнес он, — давайте поговорим о пророке Мухаммеде. О его обращении никто ничего не знает наверняка. Мухаммед утверждал, что удалился в пещеру, и там Аллах вручил ему Коран. Этому нет никаких подтверждений — ни свидетельств очевидцев, ни чудес, которые творил бы Мухаммед. Зато многим было выгодно следовать за Мухаммедом, поскольку в первое время ислам распространялся и утверждался преимущественно путем военных набегов. Мусульмане завоевывали все новые и новые города, «обращая» их жителей в ислам огнем и мечом. Сравните это с позицией ранних последователей Иисуса, к которым принадлежал и Павел. Они проповедовали о событиях, которые видели и другие люди. То, чему они учили, вершилось не только в их умах, но и в реальном мире. Более того, во 2-ом послании к Коринфянам (а никто не сомневается, что написал его именно Павел) апостол напоминает жителям Коринфа о чудесах, которые он творил в их городе. Стал бы он такое писать, если бы это не было правдой?

— К чему вы клоните? — спросил я.

— Понимаете, дело не только в том, что у Павла изменились убеждения. Дело еще и в том, что его новые убеждения полностью шли вразрез с его воспитанием и всей его жизнью; он видел воскресшего Христа, причем не один, а с другими людьми, хотя эти люди могли и не понимать, что они видят; наконец, он творил чудеса, подтверждая тем самым свое апостольство.

— Ладно, ладно, сдаюсь! — сказал я. — Мне нечего возразить. Переходим к следующему примеру.

Пример номер три: ИЗМЕНЕНИЯ ТРАДИЦИЙ И СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

Этот пример потребовал от Морлэнда экскурса в историю еврейского народа.

— К моменту земной жизни Иисуса евреев угнетали и преследовали уже семьсот лет — вавилоняне, ассирияне, персияне, затем греки и римляне. Многие евреи жили в рассеянии или в плену у других народов.

Однако что мы видим? Евреи живут и процветают по сей день, а куда подевались хеттеи, ферезеи, аморреи, ассирияне, вавилоняне? Войны, межнациональные браки и другие причины привели к тому, что они перестали существовать как народы. Почему же этого не произошло с евреями? Потому что для евреев чрезвычайную важность имели определенные общественные институты; именно они и делали их евреями, определяли их национальное самосознание. Эти элементы общественного устройства передавались из поколения в поколение, отмечались по субботам в синагогах и подкреплялись ритуалами, иначе — и евреи это прекрасно понимали! — народ перестал бы ощущать себя единым целым, другие культуры поглотили бы и растворили его.

И еще одна причина: люди верили, что эти институты связывали их с Богом, и забросить их — значит, обречь свои души на вечную муку в аду.

И тут из провинции, из нижних слоев общества появляется Учитель по имени Иисус. Он проповедует свое учение три года, собирает круг последователей, в основном небогатых и незнатных, потом у Него начинаются неприятности с властями, и в итоге Он заканчивает Свою жизнь на кресте — как и тридцать тысяч других евреев, распятых в тот период.

Однако спустя месяц и неделю после Распятия более десяти тысяч евреев причисляют себя к Его ученикам и провозглашают Его основателем новой религии. И обратите внимание: при этом они готовы отменить или изменить все пять социальных институтов, которые — как им внушали с младенческих лет — были жизненно важны для евреев как в общественном, так и в богословском смысле.

— Выходит, произошло что-то важное? — произнес я.

— Чрезвычайно важное! — воскликнул Морлэнд.

Революционные перемены

Я попросил Морлэнда рассказать подробнее об этих пяти социальных институтах и о том, как последователи Иисуса отменяли и изменяли их.

— Во-первых, — начал он, — со времен Авраама и Моисея евреям внушали, что во искупление своих грехов они обязаны ежегодно приносить в жертву животных. Бог перенесет их грехи на жертвенное животное, и тогда евреи снова обретут право стать перед Богом, поскольку грехи их будут прощены. И вдруг, после смерти этого «Плотника из Назарета», евреи отказываются от жертвоприношений!

Во-вторых, иудеи всегда подчеркивали, что повинуются законам, данным им Богом через Моисея. С их точки зрения, именно эти законы отделяли их от язычников. Однако вскоре после смерти Иисуса среди иудеев начались разговоры о том, что одно только соблюдение закона Моисеева никого не сделает достойным и выдающимся членом общества!

В-третьих, евреи скрупулезно соблюдали Субботу. В этот день недели они не делали никаких дел, только поклонялись Богу. Именно так они рассчитывали обрести праведность в Его глазах и в глазах всего народа, обеспечить спасение для себя и своей семьи. Однако после смерти «Плотника из Назарета» эта полуторатысячелетняя традиция резко меняется. Христиане начинают поклоняться Богу в воскресенье — почему? Да потому, что в этот день Иисус воскрес из мертвых, отсюда и название!

В-четвертых, иудеи были монотеистами — верили в одного-единственного Бога. Христиане же исповедовали монотеизм особого рода. Они утверждали, что Бог един в трех лицах — Отец, Сын и Святой Дух. Это резко отличалось от иудейской веры. Попробовал бы кто-то сказать, что можно быть Богом и человеком одновременно! Иудеи тотчас объявили бы это высшим проявлением ереси! Однако в первое же десятилетие после смерти Иисуса евреи начали поклоняться Ему как Богу.

И, наконец, в-пятых. Христиане утверждали, что Мессия пострадал и умер за грехи всего мира; евреям же из поколения в поколение объясняли, что Мессия будет в первую очередь политическим вождем, который уничтожит военную мощь Рима.

Закончив перечисление, Морлэнд решил «добить» оппонента посредством риторических вопросов.

— Ли, — произнес он, упорно сверля меня взглядом, — вы можете объяснить, почему в столь краткий срок не какой-нибудь один еврей, а минимум десять тысяч человек готовы были отказаться от этих институтов, веками служивших социальной и богословской основой существования их народа? Почему? Мой ответ прост: потому что они видели Иисуса восставшим из мертвых!

Ответ Морлэнда действительно был прост и ясен. Но покажется ли он таким нашим современникам? Я сказал ему, что человеку, воспитанному в западной культуре двадцатого века, трудно осознать и оценить радикальную природу этой трансформации.

— В наши дни люди с легкостью меняют религиозные убеждения, — сказал я. — Вчера он был христианином, сегодня он «ньюэйджер», завтра буддист, а послезавтра — создатель собственной религии. С нынешней точки зрения перемена, о которой вы говорили, не кажется такой уж существенной.

Морлэнд кивнул. Он явно не в первый раз слышал это возражение.

— Такого человека я бы спросил: «Во что ты свято веришь? Что твои родители были хорошими людьми? Что убивать безнравственно? А теперь подумай: что должно произойти, чтобы ты перестал в это верить?» Может быть, тогда масштаб перемен станет ясней. А ведь мы говорим не об одном человеке, а о целом сообществе людей, которые отринули бесконечно ценные для себя убеждения, передававшиеся из поколения в поколение и данные, как они полагали, Самим Богом. Люди отвергли их, рискуя своим благополучием здесь, на земле; более того, они верили, что если они ошиблись, значит, душам их предстоит вечно гореть в аду. Но и это еще не все: люди изменили свои убеждения не потому, что нашли что-то лучшее, более удобное. Старые традиции их вполне устраивали. Но люди отказались от них, потому что видели чудеса — необъяснимые чудеса, побудившие их взглянуть на мир другими глазами.

— Мы, представители западной культуры, — индивидуалисты; нам нравятся перемены в обществе и технологические новшества, а традиции значат для нас не так уж много, — заметил я.

— Согласен, — ответил Морлэнд. — Но люди, о которых мы говорим, напротив, ценили традиции. В их эпоху рассуждали так: «Чем древнее, тем лучше». Чем старше была идея, тем вернее она им казалась. Поэтому новые идеи воспринимались обществом вовсе не так, как в наши дни. Поверьте, — заключил он, — для еврейского общества это были не какие-то там незначительные нововведения, но грандиозные перемены, нечто наподобие социального землетрясения. А землетрясения не происходят без причины.

Пример номер четыре: ПРИЧАСТИЕ И КРЕЩЕНИЕ

Морлэнд сказал, что важнейшие косвенные доказательства Воскресения — возникновение в ранней церкви таких таинств, как причастие и крещение. Однако у меня оставались некоторые сомнения.

— Разве не естественно, что в любом вероисповедании возникают особые ритуалы и обряды? — спросил я. — Это свойственно всем религиям; при чем тут доказательства Воскресения?

— Ну хорошо, давайте поговорим о причастии. Ведь вот как странно: первые христиане собирались вовсе не для того, чтобы отпраздновать Его учение или Его чудеса. Они регулярно устраивали совместные трапезы с одной-единственной целью: отметить, что Иисус был публично казнен самым отвратительным и унизительным способом.

Взгляните на это с точки зрения современного человека. Представьте группу почитателей, скажем, Дж. Ф. Кеннеди. Они собираются, чтобы снова и снова подчеркнуть, какой яркой личностью он был, каким незаурядным политиком, как боролся за гражданские права. Но вряд ли они особо празднуют тот факт, что Кеннеди был убит Ли Харви Освальдом! А вот ранние христиане делали как раз что-то в этом роде. Как это объяснить? Лично я объясняю это так: они понимали, что именно гибель Иисуса была необходимым шагом к Его великой победе. Убийство не было последним словом; последним словом было то, что Он победил смерть, восстав из мертвых. Они праздновали Его казнь, потому что были уверены, что видели Его живым, восставшим из гробницы!

— А крещение? — спросил я.

— Ранняя церковь унаследовала форму крещения из иудаизма. Это было так называемое крещение прозелитов. Когда язычники хотели принять закон Моисеев и жить по нему, иудеи крестили их властью Бога Израиля. Однако по Новому Завету людей крестили во имя Бога-Отца, Бога-Сына и Бога — Святого Духа, а это значило, что Иисуса действительно считали Богом в полном смысле слова. Кроме того, крещение, как и причастие, было символом смерти Иисуса. Погружение в воду символизировало Его смерть, а появление из воды — Его воскресение и новую жизнь.

Я перебил:

— Вы хотите сказать, что эти таинства не были попросту позаимствованы у так называемых мистических религий?

— Именно! — ответил Морлэнд. — Во-первых, нет никаких оснований считать, что до новозаветной эпохи в этих религиях существовала вера в умерших и воскресших богов. Так что если что и было «позаимствовано», то как раз у христианства! Во-вторых, обряд крещения пришел из иудейских обычаев, к которым иудеи относились очень ревностно, не подпуская и близко ничего языческого или эллинского. И, наконец, в-третьих: эти два таинства восходят к периоду самого раннего христианства, то есть ко временам, когда другие религии еще не могли оставить свой след на восприятии смысла и значения смерти Иисуса.

Пример номер пять: РОЖДЕНИЕ ЦЕРКВИ

Прежде чем перейти к этому — последнему — примеру, Морлэнд заметил:

— Когда происходит переворот в культуре, историки всегда ищут события, которые могли бы к нему привести.

— Верно, — согласился я.

— Тогда поговорим о том, как зародилась христианская церковь. Совершенно очевидно, что она возникла вскоре после смерти Иисуса и разрасталась столь стремительно, что за какие-то двести лет дошла до дворца Цезаря в Риме! Более того, христианство одержало победу над другими идеологиями и постепенно охватило всю Римскую империю.

— Если бы вы были каким-нибудь марсианином, глядящим вниз на Землю I века, кому, с вашей точки зрения, предстояла бы долгая жизнь — христианству или Римской империи? Вряд ли вы поставили бы хоть самую малую монетку на разношерстную компанию, повсюду сеявшую весть о том, что некий распятый плотник из захолустья восстал из гроба, поправ смерть! Однако проходит двадцать веков — и мы называем своих детей Петрами и Павлами, а собак — Цезарями и Неронами! Мне нравится, как сказал об этом Моул (C. F. D. Moule), кембриджский исследователь Нового Завета: «Если появление церкви Иисуса Назареянина — явление, неопровержимо засвидетельствованное в Новом Завете, — прорывает в истории дыру размером с Воскресение, то чем светскому историку заткнуть эту прореху?»[126]

Мне показалось, что это не самый сильный из аргументов Морлэнда, поскольку другие религиозные движения тоже стремительно зарождались и распространялись. Однако косвенные доказательства опираются не на один отдельно взятый факт, но, скорей, на совокупность фактов, ведущих к неоспоримому выводу. С точки зрения Морлэнда, вывод этот был более чем ясен:

— Допустим, кто-то, рассмотрев все эти косвенные свидетельства, все-таки придет к выводу, что Иисус не воскресал из мертвых. Что же, имеет право. Однако ему придется предложить альтернативное объяснение всем пяти перечисленным фактам. Имейте в виду, факты верны, это бесспорно; вопрос только в том, как их объяснить. И я никогда не встречал лучшего объяснения, чем Воскресение.

Я мысленно «прокрутил» в голове все пять фактов: готовность апостолов умереть за истину, которую они узнали и пережили; переворот в жизни и сознании скептиков, таких, как Иаков и Савл; радикальные перемены в иудейских социальных институтах, лелеемых веками; внезапное появление таинств причастия и крещения; на удивление стремительное зарождение и распространение христианства. Перебрав их в памяти, я вынужден был согласиться с Морлэндом: объяснить все эти пять фактов может Воскресение — и только Воскресение. Ни одно другое объяснение и близко не подходит. А ведь это лишь косвенные свидетельства! Прибавив к ним мощные аргументы в пользу опустевшей гробницы Иисуса и убедительные доказательства Его явлений после Воскресения, я уже не сомневался в том, что «дело о Христе» можно считать закрытым.

С моим мнением был согласен и сэр Лайонел Лаку, блестящий, гениальный юрист, чьи 245 сенсационных оправдательных приговоров обеспечили ему в «Книге рекордов Гиннеса» место самого преуспевающего адвоката[127]. Дважды посвященный в рыцари королевой Елизаветой, этот бывший судья и дипломат в течение нескольких лет самым пристрастным образом исследовал исторические факты о Воскресении, после чего заключил: «Утверждаю наверняка: свидетельства в пользу Воскресения Иисуса Христа столь обширны и убедительны, что не оставляют ни малейшей лазейки для сомнений»[128].

Но погодите, это еще не все!

ПОСЛЕДНИЙ ШАГ

Интервью было окончено, диктофон выключен, и я, перебрасываясь с Морлэндом шуточками о футболе, торопливо собирал бумаги, рассчитывая успеть на ближайший рейс до Чикаго. Однако Морлэнд сказал нечто такое, что заставило меня забыть о спешке:

— А ведь есть еще одна категория свидетельств, о которых вы не спросили...

Я судорожно прокрутил в памяти нашу беседу — и развел руками:

— Сдаюсь! О чем речь?

— Речь о постоянных и непрерывных встречах с воскресшим Христом — встречах, которые происходят во всем мире, во всех странах, у людей всех судеб и характеров — образованных и невежественных, богатых и бедных, мужчин и женщин, «логиков» и «этиков», — разъяснил он. — Все они с готовностью засвидетельствуют, что Иисус Христос преобразил их жизни. — Морлэнд подался вперед. — Для меня это и есть самое главное — не единственное, но решающее — доказательство того факта, что весть об Иисусе способна распахнуть всякое сердце навстречу воскресшему Христу.

— Наверное, и вы встречались с Ним? — предположил я. — Расскажите!

— В 1968 году, когда я изучал химию в университете Миссури и был весьма циничным молодым человеком, до меня вдруг дошло, что если подойти к учению Иисуса Христа критически, но при этом беспристрастно, окажется, что свидетельств в Его пользу — больше, чем нужно для веры! Тогда я сделал шаг в том направлении, куда указывали эти свидетельства, я признал Иисуса моим Господом и Искупителем и начал общаться с Ним — с воскресшим Христом — серьезно и неустанно. Прошло тридцать лет, я получил сотни ответов на свои молитвы, я видел вещи, которые просто невозможно объяснить естественными причинами, и жизнь моя преобразилась так, как я и представить себе не мог бы.

И все-таки, возразил я, другие религии тоже способны изменить человеческую жизнь.

— Разве не опасно принимать решения, основываясь лишь на субъективном опыте?

— Тут нужно усвоить две важные вещи, — ответил он. — Во-первых, я не говорю: «Доверься своему опыту, и все тут!» Я утверждаю другое: «Спокойно, без эмоций обдумай и взвесь все факты — а решающим свидетельством пусть станет опыт». Во-вторых, если все свидетельства до единого указывают на Воскресение Христа, то эмпирический тест напрашивается сам собой.

Косвенные доказательства

— А что это такое? — спросил я.

— Эмпирический тест — это когда вы говорите себе: «Он жив, и я могу доказать это, пообщавшись с ним». Если бы вы были членом суда, где прозвучал уже целый ряд доказательств вины подсудимого, разве разумно было бы выносить вердикт, не услышав последнего, самого главного свидетельства? Какой смысл в том, чтобы признать все доказательства Воскресения Иисуса — и не проверить их на собственном опыте?

— Итак, — сказал я, — если все доказательства указывают в одном и том же направлении, разумно и логично будет перевести их в сферу практического опыта?

Морлэнд одобрительно кивнул.

— Совершенно верно, — сказал он. — Практика — окончательное подтверждение любых доказательств. Скажу больше: доказательства сами требуют эмпирического, практического подтверждения.

Вопросы для размышления

1. Апостолы были в особом положении: они наверняка знали, что Иисус восстал из мертвых, и готовы были погибнуть за это свое убеждение. Слышали ли вы хотя бы об одном человеке, который бы сознательно пошел на смерть за то, во что не верил? До какой степени вы должны быть убеждены в чем-то, чтобы умереть за это убеждение? Насколько тщательно вы исследовали бы вопрос, если бы знали, что это — главный вопрос вашей жизни?
2. Во что вы свято верите? Чего бы вам стоило отказаться от этой веры или переосмыслить ее — особенно если бы вы знали, что ценой ошибки станет проклятие вашей души на веки вечные? Как ваш ответ соотносится с тем историческим фактом, что после распятия Иисуса тысячи иудеев внезапно отказались от вековых социальных и религиозных традиций?
3. Можете ли вы найти другое объяснение всем пяти примерам Морлэнда, кроме Воскресения Иисуса? Если да, то представьте себе такого собеседника, как Морлэнд. Что он скажет в ответ на вашу гипотезу?
4. В конце интервью Морлэнд говорил об экспериментальном тесте как об окончательном подтверждении любых доказательств. Что нужно лично вам, чтобы предпринять этот шаг?

На ту же тему

Green, Michael. Christ is Risen: So What? Kent, England: Sovereign World, 1995.

McDowell, Josh. The Resurrection Factor, 105 — 20. San Bernardino, Calif.: Here's Life, 1981.

Moreland, J. P. Scaling the Secular City. Grand Rapids: Baker, 1987.

Moule, C. F. D. The Phenomenon of the New Testament. London: SCM Press, 1967.

ВЫВОД: КАКОВ ЖЕ ВЕРДИКТ ИСТОРИИ?.*О чем рассказали свидетельства — и что это значит в наши дни?*

Это было 8 ноября 1981 года, воскресенье. Я заперся дома, в своем кабинете, чтобы в мыслях снова пройти духовный путь, занявший у меня год и девять месяцев.

Мое личное «следствие по делу Иисуса» было очень похоже на то, о чем вы только что прочли, с той разницей, что тогда я не беседовал с учеными, а самостоятельно изучал книги и разнообразные исторические документы. Стараясь быть настолько объективным, насколько это вообще возможно, я задавал вопросы, находил и анализировал ответы на них, пока не достиг «критической массы». Доказательств было в избытке, и они были ясны как день. Оставался только один вопрос: что мне теперь с ними делать? Как распорядиться тем, что я узнал?

Я достал блокнот — стандартный блокнот судебного журналиста — и составил список вопросов, с которых началось мое расследование, и ключевых фактов, какие мне удалось «раскопать». Примерно то же мы с вами можем проделать сейчас.

• МОЖНО ЛИ ДОВЕРЯТЬ ЖИЗНЕОПИСАНИЯМ ИИСУСА?

Когда-то я думал, что Евангелия — не более чем религиозная пропаганда, настолько разукрашенная богатым воображением и пылом евангелистов, что найти там зерно истины — дело безнадежное. Однако Крэг Бломберг, один из ведущих

специалистов по этой теме, самым убедительным образом продемонстрировал, что Евангелия отражают свидетельства очевидцев и содержат в себе бесспорные признаки собственной точности и истинности. Эти жизнеописания были написаны очень рано, поэтому их никак нельзя объяснить вымыслом или мифотворчеством. Прочные основы веры в чудеса Иисуса, Его Воскресение и Его божественность были заложены еще на заре христианского движения.

• ВЫДЕРЖИВАЮТ ЛИ ЕВАНГЕЛИЯ КАК СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ ПРОВЕРКУ НА ДОСТОВЕРНОСТЬ?

Бломберг убедительно доказал, что евангелисты намеревались донести до читателя точные исторические факты, что им это удалось, что они были честны, что они включили в Евангелия даже труднообъяснимые сведения, и что евангельские тексты не окрашены предубеждениями авторов. Евангелия согласуются между собой в главном и расходятся в незначительных деталях, что тоже свидетельствует об их исторической достоверности. Более того: ранняя церковь не могла бы зародиться и процветать прямо в Иерусалиме, если бы проповедала об Иисусе нечто такое, что Его современники могли бы опровергнуть как преувеличение или явную ложь. Короче говоря, Евангелия с успехом прошли все восемь испытаний, каким обычно подвергают свидетельские показания.

• НЕ ИСКАЗИЛИСЬ ЛИ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ИИСУСА, ДОЙДЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ?

Брюс Метцгер, ученый с мировым именем, утверждает, что по сравнению с другими древними документами количество новозаветных рукописей беспрецедентно велико, причем списки по времени создания чрезвычайно близки к оригиналам. Дошедшие до нас новозаветные тексты расходятся всего на 0,5%, причем в несущественных деталях, не относящихся к основным доктринам. Критерии, по которым ранняя церковь определяла, какие именно книги должны составить канон, не оставляют сомнений в том, что дошедшие до нас сведения об Иисусе аутентичны.

• СУЩЕСТВУЮТ ЛИ НАДЕЖНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБ ИИСУСЕ ВНЕ ЕВАНГЕЛИЙ?

«Об Иисусе сохранилось больше исторических свидетельств, чем об основателе любой другой древней религии, — это неопровержимый факт», — говорит Эдвин Ямаучи. Внебиблейские источники подтверждают: многие считали Иисуса Мессией и верили, что Он исцелял недужных; Он был распят; несмотря на столь позорную смерть, Его последователи, считавшие Его живым, поклонялись Ему как Богу. Исследователь Гэри Хабермас собрал тридцать девять древних документов, подтверждающих более ста фактов о жизни, учении, Распятии и Воскресении Иисуса. Семь светских источников и несколько ранних символов веры говорят о божественности Иисуса — доктрине, которая, согласно Хабермасу, «определенно присутствовала еще у первых христиан».

• ПОДТВЕРЖДАЕТ ИЛИ ОПРОВЕРГАЕТ АРХЕОЛОГИЯ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ИИСУСА?

По словам археолога Джона Макрэя, нет никаких сомнений в том, что археология подтверждает достоверность Нового Завета. До сих пор еще ни одна находка не опровергла библейских утверждений. Более того: археологи установили, что Лука, написавший около четверти Нового Завета, был чрезвычайно дотошным историком. Как пишет один специалист, «если Лука столь скрупулезно относился даже к мельчайшим историческим деталям, то на каком основании мы должны предполагать, что он был неточен или легковерен, сообщая о вещах несравненно более важных, причем не только для него самого, но и для других?» Добавлю от себя: например, о Воскресении Иисуса...

• ИИСУС КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ И ИИСУС, В КОТОРОГО ВЕРЯТ ХРИСТИАНЕ, — ЭТО ОДНО ЛИЦО?

Грегори Бойд утверждает, что пресловутый «Семинар Иисуса» (по мнению которого, Иисус не делал и не говорил большей части того, что Ему приписывают) — «это всего лишь группка радикально настроенных ученых, занимающих ультралевую позицию в отношении Нового Завета». «Семинар Иисуса» априори исключает вероятность чудес; критерии, применяемые им, весьма спорны, а некоторые участники приводят в качестве доказательств чрезвычайно подозрительные и недостоверные документы. Гипотеза, согласно которой история Иисуса уходит корнями в мифы об умирающих и оживающих богах, не выдерживает критики. Бойд пишет: «Есть бесспорные доказательства, что Иисус именно Тот, Кем называли Его ученики. Есть доказательства Его чудес, Его Воскресения, Его истины... между этими доказательствами и домыслами ультралевых из «Семинара Иисуса»... раскинулась пропасть в тысячи световых лет!» Иными словами, Иисус как Бог христиан и Иисус как историческая личность — одно Лицо.

• СЧИТАЛ ЛИ ИИСУС СЕБЯ СЫНОМ БОЖЬИМ?

Обратившись к древнейшему преданию, безусловно свободному от более поздних мифологических наслоений, Бен Уизерингтон III доказал, что Иисус осознавал Свою высшую сущность и трансцендентность. «Верил ли Иисус в то, что Он — Сын Божий, Помазанник Божий? Да, верил. Полагал ли Он Себя Сыном Человеческим? Да, полагал. Рассматривал ли Он Себя как Мессию? Да, рассматривал. Считал ли Он, что спасти этот мир может не только Бог? Нет. В это я не верю».

• В ЗДРАВОМ ЛИ УМЕ БЫЛ ИИСУС, КОГДА ОБЪЯВЛЯЛ СЕБЯ СЫНОМ БОЖЬИМ?

Известный психолог Гэри Коллинз утверждает, что Иисус никогда не проявлял неадекватных или неуместных эмоций, пребывал в ладу с реальностью, был чрезвычайно мудр и прозорлив, особенно когда дело касалось человеческой природы, и строил прочные и глубокие отношения с людьми. «Я не нахожу у Иисуса ни малейших признаков душевного расстройства», — заключает Коллинз. Кроме того, Иисус доказывает Свою божественность чудесами исцеления, поразительными проявлениями власти над природой, учением, которому нет и не будет равных, немыслимо глубоким пониманием человеческой души и, наконец, собственным Воскресением, которое стало окончательным подтверждением Его божественной сущности.

• ОБЛАДАЛ ЛИ ИИСУС ВСЕМИ АТРИБУТАМИ БОГА?

Воплощение — Бог становится человеком, бесконечное становится конечным — выходит за рамки нашего воображения. Однако выдающийся богослов Д. Карсон подчеркивает, что Иисус обладал всеми характеристиками божества, и тому есть масса свидетельств. На основе второй главы Послания к Филиппийцам многие богословы полагают, что Иисус, осуществляя Свою миссию искупления человечества, намеренно уничижил, точнее — опустошил Себя, отказавшись от независимого использования этих божественных атрибутов. Но при этом, согласно Новому Завету, Иисус обладает всеми характеристиками божества, в том числе — всеведением, вездесущностью, всемогуществом, предвечностью и неизменностью.

• ОТОЖДЕСТВЛЯЕТСЯ ЛИ ЛИЧНОСТЬ МЕССИИ С ИИСУСОМ — И ТОЛЬКО ЛИ С НИМ?

За сотни лет до рождения Иисуса пророки предсказывали пришествие Мессии, Помазанника, Который явится искупить Божий народ. В итоге десятки этих ветхозаветных пророчеств образовали своего рода «отпечатки пальцев», соответствовать которым может только истинный Мессия, и у народа Израиля появилась возможность вычислить самозванцев. Подсчитано, что вероятность осуществления сорока восьми ветхозаветных пророчеств — один к триллиону триллионов триллионов триллионов триллионов триллионов триллионов триллионов триллионов триллионов триллионов триллионов! А это значит, что за всю историю человечества только Иисус полностью соответствует этим пророческим «отпечаткам». Следовательно, можно с высочайшей степенью уверенности заключить, что Иисус и Мессия — одно Лицо!

• МОЖЕТ БЫТЬ, СМЕРТЬ ИИСУСА БЫЛА ПРИТВОРНОЙ, А ВОСКРЕСЕНИЕ — МИСТИФИКАЦИЕЙ?

Исследовав медицинские и исторические данные, доктор Александер Метерелл заключил, что Иисус никак не мог остаться в живых после непереносимых пыток распятия, и уж тем более — после удара копьем, пронзившего легкое и сердце. Та идея, что Он якобы потерял сознание на кресте, а потом притворился мертвым, лишена всяческих оснований. Римские воины знали свое дело; кроме того, им было хорошо известно, что если жертва распятия останется в живых, палачей самих ждет смерть. Даже если бы — допустим невероятное — Иисус пережил казнь, Он был бы в таком ужасном состоянии, что вряд ли смог бы стать вдохновителем всемирного движения, основанного на том, что Он одержал победу над смертью, чудесным образом восстав из мертвых!

• ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ГРОБНИЦА ИИСУСА ОКАЗАЛАСЬ ПУСТА?

Уильям Лейн Крэг предоставил замечательные свидетельства того, что опустевшая гробница Иисуса, вечный символ Пасхи, — историческая реальность. Она упоминается или подразумевается в чрезвычайно ранних источниках — в Евангелии от Марка и в символе веры из пятнадцатой главы 1-го послания к Коринфянам, — которые были написаны вскоре после Воскресения и никак не могут являться плодом вымысла. Евангелие гласит, что опустевшую гробницу первыми обнаружили женщины, — и этот факт тоже подкрепляет подлинность повествования. Местопо-

ложение гробницы Иисуса было известно и христианам, и иудеям, поэтому сомневающиеся могли пойти и увидеть все собственными глазами. Никто — даже римские власти, даже иудейские старейшины, — никто никогда не утверждал, что Его Тело по-прежнему пребывает в гробнице. Напротив, им пришлось прибегнуть к нелепому вымыслу о том, что апостолы якобы выкрали Его Тело, — хотя у тех явно не было на то ни причин, ни возможностей. Однако в наши дни в эту гипотезу не верят даже самые пристрастные скептики.

• ВИДЕЛИ ЛИ ИИСУСА ЖИВЫМ ПОСЛЕ ЕГО СМЕРТИ НА КРЕСТЕ?

Свидетельства о том, что воскресшего Иисуса видели живым, не принадлежат к числу мифов, которые годами окутывали Его образ и искажали память о Его земном бытии. Напротив, по словам выдающегося специалиста по этой теме Гэри Хабермаса, «Воскресение, несомненно, было центральным постулатом ранней церкви с первых ее дней». В древнем символе веры из пятнадцатой главы 1-го послания к Коринфянам названы имена людей, видевших восставшего Христа; апостол Павел даже призывает своих сомневающихся современников обратиться к этим людям напрямую и узнать правду. В Книге Деяний Святых Апостолов содержится множество исключительно ранних упоминаний о Воскресении; в Евангелиях встречи с воскресшим Иисусом описаны очень подробно. Как выразился известный английский богослов Майкл Грин, «явления Иисуса доказаны и подтверждены не хуже, чем любые другие факты древней истории... У нас нет оснований сомневаться в них».

• СУЩЕСТВУЮТ ЛИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, КОСВЕННО ПОДТВЕРЖДАЮЩИЕ ВОСКРЕСЕНИЕ?

«Расставить точки над i» в вопросе о Воскресении помогли косвенные доказательства, предоставленные Дж. П. Морлэндом. Во-первых, кому, как не ученикам, было знать, что Иисус действительно воскрес, — и за эту истину они пошли на смерть. Никто по доброй воле не отдаст свою жизнь за то, во что не верит и в чем не убежден. Во-вторых, Воскресение — единственная причина, по которой такие закоренелые скептики, как Павел и Иаков, могли уверовать во Христа и умереть за свою веру. В-третьих, за считанные недели, прошедшие со дня Распятия, тысячи евреев отказались от вековых установок и традиций, служивших для них основой социальной и религиозной жизни. Здесь ошибка стоила людям уже не просто жизни, но жизни вечной! В-четвертых, Воскресение и божественность Иисуса подтверждаются чрезвычайно ранним возникновением таких таинств, как причастие и крещение. И, наконец, впятых: появление и бурный рост церкви перед лицом жестоких преследований со стороны Рима, по словам Моула, «прорывает в истории дыру размером с Воскресение».

• ВЫЗОВ МЮЛЛЕРА НЕ ПРИНЯТ

Признаюсь: меня смяло и потрясло количество и качество доказательств того, что Иисус — Единородный Сын Божий. В то памятное мне воскресенье, сидя за письменным столом, я изумленно и недоверчиво качал головой. Я не раз видел, как подсудимых прямо из зала суда отправляли в камеру смертников на основе куда менее убедительных доказательств! Совокупность фактов и сведений упорно подталкивала меня к выводу, который мне не слишком-то хотелось делать.

Честно говоря, мне гораздо удобнее было считать, что поклонение Иисусу — следствие мифотворчества, обожествление мудреца, которого благонамеренные, но заблуждающиеся постепенно возвысили до Сына Божьего. Такой вывод был вполне безопасен: в конце концов, что мне до какого-то бродячего проповедника, возвещавшего две тысячи лет назад конец света, — и что ему до меня? Я приступал к «следствию», рассчитывая, что приду именно к такому выводу, а в итоге пришел к диаметрально противоположному.

Последней каплей, переполнившей чашу моего неверия, стало знаменитое исследование А. Н. Шервин–Уайта, замечательного оксфордского историка, специалиста по античности (на него ссылался Уильям Лейн Крэг). Шервин–Уайт тщательно рассчитал скорость, с какой в античные времена факты обрастали легендами, и пришел к такому заключению: для того, чтобы легенды полностью вытеснили историческую правду, не хватило бы даже двух полных поколений[129].

Вернемся к нашему следствию — «делу об Иисусе». С высоты минувших веков мы видим, что весть о Его опустевшей гробнице, свидетельства тех, кто видел Его воскресшим, и убежденность в Его божественности возникли практически мгновенно.

Символ веры из пятнадцатой главы 1-го послания к Коринфянам, где утверждается, что Иисус умер за наши грехи, и перечисляются Его многочисленные явления после Воскресения, сложился буквально через два года после Распятия. А рассказ евангелиста Марка о пустой гробнице основан на материале, возникшем вообще через два года после описываемых событий!

Евангелия, повествующие об учении, чудесах и Воскресении Иисуса, были созданы еще при жизни Его современников. Если бы описанные там факты были приукрашены или фальсифицированы, наверняка нашлось бы множество добровольцев, которые не без злорадства вывели бы авторов на чистую воду. Божественную природу Иисуса подтверждают и самые ранние христианские гимны.

Бломберг подытожил все это следующим образом: *«В первые два года после смерти Иисуса* Его многочисленные последователи сформулировали учение об искуплении; они были убеждены, что Он восстал из мертвых, воскреснув во плоти; они считали Его Богом; и они не сомневались, что в Ветхом Завете содержатся подтверждения всему, во что они верят»[130].

А вот вывод Уильяма Лейна Крэга: «Подсчитав, сколько нужно времени, чтобы евангельские события обросли легендами, мы перенесемся во II век от Рождества Христова — *как раз в тот период, когда возникли апокрифические евангелия*. Это и есть те самые легенды, которые так нужны критикам»[131].

Мифы об Иисусе, способные затмить историческую истину, просто не успели бы сложиться — особенно если учесть, что еще были живы люди, знавшие Его лично. В 1844 году немецкий богослов Мюллер бросил скептикам вызов — предложил привести хотя бы один исторический пример столь стремительного мифотворчества. Ответом его — да и наших с вами — современников стало выразительное молчание[132].

В тот день, 8 ноября 1981 года, я понял, что свидетельства истории отмели последнее и самое существенное мое возражение. Я осознал, что побит собственным оружием, — и усмехнулся этому. В ходе следствия, под лавиной свидетельств «в пользу» Христа, я обнаружил потрясающий парадокс: теперь, чтобы остаться атеистом, мне нужно приложить куда больше усилий, чем чтобы уверовать в Иисуса из Назарета!

«НУ, И ЧТО ТЕПЕРЬ?»

Помните историю Джеймса Диксона? Все свидетельства указывали на то, что он виновен в вооруженном нападении на сержанта чикагской полиции. Диксон даже признал свою вину!

Однако в ходе более тщательного расследования внезапно открылось, что тем же свидетельствам гораздо точнее соответствует иной сценарий, а именно: Диксон невиновен, сержант полиции «подставил» его! Джеймса Диксона освободили, а перед судом предстал настоящий преступник — тот самый сержант. Завершая наше с вами «следствие по делу Христа», я хочу вернуться к двум важнейшим урокам, которые вынес из дела Диксона.

• Во-первых, вся ли необходимая информация была собрана?

Да, вся. Я разыскал настоящих специалистов, способных четко сформулировать свою позицию и доказать ее с помощью исторических свидетельств, которые я, в свою очередь, подвергал перекрестному допросу. Мнения ученых мне было мало; я требовал фактов. В противовес доводам собеседников я выдвигал современные атеистические и либеральные теории. Однако мои оппоненты сумели представить самые точные, верные и надежные исторические данные об Иисусе; в этом им помогли не только образование и опыт, но и характер!

• Во-вторых, какое объяснение лучше всего соответствует всей совокупности фактов?

К восьмому ноября 1981 года мой излюбленный, нежно лелеемый тезис о легенде был полностью развенчан. Более того: мой типично журналистский скептицизм по отношению к сверхъестественному растаял в свете захватывающих свидетельств Воскресения как реального факта. Мой мозг был не в состоянии измыслить ни одного объяснения, которое так же хорошо соответствовало бы историческим свидетельствам, как тот вывод, что Иисус — именно Тот, за Кого Себя выдавал: единственный и Единородный Сын Божий.

Атеизм, которого я столько лет придерживался, рассыпался под тяжестью фактов истории. Это был поразительный эффект, поворот на сто восемьдесят градусов. Разумеется, начиная расследование, я и представить не мог подобного исхода; однако его определили не мои желание и представления, а факты.

Все это привело меня к очередному вопросу: «Ну и что?» Да, допустим, все это верно; но какое это имеет значение? По этому поводу у меня возник целый ряд выводов:

- Если Иисус — Сын Божий, то Его учение — не простомудрые мысли великого учителя, но божественные откровения, на которых я могу с уверенностью строить жизнь.
- Если Иисус устанавливает моральные нормы, то для выбора и решений у меня есть фундамент куда более прочный, нежели зыбкая почва «целесообразности» и эгоцентризма.
- Если Иисус вправду восстал из мертвых, значит, Они сегодня жив, и я могу общаться и дружить с Ним.
- Если Иисус победил смерть,Онможетоткрытьвратаввечную жизнь и для меня.
- Если Иисус обладает божественной силой и властью, значит, если я последую за Ним, Он может чудесным образом направить, укрепить и изменить меня.

- Если Иисус Сам прошел путь страданий и утрат, Он способен утешить и ободрить меня в моих невзгодах — которые, как Он учил, неизбежны в этом мире, испорченном грехом.
- Если Иисус говорит правду, утверждая, что любит меня, — выходит, Он желает мне только добра. А это означает, что, вверив себя Ему и Его замыслу, я ничего не потеряю, зато приобрету все.
- Если Иисус–Тот, за Кого Себя выдает (и, заметьте, ни один основатель какой бы то ни было религии не претендовал на то, чтобы зваться Богом!), то, будучи моим Создателем, Он по праву достоин моей преданности, послушания и поклонения.

Я помню, как записал все это в том самом журналистском блокноте и откинулся на спинку стула. Мое духовное путешествие длиной почти в два года окончилось. Я нашел то, что искал. Пришла пора ответить на самый трудный вопрос: «Ну, и что теперь?»

ФОРМУЛА ВЕРЫ

После «следствия», длившегося почти шестьсот дней и не счесть сколько часов, я вынес собственный вердикт по «делу о Христе». Однако в тот день, сидя за столом, я четко осознавал: решить умом — это еще не все. Мне нужно было то самое «эмпирическое подтверждение», тот самый шаг от теории к практике, о котором говорил в последнем нашем интервью Дж. П. Морлэнд.

В поисках пути, который позволил бы мне сделать этот шаг, я потянулся за Библией — и открыл Евангелие от Иоанна 1:12, стих, который впервые прочел в ходе своего расследования: «А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими».

Ключевые слова этого стиха с математической точностью разъясняют, как выйти за пределы логического, умственного признания божественности Иисуса и вступить в вечный союз с Ним, войдя в Божью семью. Формула проста: уверовать + принять = быть.

1. Уверовать

Как человек, получивший образование в области журналистики и юриспруденции, я приучен следовать фактам, куда бы они ни вели. А факты вели меня к убеждению, что Иисус — Сын Божий, Который умер вместо меня, чтобы искупить все мои грехи.

А грехов я совершил много, очень много. Не буду вдаваться в подробности, пощажу себя и вас, — скажу лишь, что жизнь я вел безнравственную, думал только о себе, богохульничал, пил. Я плел интриги за спиной у коллег; в поисках сенсаций я постоянно нарушал закон и моральные нормы. В личной жизни я пожертвовал женой и детьми, бросив их на алтарь успеха. Я лгал, ловчил, обманывал. Мое сердце ожесточилось до крайнего предела. Главной движущей силой моей жизни стали удовольствия — и, по иронии судьбы, чем жадней я к ним стремился, тем эфемернее и пагубнее они становились.

И когда я прочел в Библии, что эти грехи разлучают меня с Богом, Который свят и праведен, эти строки отозвались во мне болью — я физически ощутил, что это правда. Конечно же, Бог, чье существование я отрицал годами, казался мне тогда немыслимо далеким. Я понял: чтобы преодолеть пропасть, разделяющую нас, мне

необходим Крест Иисуса. Апостол Петр сказал: «Потому что и Христос, чтобы привести нас к Богу, однажды пострадал за грехи наши, праведник за неправедных» (1 Пет. 3:18).

Теперь я в это верил. Свидетельства истории и моего личного опыта были слишком сильны, чтобы ими пренебречь.

2. Принять

Все вероучения, с которыми я столкнулся в процессе этого расследования, требовали от человека что-то *сделать*, чтобы *заслужить* право вернуться к Богу, — например, совершить хадж, очиститься от кармы предыдущих перерождений или изменить свой характер. Многие люди искренне пытаются следовать подобным требованиям, но у них ничего не получается…

Христианство в этом смысле уникально. Оно основано на принципе «уже сделано». Иисус на кресте сделал за нас то, чего мы не в силах сделать сами. Он искупил нас, чтобы примирить нас с Богом, Он Своей смертью заплатил за наш бунт и наши грехи.

Оказывается, незачем лезть вон из кожи, добиваясь невозможного. Библия снова и снова говорит, что Иисус Сам предлагает нам прощение и вечную жизнь. Это — дар, который невозможно заслужить (*см. Рим.* 6:23; *Еф.* 2:8–9; *Тит.* 3:5). Этот дар зовется благодатью. Божья благодать — это Его величайшая милость, незаслуженное благословение. Она дается каждому, кто попросит о ней в молитве, искренне покаявшись. Даже такому грешнику, как я.

Да, чтобы уверовать, я совершил сознательный шаг. Такие шаги мы совершаем всякий раз, когда принимаем решение. Но вот в чем состояло принципиальное отличие: я больше не пытался плыть против течения, я направился туда, куда нес меня могучий поток свидетельств и фактов. Это было разумно, логично и здраво. Более того: каким-то необъяснимым образом я почувствовал, что именно в этом направлении нежно ведет меня Дух Божий.

Вот почему в тот день, 8 ноября 1981 года, я обратился к Богу с открытым сердцем и искренней молитвой. Я признал все свои грехи и отвернулся от них. Я принял от Иисуса дар прощения и вечной жизни и попросил Его помощи, чтобы отныне всегда ходить Его путями.

Гром не грянул, небеса не разверзлись, молнии не засверкали. Я знаю, бывают люди, которых в этот миг захлестывали бурные эмоции; меня же захлестнул, подхватил и понес поток здравого смысла.

3. Быть

Из Евангелия от Иоанна 1:12 я уже знал, что, поверив и приняв, делаю шаг в новую жизнь. Я стал другим: я стал чадом Божьим, навеки принятым в Его семью благодаря Воскресению Иисуса — реальной, исторической Личности. Апостол Павел сказал: «Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое» (2 Кор. 5:17).

Ясно, что с тех пор, как я принял решение следовать учению Иисуса и вверил себя Его преображающей силе, мои приоритеты, ценности и характер начали меняться — и меняются до сих пор. Я все сильней хочу, чтобы Его желания и взгляды стали моими. Перефразируя Мартина Лютера Кинга, скажу так: «Может быть, я еще не тот человек, которым должен быть, и не тот, кем когда-нибудь с Божьей помощью стану, — но, слава Богу, я уже и не тот, кем был!»

Может быть, вам это покажется мистикой, не знаю. Мне, по крайней мере, совсем недавно казалось. Но сейчас для меня и для моих близких это стало самой реальной реальностью. Скажу больше: уже через несколько месяцев после того, как я стал последователем Иисуса, перемены во мне стали настолько разительными, что моя пятилетняя дочурка Элисон подошла к маме и сказала: «Мамочка, пусть Бог и со мной сделает то, что Он сделал с папой!»

Прежде эта девочка знала только одного папу — папу, который ругается, сквернословит, кричит и слишком редко бывает дома. Она никогда не брала интервью у известных ученых и не разбиралась в исторических свидетельствах, — зато она своими глазами видела, как Иисус меняет человеческую жизнь. По сути дела, она сказала вот что: «Если Бог делает с людьми именно это, — тогда я этого хочу!»

Глядя в прошлое, я ясно вижу, что тот день двадцать лет назад, когда я принял решение «в пользу» Христа, стал главным днем всей моей жизни.

ВЫНЕСИТЕ СВОЙ ВЕРДИКТ!

А теперь поговорим о вас. В начале этой книги я просил вас быть справедливым и беспристрастным присяжным и делать лишь те выводы, которые напрямую вытекают из представленных вам свидетельств. В конце концов, вердикт выносите вы, и только вы. Никто за вас этого не сделает.

Наверное, теперь, когда вы ознакомились с мнением стольких специалистов, выслушали столько аргументов, узнали ответы на столько вопросов и поверили все узнанное логикой и здравым смыслом, — наверное, теперь вы, как и я, пришли к выводу, что в «деле о Христе» все «свидетельства защиты» более чем убедительны.

Та часть Евангелия от Иоанна 1:12, которая относится к вере, уже утвердилась в вашем сердце. Вам осталось лишь принять Его благодать — и, став Его сыном или дочерью, пуститься в духовное путешествие, которое озарит чудесным светом вашу земную жизнь и жизнь вечную. Настало время перейти от теории к практике, и я призываю вас сделать этот радостный шаг, не откладывая.

Но, возможно, у вас еще остались вопросы? Возможно, того «но», которое особенно не дает вам покоя, я как раз и не коснулся? Очень может быть. В одной книге нельзя всего учесть и все охватить. Но я надеюсь, что свидетельства, приведенные на этих страницах, по меньшей вере убедят вас, что это расследование имеет смысл продолжать (а точнее — нельзя не продолжить). Отметьте для себя вопросы, в которых вам требуются дополнительные доказательства и аргументы, и обратитесь за ответами к признанным специалистам. Если вам кажется, что у вас есть сценарий событий, который лучше соответствует фактам — не пожалейте времени и сил, чтобы подвергнуть его самому пристальному изучению. Читайте книги, упомянутые здесь. Читайте Библию (существует даже особое издание Библии, которое называется *“Journey”*(«Путешествие»), — специально для тех, кто еще не верит, что Библия — это Слово Божье)[133].

Вы поймете, что для окончания расследования нужно просто собрать *достаточно большое* количество свидетельств — полностью раскрыть все вопросы не удастся никогда. Может быть, вы даже обратитесь к Богу, в существовании Которого не уверены, и шепотом попросите Его помочь вам узнать истину о Нем... От всего сердца прошу вас: не останавливайтесь, продолжайте духовный поиск! И что бы вы ни делали, пусть этот поиск выйдет для вас на первый план, пусть он путеводной звездой озарит вашу жизнь! Не относитесь к нему легкомысленно, потому что от вашего решения зависит очень многое. Как очень точно выразился Майкл Мерфи (Michael Murphy), «здесь на кон поставлена не только истина, здесь на кон поставлены мы сами»[134]. Иными словами, если выводы, к которым я пришел, расследуя

«дело о Христе», верны, то ваше будущее на этой земле и ваша вечная жизнь полностью зависят от того, как вы откликнетесь Ему. Ведь Сам Иисус сказал: «Если не уверуете, что это Я, то умрете во грехах ваших» (Иоан. 8:24).

Это мудрые слова, продиктованные подлинной заботой и любовью. Я привожу их здесь в надежде, что они вдохновят вас на деятельный и тщательный поиск.

И помните, что бывают решения, ведущие в тупик. Вот что писал об этом К. С. Льюис, блестящий профессор Кембриджского университета, чье неверие постепенно растаяло в лучах свидетельств о Христе:

«Я сказал все это, чтобы предотвратить воистину глупое замечание: «Готов признать, что Иисус — великий учитель нравственности, но никогда не приму Его претензий на то, что Он Бог». Простой смертный, который утверждал бы такое, — не великий учитель нравственности, а либо сумасшедший, вроде тех, кто считает себя Наполеоном, либо сам дьявол. Альтернативы быть не может: либо это — Сын Божий, либо сумасшедший или кто-то еще похуже. И вы должны сделать выбор: можете отвернуться от Него как от ненормального и не обращать на Него внимания; можете убить Его как дьявола; иначе вам остается пасть перед Ним и признать Его Господом и Богом. Только отрешитесь, пожалуйста, от этой высокомерной бессмыслицы, будто Он — великий учитель-гуманист. Он не дает нам возможности так думать»[135].

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ РАБОТ

Archer—Gleason L. Archer, The Encyclopedia of Bible Difficulties (Grand Rapids: Zondervan, 1982).

Anderson—J. N. D. Anderson, The Evidence for the Resurrection (Downers Grove, Ill.: InterVarsity Press, 1966).

Ankerberg—John Ankerberg and John Weldon, The Facts on the Mormon Church (Eugene, Ore.: Harvest House, 1991).

Ankerberg—John Ankerberg and John Weldon, Knowing the Truth about the Resurrection (Eugene, Ore.: Harvest House, 1996).

Ankerberg—John Ankerberg and John Weldon, Ready with an Answer (Eugene, Ore.: Harvest House, 1997).

Armstrong—Karen Armstrong, A History of God (New York: Ballantine/Epiphany, 1993). Baigent—Michael Baigent, Richard Leigh, and Henry Lincoln, Holy Blood, Holy Grail (New York: Delacorte, 1982).

Barnett—Paul Barnett, Is the New Testament History? (Ann Arbor, Mich.: Vine, 1986).

Barnett—Paul Barnett, Jesus and the Logic of History (Grand Rapids: Eerdmans, 1997). Black—Henry Campbell Black, Black's Law Dictionary, 5th ed. (St. Paul, Minn.: West, 1979).

Blomberg—Craig Blomberg, The Historical Reliability of the Gospels (Downers Grove, Ill.: InterVarsity Press, 1987).

Boyd, Gregory A. Cynic Sage or Son of God? Recovering the Real Jesus in an Age of Revisionist Replies. Wheaton, Ill.: BridgePoint, 1995.

Boyd—Gregory A. Boyd, Jesus under Siege (Wheaton, Ill.: Victor, 1995).

Boyd—Robert Boyd, Tells, Tombs, and Treasure (Grand Rapids: Baker, 1969).

Braaten—Carl Braaten, History and Hermeneutics, vol. 2 of New Directions in Theology Today, ed. William Hordern (Philadelphia: Westminster Press, 1966).

British Medical Journal—"A Case of Congenital Ichthyosiform Erythrodermia of Brocq Treated by Hypnosis," British Medical Journal 2 (1952).

Brown—R. E. Brown, “Did Jesus Know He Was God?” Biblical Theology Bulletin 15 (1985).

Bruce—F. F. Bruce, The New Testament Documents: Are They Reliable? (Grand Rapids: Eerdmans, 1960).

Bruce—F. F. Bruce, The Books and the Parchments (Old Tappan, N.J.:Revell, 1963).

Bruce—F. F. Bruce, Jesus and Christian Origins outside the New Testament (Grand Rapids: Eerdmans, 1974).

Bruce—F. F. Brace, The Canon of Scripture (Downers Grove, Ill.: InterVarsity Press, 1988).

Chicago Tribune—“Bomb Victim’s Body Not in Grave,” Chicago Tribune (January 14, 1998).

Clifford—Ross Clifford, The Case for the Empty Tomb (Claremont, Calif.: Albatross, 1991).

Collins, Gary R. Can You Trust Psychology? Downers Grove, Ill.: InterVarsity Press, 1988.

Collins, Gary R. Christian Counseling: A Comprehensive Guide. Dallas: Word, 1988. Collins, Gary R. The Soul Search. Nashville: Nelson, 1998.

Craig—William Lane Craig, Knowing the Truth about the Resurrection (Ann Arbor, Mich.: Servant, 1988).

Craig—William Lane Craig, Reasonable Faith (Westchester, Ill.: Crossway, 1994).

Craig—William Lane Craig, The Son Rises: Historical Evidence for the Resurrection of Jesus (Chicago: Moody Press, 1981).

Craig, William Lane, and Frank Zindler. Atheism vs. Christianity: Where Does the Evidence Point? Grand Rapids: Zondervan, 1993. Videocassette.

Crossan—John Dominic Crossan, The Historical Jesus (San Francisco: HarperSanFrancisco, 1991).

Donate—Maria Donato, “That Guilty Look,” Chicago Tribune (April 1, 1994).

Drane—John Drane, Introducing the New Testament (San Francisco: Harper & Row, 1986).

Dunn—James D. G. Dunn, Jesus and the Spirit (London: SCM Press, 1975). Dunn—James Dunn, The Living Word (Philadelphia: Fortress, 1988).

Edwards—William D. Edwards et al., “On the Physical Death of Jesus Christ,” Journal of the American Medical Association (March 21, 1986), 1455 — 63.

Evans—Colin Evans, The Casebook of Forensic Detection (New York: John Wiley & Sons, 1996).

Finegan—Jack Finegan, The Archaeology of the New Testament (Princeton: Princeton Univ. Press, 1992).

Foreman, Dale. Crucify Him. Grand Rapids: Zondervan, 1990.

France—R. T. France, The Evidence for Jesus (Downers Grove, Ill.: InterVarsity Press, 1986).

Fruchtenbaum, Arnold. Jesus Was a Jew. Tustin, Calif.: Ariel Ministries, 1981.

Frydland, Rachmiel. What the Rabbis Know about the Messiah. Cincinnati: Messianic, 1993.

Geisler—Norman Geisler and Thomas Howe, When Critics Ask (Wheaton, Ill.: Victor, 1992).

Geisler—Norman L. Geisler and William E. Nix, A General Introduction to the Bible (1968; reprint, Chicago: Moody Press, 1980).

Geivett—R. Douglas Geivett and Gary R. Habermas, eds., In Defense of Miracles (Downers

Grove, Ill.: InterVarsity Press, 1997).

Grant—Michael Grant, Jesus: An Historian’s Review of the Gospels (New York: Charles Schribner’s Sons, 1977).

Green—Michael Green, Christ Is Risen: So What? (Kent, England: Sovereign World, 1995).
Green—Michael Green, The Empty Cross of Jesus (Downers Grove, Ill.: InterVarsity Press, 1984).
Greenleaf—Simon Greenleaf, The Testimony of the Evangelists (Grand Rapids: Baker, 1984).
Gregory—Leland H. Gregory III, "Top Ten Government Bloopers," George (November 1997).
Gruenler—Royce Gordon Gruenler, New Approaches to Jesus and the Gospels (Grand Rapids: Baker, 1982).
Habermas—Gary Habermas, The Historical Jesus (Joplin, Mo.: College Press, 1996).
Habermas—Gary Habermas, The Verdict of History (Nashville: Nelson, 1988).
Habermas—Gary Habermas and Antony Flew, Did Jesus Rise from the Dead? The Resurrection Debate (San Francisco: Harper & Row, 1987), xiv.
Habermas, Gary, and J. P. Moreland. Beyond Death: Exploring the Evidence for Immortality. Westchester, Ill.: Crossway, 1998.
Habermas—Gary Habermas and J. P. Moreland, Immortality: The Other Side of Death (Nashville: Nelson, 1992).
Harris, Murray J. Jesus As God. Grand Rapids: Baker, 1993.
Harris, Murray J. Three Crucial Questions about Jesus. Grand Rapids: Baker, 1994.
Hengel, M. Crucifixion in the Ancient World. Philadelphia: Fortress, 1977. Ignatius—Ignatius, Trallians 9.
Irenaeus—Irenaeus, Adversus haereses 3.3.4.
Johnson—Denny Johnson, "Police Add Electronic 'Sketch Artist' to Their Bag of Tricks," Chicago Tribune (June 22, 1997).
Johnson—Luke Timothy Johnson, The Real Jesus (San Francisco: HarperSanFrancisco, 1996). Josephus—Josephus, The Antiquities 20.200.
Kaiser, Walter C., Jr. The Messiah in the Old Testament. Grand Rapids: Zondervan, 1995.
Kenyon—Frederic Kenyon, Handbook to the Textual Criticism of the New Testament (New York: Macmillan, 1912).
Kenyon—Frederic Kenyon, The Bible and Archaeology (New York: Harper, 1940).
Lake—Kirsopp Lake, The Historical Evidence for the Resurrection of Jesus Christ (London: Williams & Norgate, 1907).
Lawrence—D. H. Lawrence, Love among the Haystacks and Other Stories (New York: Penguin, 1960).
Lewis—C. S. Lewis, Mere Christianity (New York: Macmillan-Collier, 1960).
Lewis—C. S. Lewis, The Screwtape Letters (London: Collins-Fontana, 1942). Maier—Paul L. Maier, Pontius Pilate (Wheaton, Ill.: Tyndale House, 1968).
Maier—P. Maier, "Sejanus, Pilate, and the Date of the Crucifixion," Church History 37 (1968).
Marshall—I. Howard Marshall, I Believe in the Historical Jesus (Grand Rapids: Eerdmans, 1977).
Martin—Michael Martin, The Case against Christianity (Philadelphia: Temple Univ. Press, 1991).
Martin, W. J. The Deity of Christ. Chicago: Moody Press, 1964.
McDowell—Josh McDowell, Evidence That Demands a Verdict (1972; reprint, San Bernardino, Calif.: Here's Life, 1986).
McDowell—Josh McDowell, More Than a Carpenter (Wheaton, Ill.: Living Books, 1977).
McDowell—Josh McDowell, The Resurrection Factor (San Bernardino, Calif.: Here's Life, 1981).

McDowell—Josh McDowell and Bart Larson, Jesus: A Biblical Defense of His Deity (San Bernardino, Calif.: Here's Life, 1983).
McDowell—Josh McDowell and Bill Wilson, He Walked among Us (Nashville: Nelson, 1994).
McFarlan—Donald McFarlan, ed., The Guinness Book of World Records (New York: Bantam, 1991).
McGinniss—Joe McGinniss, Fatal Vision (New York: New American Library, 1989).
McRay—John McRay, Archaeology and the New Testament (Grand Rapids: Baker, 1991).
Metzger—Bruce M. Metzger, The Canon of the New Testament (Oxford: Clarendon Press, 1988).
Metzger—Brace M. Metzger, The Text of the New Testament (Oxford: Oxford Univ. Press, 1992).
Miller—Kevin D. Miller, "The War of the Scrolls," Christianity Today (October 6, 1997).
Montgomery—John Warwick Montgomery, ed., Christianity for the Tough-Minded (Minneapolis: Bethany House, 1973).
Moreland, J. P. Scaling the Secular City. Grand Rapids: Baker, 1987.
Morison, Frank. Who Moved the Stone? Grand Rapids: Zondervan, 1987.
Moule—C. F. D. Moule, The Phenomenon of the New Testament (London: SCM Press, 1967).
Мьller—Julius Мьller, The Theory of Myths, in Its Application to the Gospel History,
Examined and Confuted (London: John Chapman, 1844).
Neill—Stephen Neill, The Interpretation of the New Testament 1861 — 1961 (London: O.U.P., 1964).
O'Collins—Gerald O'Collins, The Easter Jesus (London: Barton, Longman & Todd, 1973).
Patzia—Arthur G. Patzia, The Making of the New Testament (Downers Grove, Ill.:
Peck—M. Scott Peck, People of the Lie (New York: Touchstone, 1997).
Pelikan—Jaroslav Pelikan, The Christian Tradition: A History of the Development of Doctrine, vol. 1,
The Emergence of the Catholic Tradition (100 — 600) (Chicago: Univ. of Chicago Press, 1971).
Phlegon—Phlegon, Olympiades he Chronika 13, ed. Otto Keller, Rerum Naturalium Scriptores Graeci Minores, I (Leipzig: Teurber, 1877).
Possley—Maurice Possley, "Mob Hit Man Aleman Gets One Hundred to Three Hundred Years," Chicago Tribune (November 26, 1997).
Proctor, William. The Resurrection Report. Nashville: Broadman & Holman, 1998.
Rosen—Marjorie Rosen, "Getting Inside the Mind of a Serial Killer," Biography (October 1997).
Rosen, Moishe. Y'shua, the Jewish Way to Say Jesus. Chicago: Moody Press, 1982.
Rosen—Ruth Rosen, ed., Jewish Doctors Meet the Great Physician (San Francisco: Purple Pomegranate, 1997).
Schaff—Philip Schaff, The Person of Christ (New York: American Tract Society, 1918).
Schonfield—Hugh Schonfield, The Passover Plot (New York: Bantam 1965).
Sherwin-White—A. N. Sherwin-White, Roman Society and Roman Law in the New Testament (Oxford: Clarendon Press, 1963).
Smith—Morton Smith, "Biblical Arguments for Slavery," Free Inquiry (Spring 1987), 30.
Sowell—Thomas Sowell, Race and Culture (New York: Basic, 1995).
Stoner—Peter W. Stoner, Science Speaks (Chicago: Moody Press, 1969).
Stott, John. Basic Christianity. Grand Rapids: Eerdmans, 1986.

Strobel—Lee Strobel, “His ‘I Shot Him’ Stuns Courtroom,” Chicago Tribune (June 20, 1975).
Strobel—Lee Strobel, “Pal’s Confession Fails; Defendant Ruled Guilty,” Chicago Tribune (June 21, 1975).
Strobel—Lee Strobel, “Jury in Makeshift Courtroom Hears Dying Boy Tell of Attack,” Chicago Tribune (February 24, 1976).
Strobel—Lee Strobel, “‘Textbook’ Thumbprint Aids Conviction in Coed’s Killing,” Chicago Tribune (June 29, 1976).
Strobel—Lee Strobel, “Four Years in Jail—and Innocent,” Chicago Tribune (August 22, 1976).
Strobel—Lee Strobel, “Youth’s Testimony Convicts Killers, but Death Stays Near,” Chicago Tribune (October 25, 1976).
Strobel—Lee Strobel, “Did Justice Close Her Eyes?” Chicago Tribune (August 21, 1977).
Strobel—Lee Patrick Strobel, Reckless Homicide: Ford’s Pinto Trial (South Bend, Ind.: And Books, 1980).
Strobel—Lee Strobel, God’s Outrageous Claims (Grand Rapids: Zondervan, 1997). Telchin—Stan Telchin, Betrayed! (Grand Rapids: Chosen, 1982).
Templeton—Charles Templeton, Act of God (New York: Bantam, 1979).
Templeton—Charles Templeton, Farewell to God (Toronto: McClelland & Stewart, 1996).
Thompson, J. A. The Bible and Archaeology. Grand Rapids: Eerdmans, 1975.
Warfield—Benjamin B. Warfield, Introduction to Textual Criticism of the New Testament (London: Hodder & Stouighton, 1907).
Webster’s—Webster’s Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language (New York: Gramercy, 1989).
Wilcox—M. Wilcox, “Jesus in the Light of His Jewish Environment,” Aufstieg und Niedergang der rцmischen Welt 2, no. 25.1 (1982).
Wilkins—Michael J. Wilkins and J. P. Moreland, eds., Jesus under Fire (Grand Rapids: Zondervan, 1995).
Wilson—Ian Wilson, Jesus: The Evidence (1984; reprint, San Francisco: HarperSanFrancisco, 1988).
Witherington—Ben Witherington III, The Christology of Jesus (Minneapolis: Fortress, 1990).
Yamauchi—Edwin Yamauchi, “Josephus and the Scriptures,” Fides et Historia 13 (1980).
Yamauchi, Edwin. The Stones and the Scriptures. New York: J. B. Lippencott, 1972. Zindler—Frank Zindler, “Where Jesus Never Walked,” American Atheist (Winter 1996 — 1997).
Zodhiates, Spiros. Was Christ God? Grand Rapids: Eerdmans, 1966.
Zondervan—The Journey (Grand Rapids: Zondervan, 1996).

ОБ АВТОРЕ

Ли Стробел окончил юридический факультет Йельского университета. В течение тринадцати лет был преуспевающим журналистом в *“Chicago Tribune”*и других газетах. Отмечен различными премиями. В духовном отношении до 1981 года был неверующим; сейчас служит пастором в церкви Уиллоу-Крик в пригороде Чикаго. Автор популярнейших книг: «Невоцерковленные Гарри и Мэри: что у них на уме?» (*“Inside the Mind of Unchurched Harry and Mary”*), «Что сказал бы Иисус» (*“What Jesus Would Say”*) и «Вызывающие притязания Бога» (*“God’s Outrageous Claims”*).

Ли и его жена Лесли живут в Вест-Данди, штат Иллинойс; двое их детей учатся в колледже.

СООБЩАТЬ *Истину скептикам*;

УТВЕРЖДАТЬ *в Истине принявших ее*;

ОСНАЩАТЬ *Божьих людей на защиту Божьего слова*.

Христианский научно-апологетический центр

- представляет собой внеконфессиональную христианскую миссию, распространяющую научные знания о Божьем творении.
- осуществляет организацию и проведение лекций и семинаров, а также издание литературы по апологетике, научному креационизму и примыкающим к ним тематикам,
- является неформальным объединением тех, кого Господь призывает на защиту Его Слова, кто «всегда готовы всякому требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением».

Науково-популярне видання
Ли Стробел
ХРИСТОС ПОД СЛЕДСТВИЕМ
Журналист расследует основные доводы против христианской веры
(Російською мовою)
Издание осуществлено по заказу Христианского научно-апологетического центра
www.ScienceAndApologetics.com
www.ScienceAndApologetics.org
Переклад: *Евгения Канищева, Елена Буклерская*
Науковий редактор: *Евгения Канищева*
Внутрішній дизайн: *Шеррі Л. Хоффман (Sherri L. Hoffman)*
Комп'ютерна верстка: *Вадим Кокоз*
Коректор: *Людмила Якубсон*
Видання та друк: видавництво «ДІАЙПІ»
м. Сімферополь, пр., 17
тел./факс (0652) 248-178, 711-687
dip@diprint.com.ua, www.diprint.com.ua
Свідоцтво про державну реєстрацію ДК No1744 від 8.04.2004 р.

Ця книга — разюча розповідь про особисте навертання з атеїзму до християнства, у ній репрезонтовані вичерпні свідоцтва (історичні, наукові, філософські, психологічні) «експертів-очевидців» про життя, діяльність, смерть та Воскресіння Ісуса.

Книга зачепить розуми і серця богатьох. Її повинні прочитати всі, хто цікавиться історичними основами християнської віри: віруючі та атеїсти, учні шкіл, студенти вузів і технікумів, батькі — дітям.